

15(6)
E 248

**Евроцентризм и афроцентризм
накануне XXI века:
африканистика в мировом
контексте**

ВВЕДЕНИЕ

Для тех, кто ищет полного и окончательного ответа на вопрос, что же такое эти «центризмы», афро- и евро-, эта книга будет, наверно, разочарованием. Конференция, материалы которой мы публикуем — «Афроцентризм и евроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте» проходившая в сентябре 1999 в Москве — не дала ответа на этот вопрос, да и не могла, конечно, его дать. Проблема взаимной полярности и в то же время взаимной зависимости и даже нерасчленимости афроцентризма и евроцентризма становится одной из важнейших проблем исторической науки нового века. Так что пройдут еще десятки, если не сотни конференций на эту тему, прежде чем она будет хоть в какой-то степени исчерпана.

Но те, кому проблемы афроцентризма и евроцентризма интересны, кто думает над ними, найдут здесь богатый материал для размышлений. Прежде всего, это сама постановка вопроса. Ведь если евроцентризм в истории обсуждается уже несколько десятилетий то с афроцентризмом дело сложнее. Явление, которое можно было бы назвать афроцентризмом, возникло на заре XX века, но называться так оно, конечно, не могло, хотя бы уже из-за аналогии с осуждаемым евроцентризмом. Развиваясь и видоизменяясь, афроцентризм существовал в разных обликах, от идей западноафриканцев Эдварда Блайдена и Генри Сильвестра Уильямса и философии негритюда до движения Черного самосознания и политических установок Африканского ренессанса, ставшего сейчас официальной идеологией в Южной Африке. Что до истории, то здесь идеи афроцентризма в наиболее законченном виде были впервые сформулированы в 60–70-х годах сенегальским ученым Шейхом Анта Диопом, полузабытым в 80–е и 90–е, но обретшим новую популярность на заре нового тысячелетия.

Во всех этих ипостасях афроцентризм обычно анализируется как идеология, как философское и политическое течение, но не как определенная научная концепция, вернее течение — чего нельзя сказать о евроцентризме, подвергшемся весьма всестороннему обсуждению и, конечно, осуждению. Эманации афроцентризма исследованы, научное содержание — практически нет. В то же время, о сути евроцентризма написаны тома, а вот о его исторической эволюции нет практически ничего. Эти пробелы мы и попытались заполнить своей конференцией и этой публикацией.

К обсуждению на конференции было предложено несколько тем: афроцентризм и евроцентризм в африканистике (состояние дискуссий); африканистика в контексте дискуссий о расизме; от панафриканизма к африканскому ренессансу; новые источники и новые документы по Африке и их значение для исследования проблем афроцентризма и евроцентризма; новые подходы к изучению истории Африки в контексте проблем афроцентризма и евроцентризма; Африка и Европа: взаимные представления в кривых зеркалах «центризмов»; Россия и дискуссии по афро- и евроцентризму: традиции и тенденции.

Проблематика сама по себе широкая — при обсуждении таких глобальных понятий как евроцентризм и афроцентризм без некоторой всеохватности не обойтись. Предложенные же доклады расширили наш подход еще больше, хотя темы каждого из них были скорее конкретными, чем общими.

Одной из важнейших тем, обсуждавшихся на конференции неизбежно стало влияние различных аспектов глобализации (в историческом, не в политологическом смысле) на мировидение африканцев, на их судьбы в мире, на роль африканского континента и на восприятие этой роли западным миром: ведь именно в историю глобализации ведут корни и евроцентризма, и афроцентризма. В докладе И.И.Филатовой прослежена историческая эволюция специфики африканского государства и его углубляющегося влияния на мировое политическое пространство — процесс, в большой степени идущий вразрез с идеалами африканского ренессанса. С.Я.Берзина проанализировала роль и значение африканских музейных коллекций Европы и США в процессе культурной глобализации. На примере Гвинеи В.И.Евсеевко интерпретирует восприятие феномена современного тоталитаризма в Европе и в Африке, с позиций евро- и афроцентризма.

Африканская диаспора в Европе, ее судьбы, ее восприятия и представления — другой важный аспект глобализации, обсуждавшийся на конференции. Этой теме было посвящено несколько докладов. Богатая коллекция архивных материалов позволила А.С.Балезину дать развернутую картину трагической судьбы «афронемцев» (потомков смешанных браков) в Германии в 20-е — 30-е годы. Э.Блейкли проанализировал восприятие Европы африканскими иммигрантами в середине и в конце XX столетия и их углубляющееся разочарование в возможности устроить здесь свою жизнь. С.В.Мазов представил новые и чрезвычайно интересные архивные материалы о проявлениях расизма среди советских чиновников по отношению к африканским студентам

в 60-е годы и о реакции студентов. Советскому расизму был посвящен и доклад Н.Г.Щербакова, непосредственно с африканской диаспорой не связанный, но дающий представление о том, с чем сталкивались приезжавшие в Советский Союз африканцы.

Самый большой блок докладов на конференции был посвящен южноафриканским проблемам. Это и не удивительно: и в истории, и в современной ситуации этой страны проблемы афро- и евроцентризма занимают центральное место. Ф.Боннер проанализировал проявления афро- и евроцентризма в политических представлениях и в политике черной элиты Южной Африки в 20-е — 30-е годы. В новаторском исследовании Й.Харнишфегера показаны традиционные корни и инновации в методах политической борьбы в черных сельских и городских районах ЮАР в годы апартхеида. О.Хулец представил картину сложных политических и расовых восприятий работы и доклада Комиссии правды и примирения. В.Г.Шубин продемонстрировал неточности и ошибки в отражении южноафриканской прессой деятельности президента Мбеки. Н.Редлингхейс выступила с обсуждением интерпретации понятия «африканец» в различных кругах южноафриканского общества. Ф. Эйтельберг проследил эволюцию интерпретации проблем национального освобождения Африканским национальным конгрессом в 70-е — 80-е годы.

Наконец, доклады, посвященные важнейшей теме афроцентризма в исторической науке были представлены Н.Б.Кочаковой, проследившей эволюцию и роль афроцентристских подходов в африканистике, и Г.В.Цыпкиным, проанализировавшим, среди прочего, эфиопоцентристский характер эфиопской историографии.

Некоторые доклады, представленные на конференции, по разным причинам не вошли в эту книгу (В.П.Городнов «Евроцентризм и афроцентризм как субъективная реакция на объективный процесс сближения африканских и европейских народов»; И.Грау «Афроцентризм и евроцентризм в историографии 'женской войны' (1929) в юго-восточной Нигерии в колониальные годы»; Ш.Джонс «Евроцентризм или афроцентризм в негритянском вопросе? Реакция Коминтерна в 20-х годах»; Э.С.Львова «Идеи Шейха Анта Диопа: прошлое или настоящее?»; М.Тамаркин «Этничность и государство в Африке: переоценка»; М.А.Толмачева «Глобализация в африканистике»). Мы упоминаем их здесь, чтобы представить полный спектр обсуждавшихся на конференции тем и проблем. Нельзя не отметить и вступительный доклад А.Б.Давидсона, задавший тон всей конференции, и участие в дискуссии патриарха американ-

ской африканистики Т.Кэриса, подтвердившее важность обсуждавшейся тематики.

Что дала эта конференция? Участники не пришли к конкретным, тем более, приемлемым для всех, выводам. Но ведь, кажется, ни одна научная конференция еще не решила ни одной научной проблемы. И все же мы уверены, что конференция внесла свой вклад в дискуссию по обсуждавшейся проблеме. В докладах были поставлены новые проблемы и вопросы (например, роль глобализации в эволюции обоих «центризмов»), определены новые, зачастую неожиданные, подходы к давно обсуждающимся проблемам (например, роль африканских музейных коллекций в процессе культурной глобализации и роль обвинений в колдовстве как средство поддержания не только культурной, но и политической однородности общины), выявлены новые материалы, высвечены новые аспекты темы (например, советский расизм).

И доклады, и дискуссия были доброжелательным, но прямым, подчас острым разговором на чрезвычайно политизированную тему. Нам кажется, что сама постановка проблемы, новизна подходов и отсутствие идеологической конъюнктуры в дискуссии и стали главным итогом нашей конференции. Мы надеемся, что книга отразила эту атмосферу откровенного диалога.

Конференция была организована Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН и Центром «История Африки» Института стран Азии и Африки при МГУ. В первый день, 8 сентября, ее работа проходила в стенах Института всеобщей истории, а 9 сентября участников и гостей конференции приютил Институт стран Азии и Африки при МГУ.

В этой книге собрано большинство из докладов, сделанных на конференции. Мы публикуем их на языке оригинала — по-русски и по-английски, ибо эти два языка были рабочими языками конференции. Пользуясь случаем, хотим выразить здесь благодарность студентам-африканистам ИСАА при МГУ, переводческими стараниями которых русские доклады тут же становились доступными для наших зарубежных гостей, а также А.А.Войтенко, проделавшему большую работу по подготовке рукописи к печати.

* * *

Конференция была приурочена к 70-летию Аполлона Борисовича Давидсона, директора Центра Истории Африки Института всеобщей истории РАН и профессора Института стран Азии и

Африки при МГУ. Участники тепло поздравили юбиляра. Были зачитаны приветствия от премьер-министра правительства Российской Федерации Е.М.Примакова, академика-секретаря Исторического отделения РАН А.А.Фурсенко, дирекции Института всеобщей истории РАН, дирекции Института стран Азии и Африки при МГУ, МИД, Росзарубежцентра. Юбилею А.Б.Давидсона мы и посвящаем эту публикацию.

Торжественность — не в духе юбиляра, поэтому подведение итогов конференции мы заканчиваем стихами Марины Александровны Толмачевой, вполне отразившими дух нашего научного собрания: *

В душе подчас мы проклинаям,
Конгрессы, где все заседаем.
Лишь изысканья и доклады —
Всех могут убедить как надо.

В науке же при плюрализме
Зрим евро- и афроцентризмы
О, конвергенция, о, сладость!
Ты даришь истины нам радость.

Расизм элиты в целом мире
Уже мы гневно осудили.
Наш «третий мир» — он всеобъемлющ,
И мудрости его мы внемлем.

Мы, глобализма апогей,
С докладами — на юбилей,
Всяк здесь наукой увлечен,
Виват, профессор Давидсон!

* Стихи изначально написаны по-английски (подлинник см. *Some Thoughts from the Editors*). Мы предлагаем посильный, но не подстрочный, русский перевод. — *прим. ред.*

SOME THOUGHTS FROM THE EDITORS

For those who look for a full and final answer to the question of what Afrocentrism and Eurocentrism are all about this book could be a disappointment. The conference, the materials of which we publish here, "Afrocentrism and Eurocentrism on the Eve of the XXI

Century: African studies in a world context" (September 1999, Moscow) has not resolved this problem — and could not do so, of course. The problem of the mutual polarity and at the same time of mutual interdependence and even of indivisibility of the notions of Afrocentrism and Eurocentrism belongs in the academic debates on the new century. Dozens if not hundreds of conferences on different aspects of this phenomenon will have to be convened before the topic will be exhausted.

However, those, who are interested in the analysis of problems of Afrocentrism and Eurocentrism, those who study these phenomena will find a good food for thought here. We think that the most important is the formulation of the problem itself. Eurocentrism in history has been discussed for decades but the situation with Afrocentrism is more complicated. It appeared on the eve of the 20th century, although it was called differently, of course. Evolving and developing, Afrocentrism existed in different forms and shapes from the ideas of West Africans Edward Blyden and Henry Sylvester Williams and the philosophy of Negritude to the Black Consciousness movement and to the ideological aspects of African Renaissance in South Africa. As far as history is concerned Afrocentric ideas here were most consistently formulated for the first time in the 1960s and 1970s by Senegalese academic Sheikh Anta Diop, who was half-forgotten during the 1980s and 1990s but gained new popularity on the eve of the new millennium.

In all its emanations Afrocentrism has been usually discussed as an ideology, as a philosophic expression of a certain political tendency but not as an academic concept or school. Eurocentrism, on the contrary, has been long discussed comprehensively and denounced not only on ideological but also on solid academic grounds. The evolution of Afrocentrism is well researched, its academic contents and its background has not been analysed at all. On the other hand, volumes are written on the academic contents and faults of Eurocentrism but practically nothing about its historical evolution. These gaps we have been trying to fill in by our conference and by this publication.

Several topics were offered for discussion: Afrocentrism and Eurocentrism in African studies (the state of the discussion); African Studies in the context of discussions on racism; from Pan-Africanism to the African renaissance; new sources and new documents on Africa and the meaning of these materials for the study of problems of Afrocentrism and Eurocentrism; new approaches to the study of African history in the context of Afrocentrism and Eurocentrism; Africa and Europe: mutual images in the distorting mirrors of «cen-

trisms»; Russia and the discussion on Afro- and Eurocentrism: traditions and tendencies.

This broad approach is well justified for a degree of generalisation is unavoidable while discussing such global phenomena as Afrocentrism and Eurocentrism. The papers presented at the conference have further broadened our approach although it was not the intention of the authors: topics of the majority of papers were usually concrete rather than general.

Unavoidably, one of the most important topics discussed at the conference was the influence of different aspects of globalisation (in the historical sense, not in the sense in which it is used by political scientists) on the vision of the world order by Africans, on their role and fate in that order, on the global role of the African continent and on the perceptions of this role by the Western world. This is no wonder: it is in the history of globalisation that both Afrocentrism and Eurocentrism are rooted. The paper by I.Filatova presents a historical evolution of the specific features of state in Africa, and its deepening influence on the global political space — the process that to a large extent contradicts the ideals of the African renaissance. S. Berzina analyses the role and significance of African collections in European and American museums in the process of cultural globalisation. Using Guinea as an example V.Yevseenko interprets the perceptions of «contemporary totalitarianism» from Euro- and Afrocentric points of view.

The African Diaspora in Europe — its fate, its perceptions and visions — is another important aspect of globalisation that was discussed at the conference. Several papers were devoted to this problem. A large selection of documents from German and Namibian archives enabled A.Balezin to give a graphic picture of the tragedy of «Afro-Germans» (descendants of mixed couples) in Germany in the 1920s and 1930s. A.Blakely analyses the perceptions of Europe by African immigrants in the middle and at the end of the 20th century which show their growing disillusionment about their prospects there. S.Mazov presents new and extremely interesting archival materials that show a racist attitude of Soviet officials towards African students in the 1960s and the students' reaction. The paper by N.Shcherbakov is devoted to Soviet racism generally not in direct connection with African Diaspora but it shows what students coming to the Soviet Union had to face.

The biggest block of papers at the conference was devoted to South African problems. This is not surprising: Afrocentrism and Eurocentrism occupy the central place both in the history and in contemporary politics of this country. Ph.Bonner analyses Afro- and

Eurocentrism in the political perceptions of the South African Black elite in the 1920s and 1930s. J.Harnischfeger's innovative analysis shows traditional roots and new features in the methods of political struggle in Black rural and urban areas under apartheid. O.Hulec presents a picture of complicated political and race perceptions of the work and report of the Truth and Reconciliation Commission. V.Shubin demonstrates mistakes and distortions in the depictions of President Mbeki's activities and image by some South African media. N.Redelinghuis discusses the interpretation of the notion of the «African» in different circles of the South African society. Ph. Eidelberg interprets the evolution of the ANC's approach to the problems of national liberation in the 1970s and 1980s.

Finally, two papers devoted to the most important topic of Afrocentrism in the discipline of History were presented by N. Kochakova who analyses the transformation and role of Afrocentric approaches in African studies, and by G.Tsyppin who, among other things, shows the Ethiopocentric nature of Ethiopian historiography.

For various reasons several papers that were presented at the conference were not included into this book (V.P.Gorodnov, «Afrocentrism and Eurocentrism as a Subjective Reaction to the Objective Process of the Convergence of African and European Peoples»; I.Grau, «Afrocentrism and Eurocentrism in the Historiography of the 'Women's War' (1929) in South East Nigeria during Colonialism»; Sh.Johns, «Afrocentrism or Eurocentrism in the 'Negro Question'? Comintern's reaction in the 1920s»; E.S.Lvova, «The Ideas of Sheikh Anta Diop: past or present?»; M.Tamarkin, «Ethnicity and the State in Africa: the reappraisal»; M.A.Tolmacheva «Globalisation in African Studies»). We mention them here to show the full spectre of problems and themes discussed at the conference. The opening presentation by A.B.Davidson, that set the tone of the conference, should also be mentioned, as well as interventions the patriarch of American African studies, T.Karis whose participation confirmed the importance of the problems under discussion.

What is the result of this conference? The participants have not come to any concrete conclusions that could be acceptable to everyone. But we are not aware of any academic conference that resolved at least one academic problem. Yet we are sure that the conference did play its role in a broader debate. New problems and questions were raised and discussed (e. g. the role of historical globalisation in the development of both «centrisms»); new approaches were offered to the problems that have already been debated (e. g. the role of African museum collections in the process of cultural globalisation; or accusations of witchcraft as a means of preserving

not only cultural but also political homogeneity of the community); new materials on the topic were presented; and new aspects of the topic stressed (for example, Soviet racism).

Both the papers and the discussion were an amicable but open and sometimes heated exchange on an enormously politicised issue. We think that the formulation of the problem, the innovative approaches and the refusal to bow to the accepted ideological framework of the debate were the main result of our conference. We hope that the atmosphere of openness and tolerance that dominated the discussions at the conference is reflected in the book.

* * *

The conference was organised to coincide with the 70th anniversary of Apollon Davidson, Director of the Centre of African History in the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences and Professor of the Department of African Studies of the Institute of African and Asian Countries at Moscow State University. The participants of the conference warmly congratulated Professor Davidson. Greetings came from the then Prime Minister Y.M.Primakov, from the Academic Secretary of the Department of Historical Disciplines of the Russian Academy of Sciences, A. A. Fursenko, from the management of the Institute of General History, from the management of the Institute of African and Asian countries etc. Our publication is dedicated to this jubilee.

However, pomposity does not go well with Apollon Borisovich. This is why on a lighter note we conclude our summary of the conference with an *impromptu poem* by Marina Tolmacheva who fully expressed the spirit of our academic gathering:

IMPROMPTU (in lieu of conclusion)

Commissions, conferences, committees
so often are the bane of meetings,
but good research and presentation
will lead to gentle persuasion.

The current fashion deems eccentric
to be Afro- or Eurocentric.
We clamour for the truth's emergence,
objective process of convergence.

We have condemned elites and racism
in Russia, Europe, and States.

World Tree indeed is all-embracing,
we gather all at Wisdom's gates.

A sample of globalisation,
we all are part of celebration.
This meeting's work will now go on —
Thank you, Professor Davidson.

9 September 1999.

ПОЛВЕКА В АФРИКАНИСТИКЕ*

Аполлон Борисович родился 23 августа 1929 г. в сибирской таежной деревне Ермакове, куда его отца сослали за то, что он, как тогда говорилось, «из бывших». До ближайшего ЗАГСа — много верст, и мать Аполлона Борисовича — она не была ссыльной — добралась туда на лошадях только к середине сентября, когда книгу записей за август уже закрыли. Исключений для сына ссыльного делать, понятно, не стали. Сказали: «Можете выбирать любой день в сентябре». Днем рождения назначили 1 сентября. Аполлон Борисович шутит, что у него два дня рождения, как у английской королевы — ведь английские монархи тоже отмечают день рождения дважды, правда, по иным причинам.

Учился в Ленинграде, в школе на Фонтанке, одной из лучших в городе, которуб до него кончали Аркадий Райкин и академик Зельдович. Чудом пережил страшную первую блокадную зиму. Потом, вместе с семьей, эвакуировался по «дороге жизни». Войну провел в эвакуации в Свердловске, учился в Москве, потом опять вернулся в Ленинград, окончил там школу и в 1948-м поступил на исторический факультет Ленинградского университета, на модную тогда специальность — историю международных отношений.

И жизнь, и научная судьба Аполлона Борисовича не были легкими. Он мало знал отца — с 1928 по 1956-й с небольшими перерывами тот был в ссылках или лишен права жить в больших городах. Оба деда умерли от голода в Поволжье в 1921-м. Большинство родственников — тоже от голода — в блокадном Ленинграде в 1941-м и 1942-м. Аполлон Борисович до сих пор удивляется, что и он, и его мать тогда выжили. После войны Тамара Александровна перебрала десятки работ, чтобы прокор-

мить себя и сына. Работала на фабриках, в учреждениях, в научных институтах, всегда на низкооплачиваемой работе: у нее было хорошее гимназическое образование, но не было специальности. Через много лет, умирая от рака, она говорила Аполлону Борисовичу: «Ты не бойся, от болезни я не умру. В нашей семье умирают от голода». Еще в школе Аполлон Борисович начал сам зарабатывать себе на хлеб: работал переплетчиком. После защиты диссертации, чтобы получить прописку и жилье в Москве, работал рабочим на стройке, прошел весь цикл до монтажника-высотника.

Здесь-то Аполлон Борисович и решил заняться историей Африки. Почему? Аполлон Борисович говорит, что причиной тому — книги его детства: Райдер Хаггард, Луи Буссенар, Майн Рид, «Питер Мариц, юный бур из Трансвааля». Эта приключенческая романтика эта в 30-х годах не переиздавались, но ею полны были тогда старые петербургские квартиры. Влекли к Африке и ходившие в списках африканские стихи Гумилева, о судьбе которого в семье Аполлона Борисовича говорилось немало.

Но была, наверно, и другая причина. О многих периодах и событиях историкам того времени приходилось писать лишь переходя от одной цитаты Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина к другой. Об Африке же классики марксизма написали меньше, так что и оглядываться на цитаты приходилось реже, больше было свободы для независимых оценок и интересных тем.

Начальство идею изучения Африки не одобрило. Завкафедрой, доцент В.Г.Брюнин сказал: «Мы считали Вас толковым студентом, а Вы уходите от злободневных проблем. Да и руководить Вашей работой по Африке на кафедре некому». Действительно, на истфаке Африкой тогда не занимались, и ни в один из курсов она не входила. В учебнике «История колониальных и зависимых стран» был, правда, раздел по Африке, но его опускали: читать лекции было некому, да казалось, что и не нужно. В позднесталинской советской геополитике Африка, в сущности, отсутствовала. На Восточном факультете ЛГУ была маленькая кафедра африканистики, где занимались языками и этнографией. Д.А.Ольдерогге, заведовавший этой кафедрой, согласился руководить работой Аполлона Борисовича, но истфак услуг другого факультета не принял.

Выход однако нашелся. Числиться руководителем согласился один из партийных деятелей Ленинграда. По совместительству он работал в университете и предпочитал руководство курсовыми и дипломными работами лекционным курсам. Истфак возра-

жать не осмелился. Ну а подлинным руководителем был Ольдегорге — неофициально.

За год до окончания университета Аполлон Борисович начал искать работу, но было это в разгар кампании по борьбе с космополитизмом, и выпускника с фамилией «Давидсон» не брали на работу даже в самые отдаленные деревенские школы, хотя мать его была русской и потому, по тогдашним законам, в паспорте у Аполлона Борисовича в графе «национальность» стояло «русский». Аполлон Борисович до сих пор хранит пухлую папку с десятками отказов из самых глухих уголков страны. Но в марте 1953-го Сталин умер, и к июню, когда Аполлон Борисович окончил университет, кампания начала затухать. Аполлон Борисович поступил в аспирантуру московского Института истории, в Сектор новой истории, где работали такие выдающихся историки как А.З.Манфред, Б.Ф.Поршнев, А.С.Ерусалимский, В.Ф.Потемкин. Школа, которую прошел Аполлон Борисович в этом секторе определила тот уровень профессионализма, с которым он в дальнейшем подходил и к исследованиям по Африке. Но Африкой там тоже не занимались, и Аполлон Борисович стал специализироваться по колониальной политике Англии под руководством англоведа Н.А.Ерофеева. С ним Аполлона Борисовича связала потом многолетняя тесная дружба.

Кандидатскую диссертацию «Завоевание Родезии» Аполлон Борисович писал в библиотеках. Больше было негде: вместе с другим аспирантом, тоже ленинградцем, В.С.Дякиным, он снимал «угол» у старой женщины, для которой ее маленькая комнатка была единственным источником дохода. Аполлон Борисович и Дякин спали один на столе, другой на диване, попеременно. Диссертацию представил в срок, но в Институте истории его — единственного из выпуска 1956 г. — не оставили.

Двадцатый съезд партии. Речь Микояна и знаменитая его фраза: «Восток проснулся, а советское востоковедение еще спит». В советской внешней политике начался поворот к Востоку, а затем и к Африке. Институт востоковедения реорганизовали, и в нем создали Отдел Африки — первый большой центр советской африканистики. Ставок дали много, а африканистов тогда почти не было. Глава отдела И.И.Потехин, взял Аполлона Борисовича на работу.

Если в 1953 году в Институте истории от Аполлона Борисовича требовали изучения колониализма, то в Отделе Африки Потехин говорил: «Колониальная политика — не наша тема. Мы должны изучать Африку изнутри». Он и рекомендовал издать

лишь вторую половину диссертации Аполлона Борисовича, о сопротивлении африканцев завоеванию междуречья Замбези-Лимпопо, а главы об английской колониальной политике — снять. Монография «Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации. 1888-1897», опубликованная Аполлоном Борисовичем в начале 1958 г. стала первой книгой, вышедшей из отдела.

Эти годы — вторая половина 50-х и начало 60-х — были поворотным моментом в мировой африканистике. До этого она находилась в руках этнографов и лингвистов. Провозглашение независимости Ганой и Гвинеей, а затем «Год Африки» — 1960-й, когда стали независимыми 17 африканских стран, — этот все ускорившийся процесс деколонизации привлек к изучению Африки историков, политологов и представителей других наук.

Мало кто знал об этом на Западе, но монография Аполлона Борисовича стала первым в мировой африканистике научным исследованием антиколониальных восстаний в «Черной Африке». Известная книга Г.Шепперсона и Г.Прайса о восстании Чилембве в Ньясаленде (Малави) была опубликована через несколько месяцев после книги Аполлона Борисовича.¹

Южноафриканский журнал «Contact» поместил на книгу Аполлона Борисовича рецензию. Сейчас, когда тема антиколониализма заняла столь почетное место в историографии, что уже порядком приелась, трудно представить, что когда-то она пробивала себе дорогу с трудом. Отдав должное профессионализму автора рецензент осудил его подход, да и тему в целом, приравняв антиколониализм к борьбе против сил прогресса и цивилизации.² Вслед за рецензией журнал опубликовал дискуссию по книге, назвав ее «Наша история — мы хотим знать правду». Откликнулся на книгу Аполлона Борисовича и влиятельный журнал «Anthropos». Рецензию для этого журнала написал Гаральд фон Сикар, один из самых авторитетных в то время специалистов по Центральной и Южной Африке (выходец из России, он провел в африканских странах в качестве миссионера почти три десятилетия). Первый в мировой африканистике журнал африканской истории — лондонский «Journal of African History» — стал выходить лишь в 1960-м, но рецензия появилась и там.

Организаторы первой международной конференции по истории Африки (Дар-эс-Салам, 1965г.) выделили Аполлона Борисовича целый день конференции для доклада и ведения дискуссии по проблемам сопротивления Африки колониальному завоеванию. Это предложение было, в сущности, признанием вклада

молодой советской африканистики в изучение истории Африки, но, увы, в Дар-эс-Салам Аполлон Борисович не поехал. Из отдела науки ЦК КПСС сообщили, что разрешения на поездку за рубеж он не получил — как и не раз до этого. Разъяснений, по обычаю тех времен, не последовало, да никто их и не просил, не принято было. Но доклад Аполлона Борисовича был на конференции зачитан, а затем опубликован и в Африке, и в Америке.³

Продолжая избранное направление, Аполлон Борисович решил заняться исследованием истории зулусского народа, прежде всего, его взаимоотношений с бурами и англичанами. Несколько лет собирал материал, но завершить эту тему не смог — отвлекли более злободневные проблемы. «Новейшая история Африки», которую Аполлон Борисович готовил вместе с С.Р.Смирновым и Г.А.Нерсесовым,⁴ стала одним из первых подобного рода трудов в мировой историографии по Африке, но подготовка ее изданий на русском и английском языках заняла несколько лет.

На рубеже 50-х и 60-х годов заниматься фундаментальными исследованиями московским африканистам было крайне трудно. Роль Африки в советской политике быстро росла. Африканские отделы возникли во многих государственных учреждениях и общественных организациях, в издательствах и журналах, на радиовещании. Однако, информации об Африке во всех «инстанциях» было мало. ВУЗы только начинали готовить специалистов по Африке, и африканские отделы «практических» организаций были заполнены непрофессионалами. Не было еще и посольств и журналистских корпунктов — они стали открываться только с началом деколонизации Африки. Поэтому в Институт Африки, созданный в 1959 г., шли «сверху» бесконечные «задания». Вместо академических исследований сотрудникам Института приходилось готовить справки и «аналитические записки» по злободневным событиям в Африке.

Аполлона Борисовича, который перешел на работу в Институт Африки со дня его открытия, все это особенно коснулось. Потехин, создатель и первый директор Института, ценил Аполлона Борисовича, а потому немалая доля заданий ему и доставалась. С 1958 по 1961 г. Аполлон Борисович выступил с докладами об Африке на совещаниях лекторов-международников в шестидесяти городах страны. Читал лекции и в Политехническом музее. А вот в Африке ему побывать тогда не удалось. И все же и в годы «африканского бума» для Аполлона Борисовича она была закрыта. Потехин пытался помочь, но его влияния оказалось недостаточно. Летом 1964-го, уже в больнице, незадолго до смерти, Иван Изосимович посоветовал Аполлону

Борисовичу не тратить больше времени на текучку. «Пиши скорее докторскую!» — написал он ему в своей последней записке.

Докторскую диссертацию Аполлон Борисович защитил в начале 1971г., и сразу же выпустил ее книгой «Южная Африка — становление сил протеста, 1870-1924г.г.».⁵ В этом объемном труде анализировались новые формы антиколониализма, возникшие после подавления «традиционного», т. е. основанного на нормах традиционного общества, сопротивления африканцев колониальному угнетению. Аполлон Борисович собрал большой материал о первых афро-христианских церквях, «туземных ассоциациях», зарождении рабочего класса и интеллигенции, первых забастовках, появлении африканских газет и журналов, рождении политических движений. Рассматривал он и социальный протест в среде белого населения, зарождение и начало деятельности социалистических и коммунистической партий. Работа была построена на уникальных источниках. Ветераны оппозиции режиму апартхеида предоставили Аполлону Борисовичу возможность использовать их богатые личные архивы. В ответ на его запрос Американский Гуверовский институт прислал в Москву микрофильмы своей обширной коллекции южно-африканских документов за 1902-1963 годы. По счастливому стечению обстоятельств Аполлон Борисович получил и редчайшую тогда возможность ознакомиться с документами архива Коминтерна. Правда, цитировать документы и давать ссылки на этот архив ему не разрешили, но с африканской деятельностью Коминтерна он ознакомился основательно.

Исследование Аполлона Борисовича стало важнейшим вкладом не только в развитие отечественной африканистики, но и историографии в целом, обогатив ее новой тематикой и подходом. Вклад этого труда в мировую африканистику был не менее значимым, хотя отклик на него оказался меньшим, чем он мог бы быть. Со времени выхода в свет монографии Аполлона Борисовича были опубликованы десятки исследований по зарождению новых форм протеста на Юге Африки, но многие проблемы и темы, рассмотренные в этой книге, оставались неисследованными до самого последнего времени, а о некоторых не написано ничего и сейчас. Зарубежные специалисты по истории коммунистического движения в Южной Африке до сих пор ссылаются на эту монографию, как на основной труд по этой теме. Но, увы, зарубежом прочитать ее, а значит и оценить, могли лишь единицы. Переводы книг советских историков на иностранные языки считались тогда величайшей привилегией, и

этот уникальный труд Аполлона Борисовича остался не переведенным, несмотря на многочисленные просьбы из Южной Африки.

Параллельно с антиколониальной тематикой Аполлон Борисович занимался и изучением истории связей России и Африки. Историей России он интересовался всегда, считая, что понять чужие страны можно только через историю своей страны. В 1965 г. Аполлон Борисович организовал в Доме Дружбы конференцию «Исторические связи России с народами Африки», материалы которой были опубликованы на английском и французском языках.⁶ С этой темой Аполлон Борисович не расстаётся, в сущности, до сих пор, материалы по ней собирает десятилетиями. В 70-е годы он опубликовал по истории связей России и Африки многочисленные статьи; под его редакцией вышли сборники «Африка глазами наших соотечественников» и «Изучение Африки в России. Дореволюционный период».⁷ Кульминацией этого периода в работе Аполлона Борисовича стала публикация двух книг по истории связей России и Африки в XVIII-м и XIX вв: «Облик далекой страны» и «Зов дальних морей».⁸

Аполлон Борисович трактует «исторические связи» не только и не столько как связи политические, сколько как взаимные образы, взаимные представления России и Африки. Тематика эта не была в те годы в чести. Столь «пост-модернистские» понятия, как «образы» и «представления», плохо укладывались в проблемные рамки и стиль марксистской историографии «застойных» 70-х. Более того, Аполлон Борисович стремился ввести на страницы своего повествования индивидуальность, живого героя, а там, где его не было, домысливал его — метод, совсем уж неподобающий для академических трудов тех лет, но ставший весьма обычным сейчас, через два — два с половиной десятилетия после публикации этих книг. Да и написаны они были непривычно легким литературным пером. Их можно было читать, как роман. Их и читали — читали не только профессиональные историки, но и широкая публика, что не часто случалось в те годы с научными трудами.

Исторические труды, написанные в таком стиле, начали распространяться на Западе с 60-х годов,⁹ а в России они стали появляться лишь в 80-х. Сейчас немногие историки могут позволить себе писать иначе, а в 70-е годы, когда советская африканистика публиковала труды о «некапиталистическом пути развития» и «социалистической ориентации» и получала за это государственные премии, книги Аполлона Борисовича приводили

некоторых в замешательство. Можно ли рекомендовать их студентам? По какому лекционному курсу? Ведь это не вполне «История Африки», но и не вполне история России. И слишком уж популярно написано...

Не только в сталинские времена, но и десятилетия спустя у нас почти не публиковали воспоминаний и жизнеописаний исторических личностей, особенно современников.

Историкам надлежало изучать процессы общественного развития, а не людей: считалось, что процесс и важнее, и «научнее» личности. Да и не укладывались человеческие жизни в строго очерченные параметры «типичных представителей» той или иной официально определенной эпохи, того или иного официально обозначенного явления. Исключением была серия «Жизнь замечательных людей», но имена для этой серии тщательно подбирались и утверждались высокими инстанциями, а биографии тех, кто был признан достаточно «замечательными» зачастую выхолащивались.

Аполлон Борисович же стремился анализировать и передавать исторические события и явления через судьбы людей. Это была, наверно, реакция на примитивную социологизацию истории, которую навязывали его поколению в годы учебы.

Работы Аполлона Борисовича проникнуты этим «личностным» подходом, но особенно важен он был, конечно, в трудах биографического жанра. С аспирантских лет, когда Аполлон Борисович занимался колониальной политикой Англии, его интересовали проблемы колониализма и империализма, прежде всего, имперского менталитета. В середине 70-х гг., он пришел в издательство «Прогресс» с заявкой на книгу о Сесиле Родсе. По его словам, идея такой публикации вызвала там недоумение: если уж писать о знаменитых иностранцах, то о революционерах и «борцах», а не о создателях империй. Но и в эпоху застоя вкусы начальства менялись, и в 1984 г. книга «Сесиль Роде и его время» все же вышла, а в 1988-м, она была издана и на английском языке.¹⁰

О Родсе написаны десятки книг — и романов, и мемуаров, и биографических исследований. Почти одновременно с английским изданием книги Аполлона Борисовича вышла и самая подробная биография Родса, написанная известным африканистом Р. Ротбергом.

И все же книга Аполлона Борисовича не прошла незамеченной. Российского читателя привлекли и личность «отрицательного» героя, что было еще вновинку, и литературные достоинства книги. Для англоязычного же читателя фигура Родса настоль-

ко значима, что до сих пор исследование о нем, написанное советским автором, не могло не привлечь внимания.

Книга эта посвящена скорее переосмыслению эпохи через жизнь Родса, чем мельчайшим деталям его биографии, как обычно пишут в этом жанре английские авторы. В ней было куда больше вопросов «почему», чем это принято в жизнеописаниях в английской историографии. И все же Т.Рейнджер, в то время профессор кафедры Родса в Оксфордском университете, отрецензировав две книги, Ротберга и Аполлона Борисовича, вместе, отдал предпочтение последней. И Рейнджер и другие рецензенты особо отмечали неизвестный им «русский» аспект книги — описание реакции на деятельность Родса в различных политических кругах России.

В 90-е годы, после распада Советского Союза, имперская тематика стала нам ближе, и интерес к таким личностям, как Роде, возрос. В 1997 году московское издательство «Олимп» обратилось к Аполлону Борисовичу с просьбой написать новую книгу о Родсе для серии «Человек-легенда». Издали ее невероятно большим для последних лет тиражем в 15 тыс. экземпляров.¹¹ Интересными книгами читателя в наши дни не удивишь, но книгу Аполлона Борисовича раскупили быстро.

В 90-е годы Аполлон Борисович вернулся к исследованию взаимных образов Африки и России, подведя, однако, свою работу еще ближе к российской истории. В сущности, большинство его трудов последнего десятилетия посвящены теме «Африка в истории России» — тому, как менялся в общественном сознании россиян облик далекого континента, и какое место занимал он в разные годы в общественно-политической жизни страны, и почему. Иными словами, Аполлон Борисович анализировал историю России через то, как виделись ей другие миры.

В 1992 г. вышла давно вынашивавшаяся Аполлоном Борисовичем книга об африканских путешествиях Гумилева.¹² Табу с имени Гумилева в это время было уже снято (в 1986 г. Аполлон Борисович первым в Москве выступил о нем с публичной лекцией), и первый читательский интерес к его личности и жизни был, хотя бы отчасти, удовлетворен. И все же книга Аполлона Борисовича вызвала большой интерес.

Материалы о ней он собирал несколько десятилетий: еще в начале 60-х годов интервьюировал Анну Ахматову, позже Ирину Одоевцеву и Льва Николаевича Гумилева, расспрашивал тех, кто еще помнил атмосферу Серебряного века, читал неопубликованные мемуары и дневники. Без глубокого знания и Африки, и российской истории и литературы начала XX века интер-

претировать крупницы сведений, собранные из всех этих источников, было бы невозможно. Только это необычное сочетание интересов Аполлона Борисовича и энциклопедичность его знаний по обеим темам позволили ему воссоздать полную картину африканских путешествий поэта, что существенно дополнило и исправило сведения о его жизни и об африканской тематике его произведений. На макро уровне эта книга расширила наши представления об «экзотическом» направлении в культурной жизни России начала XX века.

В том же ключе, но на другую тему, была написана книга «Русские и англо-бурская война», изданная Аполлоном Борисовичем в Кейптауне¹³ и вызвала многочисленные отклики: более двух десятков рецензий в газетах и журналах Южной Африки, Англии и России. Многие из рецензентов отмечают, что книга, в сущности, написана о России, о восприятии англо-бурской войны и связанных с ней проблем российским обществом. В сущности, это снова тема Африки и африканской романтики в России, только в другое время и на другом уровне.

Одно из важнейших направлений научных интересов Аполлона Борисовича — изучение истории российской африканистики. Своими публикациями о Д.А.Ольдерогге, Н.А.Ерофееве, И.И.Потехине, Э.Шике, А.З.Зусмановиче, И.Л.Снегиреве, М.Б.Рабиновиче, Г.А.Нерсесове, В.Я.Голанте и О.К.Дрейере Аполлон Борисович отдает дань своим учителям и старшим коллегам и передает лучшее из заложенных ими традиций новым поколениям.¹⁴ Писал Аполлон Борисович и об истоках отечественной африканистики: о тех, кто занимался Африкой в КУТВе и кто там учился (а среди студентов КУТВа были такие известные южноафриканские политики, как Альберт Нзула, Джон Маркс, Мозес Котане, Эдвин Мофутсаньяна), об африканистике в Ленинградском университете.¹⁵

Значение научной деятельности Аполлона Борисовича не ограничивается его личными трудами. В каком бы научном коллективе он ни работал, он неизменно становился инициатором новых научных направлений. В 1971 г. Аполлон Борисович организовал Сектор Африки в Институте Всеобщей истории. В 70-х гг. сектор издал коллективные монографии «Источниковедение африканской истории» (1977) и «Историческая наука в странах Африки» (1979). Авторами этих трудов были как сотрудники сектора, так и другие известные отечественные африканисты. Работа по источниковедению была в числе первых исследований, опубликованных в мировой африканистике на эту тему; исследование африканской историографии — первым. К

сожалению, оба тома остались неизвестными за рубежом, но в России на них учились поколения студентов-африканистов.

Частью официальной, плановой работы Аполлона Борисовича в 70-е — начале 80-х годов было его участие в коллективных монографиях. В эти годы Аполлон Борисович написал главы об истории Тропической и Южной Африки для нескольких обобщающих трудов, изданных как в СССР, так и за рубежом. Среди них «Всемирная история»,¹⁶ главы по Южной Африке для «Истории Африки в XIX — начале XX вв.»¹⁷ и двухтомника «Национально-освободительная борьба народов Африки».¹⁸ Аполлон Борисович стал и одним из немногих советских авторов «Всеобщей истории Африки» изданной под эгидой ЮНЕСКО».¹⁹

В конце 1979 г. дирекция и партбюро Института всеобщей истории упразднили Сектор Африки по не-академическим причинам. Аполлон Борисович перешел на работу в Институт Востоковедения и возглавил группу по изучению национальных проблем. В феврале 1984 г. сектор Африки в Институте всеобщей истории под руководством Аполлона Борисовича был возрожден. Сейчас он называется Центр африканских исследований. С расширением возможностей работы в зарубежных архивах, а затем и открытием отечественных архивов важным направлением работы Центра стали сбор, анализ и публикация новых исторических документов. На основе отечественных и зарубежных архивных свидетельств Центром изданы два тома «Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г.» и подготовлены два тома «Коминтерн и Африка». Ведется работа над томами «История Африки в документах» и коллективной монографией «Советская политика в Африке», также основанной на архивных материалах.

Важнейшим направлением деятельности Аполлона Борисовича стало преподавание. По словам Аполлона Борисовича, в аспирантские годы ему хотелось вести класс в школе. Со школой не получилось, но преподавать пришлось много. В 1959-1960-м он читал курс лекций в Высшей дипломатической школе (теперь Дипакадемия) для дипломатов, переквалифицировавшихся для работы в Африке. В начале 1970-х — курсы в Университете дружбы народов. В 70-х и 80-х — лекции в Институте общественных наук («Ленинской школе») для политических деятелей стран Африки. В 1991-м — в Америке, в университете штата Небраска. В 1991-1998 — в университетах ЮАР. В последние годы он преподавал и в Университете Гуманитарных Наук. Но главный университет Аполлона Борисовича — МГУ. Аполлон Борисович читает лекции в ИСАА и на Истфаке с 1962 г. Внер-

вые в МГУ разработал курсы по новой и новейшей истории Африки, по источниковедению и историографии африканской истории. Написал главы для учебника по новейшей истории стран Азии и Африки.²⁰ В 1989 г. издал учебник «История Тропической и Южной Африки, 1918-1988».

Аполлон Борисович — талантливый, яркий лектор. Он умеет приподнять аудиторию, увлечь ее, показать ей новые горизонты, не подавляя ее при этом обширностью своих знаний. Ему глубоко интересны его студенты, и они платят взаимностью ему и его предмету. Среди бывших студентов Аполлона Борисовича российские и зарубежные журналисты, дипломаты, ученые, преподаватели, политики, парламентарии, министры, общественные и государственные деятели. Аполлон Борисович подготовил более 30 кандидатов наук; некоторые из его бывших студентов и аспирантов защитили докторские диссертации. Студентов своих, бывших и нынешних, никогда не называет «учениками». Ему неприятно, когда так их называет кто-то другой или даже они сами. Аполлон Борисович считает, что учится у студентов и младших коллег точно так же, как они учатся у него, и что преподавание — это процесс взаимного интеллектуального и духовного обогащения студента и преподавателя. Некоторые из его бывших студентов говорят о «школе Давидсона». Если такая школа и есть (что Аполлон Борисович отрицает), то она — в профессионализме, в профессиональной честности, в духе коллективного научного любопытства и энтузиазма научного познания и во взаимном уважении к научной и интеллектуальной независимости и индивидуальности всех, кто к ней причастен.

В советское время, когда политология не существовала как отдельная дисциплина, историк новейшей истории был одновременно и политологом. Для Аполлона Борисовича политология стала второй профессией с молодых ногтей, когда он стал лектором-международником, а затем, в первые годы работы в Институте Африки, изъездил всю страну с лекциями о политической ситуации на континенте. В годы африканского бума он часто выступал с политическими комментариями об Африке по радио и телевидению, позже его неоднократно интервьюировали по этим вопросам и русская служба Би-Би-Си и радио «Свобода». Аполлон Борисович публиковал и публикует многочисленные статьи о политической ситуации в Африке в газетах и публицистических журналах. Были и статьи в «Правде» и «Известиях» и «Коммунисте». В брежневскую эру автору публикаций в таких органах сохранить свое лицо было трудно, но Апол-

лон Борисович всегда стремился не терять своей индивидуальности и достоинства. Аполлон Борисович умеет донести до читателя — и советского, и российского, и зарубежного — то, что он хочет ему сказать, даже если политическая ситуация этому не способствует, и ему приходится идти против течения. Лекционные курсы Аполлон Борисович в Высшей дипломатической школе и в Институте общественных наук, были также нетрадиционны для этих учреждений — святая святых партийной идеологии. И тем не менее приглашали их читать именно его — беспартийного историка.

В 1977-1992 гг. Аполлон Борисович участвовал в Дартмутских конференциях, бывших тогда важнейшим неправительственным каналом в советско-американском диалоге. На Аполлон Борисович возлагалось ведение переговоров по африканским проблемам в дискуссиях в которых принимали участие крупнейшие американские дипломаты и такие представители делового мира как Д.Рокфеллер, а с советской стороны Г.А.Арбатов, Е.М.Примаков и другие политики и политологи.

Важная сфера деятельности Аполлон Борисович — ознакомление российского читателя с культурной и общественной жизнью Южной Африки, а южноафриканцев с историей и культурой России. В отношениях между этими двумя странами это особенно важно, поскольку официальных связей между ними не было с середины 50-х годов, да и до этого они были минимальными. Государственная пропаганда обеих стран тоже немало способствовала созданию взаимно превратных представлений друг о друге. Аполлон Борисович стремился противостоять этому. С 1958 г. под его редакцией, с его предисловиями и комментариями в России вышли десятки переводов книг об Африке, прежде всего, о Южной Африке: исследований, мемуаров, записок путешественников, художественной литературы.

С конца 80-х гг. возможности взаимного ознакомления России и Южной Африки с культурой, научной и общественной жизнью друг друга значительно расширились. Роль Аполлон Борисович в этом процессе очень важна. В 1988 г. он вместе с африканистами многих стран мира в течение нескольких месяцев участвовал в работе Южноафриканской программы Йельского университета; в 1989 г. стал руководителем первой делегации российских ученых, приглашенной в Южную Африку; в 1991 г. несколько месяцев читал лекции в университетах ЮАР и работал в архивах этой страны; в 1992-93 гг. работал в южноафриканском университете Родса.

В 1994 г. Аполлон Борисович организовал и возглавил Центр российских исследований Кейптаунского университета. В речи президента ЮАР Нельсона Манделы на церемонии открытия Центра говорилось, что он призван быть мостом взаимопонимания между ЮАР и Россией и помочь преодолению тех предрассудков, которые накопились в отношениях между этими странами. «Мы ценим тот факт, — сказал Мандела, — что профессор Аполлон Давидсон и его коллеги прекрасно знают настоящий масштаб связей между нашими двумя странами. У них есть личный опыт этих длительных связей...»²¹

В течение четырех лет существования Центра Аполлон Борисович читал в Кейптаунском университете курсы лекций по истории и культуре России, публиковал в Южной Африке статьи о России и в России о Южной Африке, провел несколько конференций на тему об исторических и современных связях между двумя странами, организовал, впервые в Кейптауне, обучение русскому языку, издал сборник «Россия в современном мире».²²

Какому начальнику и какому отделу кадров могла понравиться его анкета? Беспартийный, сын ссыльного, фамилия «неблагозвучная». Нелегко было Аполлону Борисовичу пробивать себе дорогу и потому, что взгляды его весьма далеки были от официальной идеологии. Наверно, кто-то упрекнет Аполлона Борисовича в том, что шел на компромиссы. Что ж, этот упрек можно бросить абсолютному большинству не только ученых-гуманитариев, чья жизнь пришлась на советское время, но и всему населению страны, кроме открытых диссидентов, каковых были в то время единицы. Аполлон Борисович никогда не участвовал в травле инакомыслящих, не подписывал верноподданнических коллективных писем, уклонялся от участия в сменявших друг друга пропагандистских кампаниях, не писал пропагандистских работ, не роил своего достоинства в отношениях с начальством, отказывался от неоднократных предложений вступить в КПСС — отсюда и был так долго «невъездным». Многие ли в его положении захотели или смогли сохранить такую степень принципиальности и независимости?

Приходится только удивляться, что несмотря на все это, Аполлон Борисович сумел так много сделать. Он сумел преодолеть и барьер железного занавеса, и новые препоны, возникшие на пути российской науки в последнее десятилетие.

Аполлон Борисович не зря любит цитировать строки Коржавина:

Время? Время дано.
Это не подлежит обсуждению.
Подлежишь обсуждению ты,
разместившийся в нем.

Он словно живет по принципу любимых строк.

Завершена работа над книгой «Николай Гумилев — поэт, путешественник, воин». Доклад «Бумеранги имперского прошлого» вызвал дискуссию в Институте всеобщей истории. Сделан доклад «Российская эмиграция в Африке». Кейптаунское издательство заказало книги «Россия и ЮАР в XX веке» и «Сесиль Родс». В Центре африканских исследований, которым Аполлон Борисович руководит с 1971 г. тесное научное сотрудничество и по-настоящему дружеским взаимоотношения. Аполлон Борисович говорит, что такая обстановка — залог успеха каждого из сотрудников центра, включая его самого, и всех вместе.

... Странно, что Аполлону Борисовичу — семьдесят. Где бы он ни был, вокруг него всегда водоворот. Беспрестанно звонит телефон, друзья, коллеги и знакомые забегают «на огонек», студенты приходят на консультации, да и сам Аполлон Борисович постоянно на бегу, как и 20, и 30 лет назад: в университет, в издательство, в институт, в журнал... И тревога: не пропадет ли в России интерес к Африке? Очень ведь трудное для всех время... Сдают экзамен на бакалавра любимые студенты. И тревога: хватит ли для них вакансий в магистратуре? Пойдет ли вообще молодежь в африканистику — на мизерную зарплату?

Непонятно даже, когда Аполлон Борисович пишет свои книги и статьи — но он их пишет, пишет больше и лучше, чем когда бы то ни было. А планов, все более захватывающих, хватит еще на три жизни. Может быть, Аполлону Борисовичу и семьдесят, но старость ему не грозит — к радости коллег, друзей и читателей. Аполлон Борисович работает. Времени жаловаться на тяготы собственной судьбы у него не остается.

И. И. Филатова

* Сокращенный вариант этого очерка опубликован в журнале «Новая и новейшая история» (№ 5, 1999, С. 249-252) дирекцией Института Всеобщей истории и редколлекцией журнала.

¹ G. Shepperson, T. Price. *Independent African*. Edinburgh, 1958.

² P. CuUinan. Noble Savagery. Matabele i mashona v borbe protiv angliiskoi koloizatsii. A. B. Davidson (Moscow). *Contact*, 21 March 1959.

³ A. B. Davidson. African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial Rule. In: T. O. Ranger, ed., *Emerging Themes of African*

History, Nairobi, East African Publishing House, 1968; The same in: R. O'Collins, ed./ *Problems in the History of Colonial Africa, 1860-1960*. New Jersey, Prentice-Hall, 1970.

⁴ На русском языке ее публиковали дважды, в 1964 и 1967 гг., на английском — в 1968-м.

⁵ А.Б.Давидсон. *Южная Африка: Становление сил протеста, 1870-1924*. М., «Наука», 1972.

⁶ Английское издание: А. В. Davidson/D. A. Olderogge/V. G. Solodovnikov/eds. *Russia and Africa*. Moscow, 1966.

⁷ Африка глазами наших современников. Под ред. А. Б. Давидсона. М., 1974;

Изучение Африки и России. Дореволюционный период. Под ред. А. Б. Давидсона и Г.А. Нерсесова. М., 1977.

⁸ А.Б.Давидсон, В.А.Макрушин. *Облик далекой страны*. М., 1975
А.Б.Давидсон, В.А.Макрушин. *Зов дальних морей*. М., 1979.

⁹ См. об этом: D.Johnson. The Pop Historians. *Prospect*, November 1998.

¹⁰ A.Davidson. *Cecil Rhodes and His Time*. Moscow, 1988.

¹¹ А.Б.Давидсон. *Сесиль Родс — строитель империи*. М., 1998.

¹² А.Б.Давидсон. *Муза странствий Николая Гумилева*. М., 1992.

¹³ А.В.Давидсон, I.I. Filatova. *The Russians and the Angh-Boer War*. Cape Town, 1998.

¹⁴ См., например, А.Б.Давидсон. У истоков советской африканистики. К 80-летию со дня рождения Эндре Шика. *Вопросы истории*, № 4, 1971; А.Б.Давидсон. И. И. Потехин и советская африканистика. *Советская этнография*, № 4, 1974; А.Б.Давидсон. Эндре Шик. *Народы Азии и Африки*, № 2, 1981; А.Б.Давидсон. И.И.Потехин, А.З.Зусманович, С.Р.Смирнов, Г.А.Нерсесов. В сб.:

Африка е 80-е годы: итоги и перспективы развития. Вып. 4, часть 1, М., 1984; А.Б.Давидсон. Георгий Александрович Нерсесов — историк-африканист. В сб.:

Африка. Проблемы истории. М., 1986; А.Б.Давидсон. Патриарх отечественной африканистики. Из воспоминаний о Д.А.Ольдерогге. *Восток*, № 2, 1993; А. Б. Давидсон. За все, что ему второпях не сказали. В сб. *Олег Константинович Дрейер*. М., 1998; А.Б.Давидсон. Памяти Олега Константиновича Дрейера. *Новая и новейшая история*, № 4, 1998.

¹⁵ А.Б.Давидсон. Африканистика, африканисты и африканцы в Коминтерне. *Восток*, № 6, 1995; № 2 1996; А.Б.Давидсон. Коминтерн в Африке: документы, события, люди. *Новая и новейшая история*, № 3, 4, 1999; А.Б.Давидсон. В ЛГУ полвека назад. Из истории петербургской африканистики. *Восток*, № 4, 1998.

¹⁶ А.Б.Давидсон. Страны Тропической и Южной Африки. В: *Всемирная история*. М., т. XI, 1977; т. XII, 1979; т. XIII, 1983.

¹⁷ А.Б.Давидсон. Страны Южной Африки в 1800-1870 гг.; Страны Южной Африки в 1870-1918. В сб. *История Африки в XIX-начале XXв.М.*, 1984 (2-е изд.).

¹⁸ А.Б.Давидсон. Южная Африка. В сб. *История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время*. М., 1976; А.Б.Давидсон. Южно-Африканская Республика. В сб. *История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время*. М., 1978.

¹⁹ A.Davidson. Politics and Nationalism in Southern Africa, 1919-1935. (with A. Isaacman and R. Pelissier), In: *General History of Africa* (UNESCO), vol. VII, 1985.

²⁰ А.Б.Давидсон. Тропическая и Южная Африка. В: *История стран Азии и Африки в новейшее время*. Часть 1 (1917-1945). М., 1976; А. Б. Давидсон. Тропическая и Южная Африка, Заир, Ангола, Мозамбик, Южно-Африканская Республика. В: *История стран Азии и Африки в новейшее время*. Часть 2 (1945-1977). М., 1979.

²¹ Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies of the University of Cape Town. Delivered by Cabinet Minister Pallo Jordan. Wednesday, 17 August 1994. В сб.: А.В.Давидсон, И.И.Филатова, eds *Russia in the Contemporary World*. Proceedings of the First Symposium in South Africa, Centre for Russian Studies, University of Cape Town, 17-19 August 1994. Cape Town, 1995, p. 6.

²² А.В.Давидсон, И.И. Филатова, eds. *Op. cit.*

* * *

Apollon Davidson

On 1 September 1999 Apollon Davidson, an outstanding Russian Africanist is 70.

Professor Davidson is Head of the Center for African History at the Institute of General History, Russian Academy of Sciences. He is author of 8 books and of about 300 articles on Africa and on history of ties between Africa (mainly South Africa) and Russia. He has edited 10 books on the same subject and is author of prefaces to and editor of dozens of translations of African fiction and poetry into Russian.

Davidson's first book, *Ndebele and Shona in the Struggle against British Colonisation*, was published in 1958 to become the first academic study of anti-colonialism in Africa world wide (the famous *Independent African* by G.Shepperson and T.Price was published the same year, but later). It received much publicity at the time.

His second book, *South Africa, the Birth of Protest, 1870-1924*, published in 1972, became a major classical work on the topic, referred to by specialists on South African Socialist and Communist movements even now, although it has never been into English.

From the middle 1960s Davidson began to study history of ties between Africa and Russia. This academic interest resulted in many articles and two books, *The Image of the Far-off Land*, and *The Call of Southern Seas*, published in 1975 and 1979 (both with

V.A.Makrushin). The books were well received by the Soviet reader but the real significance of these publications has become much clearer with time when the study of historical images moved into the mainstream of world historiography.

Davidson's two books about Cecil Rhodes, *Cecil Rhodes and his Time* (1984, English translation 1988) and *Cecil Rhodes, Builder of the Empire* (1998), were his contribution to the study of colonialism and imperial mentality. His *Muse of Wanderings of the Russian Poet Nikolai Gumilev* (1992), widely popular among the Russian reader, and *The Russians and the Anglo-Boer War, 1899-1902* (1998, with I.I.Filatova) published in south Africa in English and already reviewed by 24 journals, magazines and newspapers, continued and developed his theme of historical ties between Russia and Africa. Now he works, with a group of colleagues, on the publication of the South African documents from the archives of the Communist International (1919-1943) which have been recently opened for scholars.

Davidson wrote chapters of Africa and South Africa in all major Russian and several important international (e.g. UNESCO History of Africa) publications on Africa. He was behind many translations of African fiction, poetry and even research into Russian. He initiated and edited innovative collective works of the Center for African History which he has been leading since 1971 (with an interval from 1979 until 1984 when he worked at the Institute of Oriental Studies).

Professor Davidson taught African history at Moscow State University, Patrice Lumumba Friendship University, Diplomatic Academy and the Institute of Social Sciences. Among his former students, both foreign and Russian, are parliamentarians, diplomats, government officials, journalists, academics, who work in many countries of the world, notably, South Africa, and, of course, in Russia. He also gave public lectures on African affairs in dozens of cities and towns of the Soviet Union, has been often interviewed on African problems by Russian and foreign media.

From 1977 until 1992 he participated in Dartmouth conferences which were the main channel of non-governmental contacts between the USSR and the US during the cold war. He represented Soviet side in the debates on Africa. In 1989 Davidson was part of the first Soviet academic delegation to South Africa. The high-profile visit was organised by the United Democratic Front and Institute for a Democratic Alternative for South Africa.

With the end of the cold war Davidson has often taught and worked in South Africa. From 1994 until 1998 he was Director of the

Russian Center at the University of Cape Town, popularising Russian culture and history among the South Africans.

Professor Davidson has made a unique contribution to African studies (particularly, South Africa) in the Soviet Union and Russia and played an outstanding role in the development of ties between Russia and South Africa.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

А. Б. Давидсон
(г. Москва)

Рад, что мы все здесь. Не так часто теперь бывает, чтобы столько членов нашего цеха — африканистов — собирались вместе.

Работа научных конференций, как я слышал в англоязычных странах, может пойти по одному из двух путей.

Один из них: A conference is a gathering of important people who singly can do nothing but together can decide that nothing can be done.

Я бы не хотел, чтобы мы следовали такому сценарию.

Лучше другой. Как говорил американский писатель Скотт Фицджеральд: *No grand idea was ever born in a conference but a lot of foolish ideas have died there.* Это, мне кажется, и может быть результатом нашей встречи. Хотя бы как минимум.

Ну, а если говорить всерьез, то важность нашей сегодняшней темы — бесспорна.

Недавно появились идеи Африканского Ренессанса. Это продолжение и развитие того, что еще в XIX в. у Блайдена, затем у Сильвестра Уильямса. У Дюбуа и Пэдмора. У Сенгора. У Шейка Анта Диопа.

Идеи афроцентризма появляются снова и снова, развиваются, приобретают новые обличья и расширяют сферы своего влияния.

Но у многих наверняка встанет вопрос: а почему дискутировать об этом здесь в Москве?

Москва имеет к этому прямое отношение. Семьдесят лет назад в Коминтерне стали обсуждать, как говорили тогда, «Негритянский вопрос»: проблемы борьбы черных, их политическое самосознание, их политические организации. Коминтерн был

одним из пионеров в этом подходе. И тут можно увидеть своеобразный афроцентризм.

Но за этим афроцентризмом все же стоял евроцентризм. Африканцам предлагались лозунги, большинство из которых выросли не из африканской почвы и были африканцам далеки. Их призывали бороться против троцкизма, социал-демократов, «ревизионистов». Под такими лозунгами Коминтерн пытался спланировать африканцев даже в Конго, где, должно быть, в 20-х и 30-х годах никто и не слыхивал о ревизионистах или троцкистах.

В годы «холодной войны» советская пропаганда противопоставляла «растленному» Западу африканские страны — большинство из них, или во всяком случае многие, — как вступившие на путь подлинного прогресса. Не только пресса, но и ученые нередко завышали уровень социально-политического развития Африки как в современности, так и в различные исторические эпохи.

Но за всем этим вполне очевиден и евроцентризм. Африку хотели направить по советскому пути развития, выработанному главным образом в идеях, рожденных на европейской почве.

Я отнюдь не считаю, что Запад действовал неизмеримо лучше. В «холодной войне» целью Запада было — перетянуть Африку на свою сторону. И о многих действиях Запада, как и Советского Союза, можно сказать словами Ежи Леця: *«Всегда найдутся эскимосы, которые будут давать советы неграм, как им спастись от жары».*

И, что касается Советского Союза, то он своими действиями несомненно содействовал ликвидации колониальных режимов.

С окончанием «холодной войны» политическая и идеологическая борьба за Африку, как мы знаем, ослабела.

Многое меняется и в самом характере афроцентризма. Если на протяжении жизни ряда поколений идеологами афроцентризма зачастую выступали афро-американцы или выходцы из Вест-Индии (Дюбуа, Сильвестр Уильямс, Пэдмор), но теперь родиной этих идей все более становится Африка.

Африка в идейном отношении стремится стать более независимой, более самостоятельной. И если раньше очевидным было только влияние евроцентризма на Африку, то теперь влияние становится обоюдным. Этому содействует и широкая иммиграция африканцев в Европу.

В афроцентризме, как в любых идеях, основанных на возвышении своей расы или нации, можно найти самое разное — от патриотизма до шовинизма и расизма.

Но что бы там ни возобладало в афроцентризме — эта идеология существует и будет развиваться. Это реальность, с которой остальному человечеству придется считаться.

А значит нам, африканистам, надо ее изучать. И я надеюсь, что наша конференция сделает этот важный шаг.

* * *

In his opening speech professor Davidson stresses the necessity of deep studies of Afrocentrism as ideological tendency influencing modern processes in Africa and transforming some points of Eurocentrism. It is pointed out also an interrelation between Afrocentrism and Eurocentrism in slogans and politics of Communist International and soviet foreign affairs and fact, that after the end of Cold War an external influence on Afrocentrism has been reducing.

АФРОЦЕНТРИЗМ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ДА ИЛИ НЕТ?

Н. Б. Кочакова
(г. Москва)

Мой личный опыт знакомства с историческими исследованиями африканских ученых не позволяет мне назвать их афроцентричными по аналогии с «европоцентризмом» в науке, против которого африканцы неоднократно и подчас очень резко выступали в печати и на научных форумах. Главная тенденция африканской африканистики заключается в стремлении к африканизации африканской истории, реализуемом, в виду молодости африканской исторической науки, не всегда адекватно конечным замыслам и целям. Отмеченные тенденции — явление вполне закономерное. Но, разумеется, у этого процесса африканизации есть такие издержки и региональные особенности, которые необходимо иметь в виду при использовании достижений африканской африканистики в научных исследованиях и в качестве справочного материала.

Специфика развития африканской африканистики была во многом запрограммирована двумя факторами: уровнем культурно-исторического развития тех или иных регионов африканского континента в доколониальный период, во-первых; во-вторых, — специфическими формами исторического процесса в Африке в колониальный период.

Поэтому, выводы о характерных чертах африканистики, скажем, в ЮАР и других африканских странах с мощной прослойкой белого населения вовсе не обязательно распространяемы на, например, англоязычные страны Западной Африки, в которых зачатки национальных историографий появились уже в конце XIX века¹.

В развитии африканской африканистики просматриваются две фазы, два периода. Первую фазу можно датировать концом 50-х годов — 70-ми годами. Это был период подъема мировой африканистики в условиях завершения колониального периода, завоевания политической независимости и начала независимого развития стран Африки. Африканистика в целом в этот период характеризовалась следующими основными чертами:

1. Бумом африканских исследований. Они существенно, особенно в начале периода, главным образом западными учеными.

2. Появлением первых историков-африканцев, получивших профессиональное образование преимущественно в африканистских центрах Запада

3. Организацией университетов и центров африканских исследований в странах Африки.

4. Разработкой первых комплексных планов изучения истории Африки с упором на поиски и использование вербальных и невербальных африканских источников. Руководство этими планами осуществляли африканцы в тесном сотрудничестве с западными учеными. Во главе университетов и исторических кафедр встали африканцы, получившие образование в Европе и США. В конце 60-х — в 70-е годы появились также кадры африканских историков, получивших образование в СССР, но их было слишком мало, чтобы можно было говорить об их существенном влиянии на состояние африканской африканистики.

Главной задачей африканских историков этого периода была выработка африканского подхода к изучению и написанию истории Африки и активная оппозиция колониальной историографии, пересмотр оценок истории колониального прошлого народов Африки. Западные авторы в эти годы также отчасти следовали так называемому африканскому подходу — раскрытию роли африканцев как творцов африканской истории. Этот первый период в целом был характерен прогрессом во всех сферах африканистики и был отмечен буквально золотым дождем публикаций.

В известной мере связанное выше относится и к отечественной африканистике 60-х-70-х годов, несмотря на то, что ее успешное развитие тормозилось объективными обстоятельст-

ми — невозможностью для подавляющего большинства исследователей посещать Африку и западные исследовательские центры. Тем не менее, именно в эти годы формировались лучшие ее черты, в значительной степени утерянные в 90-х годах, а именно, уважение и внимание к историческим источникам, стремление к выявлению закономерностей, соотношения общего и особенного в историческом развитии народов Африки. В этот период российская общественность интересовалась Африкой, работы африканистов читались и обсуждались. Среди лучших, которые могли бы стать научной базой для дальнейшего развития, я бы назвала в первую очередь серию комментированных переводов и обзоров источников — арабских, китайских, хаусанских, бамбара, изданных под руководством Д.А.Ольдерогге², античных и эфиопских³, монографии «Аксум» Ю.М.Кобищанова⁴, «Южная Африка: становление сил протеста» А.Б.Давидсона⁵, «Сонгайская держава» Л.Е.Куббеля⁶, написанных на основании филигранной обработки обширных комплексов источников. В качестве важных вспомогательных изданий следует отметить справочник «Население Африки»⁷ и «Этническая карта Африки» (составитель — Б.В.Андрианов)⁸, первое издание энциклопедического справочника «Африка» (отв. ред. И.И.Потехин)⁹, также коллективную работу «Нигерия: современный этап развития»¹⁰, содержащую образцовый анализ политического и социально-экономического развития крупнейшего государства субсахарской Африки, а среди научно-популярных изданий — «Африка еще не открыта»¹¹ и «Африка: встречи цивилизаций»¹². Разумеется, это лишь маюая часть добротных публикаций этого периода, и мой список не полон, и возможно, создает впечатление некоей хаотичности в выборе тематики исследований, но в действительности это был сознательный и вынужденный выбор, — отражение и порождение состояния отечественной, западной и африканской африканистики тех лет.

Второй важный этап в развитии африканистики — это 80-е — 90-е годы. Целый ряд разнопорядковых факторов повлиял на состояние африканистики в этот период и среди них такие, как:

Снижение интереса к изучению Африки за ее пределами.

Завершение процессов африканизации африканских государств, инфраструктуры науки и образования, научно-преподавательских кадров.

Сокращение европейского и рост афро-американского культурного влияния в Африке.

Разочарование в результативности моделей развития Африки по западному пути.

Изменение источниковой базы африканских исследований.

Два последних фактора, как представляется, оказали наибольшее (прямое и косвенное) воздействие на африканскую африканистику, которая к этому времени обрела свою собственную идеологию апологетики традиционных ценностей и неприятия вестернизации как синонима общественного прогресса для народов Африки. Признав, что попытки воплощения в жизнь западных теорий развития привели не столько к социальному и культурному прогрессу, сколько к деградации традиционных (и неотрадиционных) африканских обществ, африканцы выдвинули идею общественного прогресса для Африки — через возрождение традиционных ценностей, через возврат к обществу, основанному на традиции. При этом под традицией стало пониматься нечто гораздо более широкое, чем обычай, аспект культуры или даже традиционная культура в целом; скорее, имеется в виду традиционный мир во всей его целостности.

Тенденция к неумеренному расширению понятия традиционных культурных ценностей создает опасность односторонней апологетической интерпретации африканскими учеными африканской истории и цивилизационных процессов, что и проявляется в большей или меньшей степени в ряде исследований.

В свою очередь, изменение источниковой базы не менее, если не более радикально повлияло на специфику исследовательского подхода африканских ученых к истории и культуре их народов, а также на мировую африканистику в целом.

Как известно, еще в недавнем прошлом в мировой исторической науке подлинной историей человечества считалась лишь та, которая подкреплялась письменными источниками, а дописьменный период прошлого человечества считался «доисторическим». «Понятно, — писал по этому поводу Л.Е.Куббель, — что мы не можем согласиться с таким произвольным разрывом единого всемирно-исторического процесса»¹³. Продолжая его мысль, следует признать, что игнорирование главного африканского исторического источника — устной традиции, означало бы по крайней мере, на современном этапе развития исторической науки отказ от попыток реконструкции доколониальной истории народов субсахарской Африки.

Процесс «африканизации» исторических источников ведет начало с конца 50-х годов. Первыми, кто заговорил о необходимости опоры на африканские источники и, в первую очередь, признания устной традиции полноправным историческим источником для воссоздания подлинной истории народов Африки, т.е. реконструкции ее с «африканских позиций» были нигерийские

историки К.О.Дике и С.О.Биобаку, которые (в сотрудничестве с западными африканистами) разработали первые планы комплексного изучения до колониальной истории народов эдо и йоруба¹⁴. Однако лишь с конца 70-х — 80-х годов можно считать, что тенденция к африканизации источниковой базы стала господствующей, тем более, что к этому времени была практически исчерпана старая источниковая база, основу которой составляли письменные источники и небогатые данные археологических раскопок последних лет. Академический постулат о делении народов на «исторические» и «неисторические» был отвергнут и западными учеными. Ян Вансина заявил, что давно уже пора перестать увековечивать врожденное презрение грамотных по отношению к неграмотным и ввел понятие «цивилизации устного слова»¹⁵, в качестве базовой характеристики доколониальных африканских общностей.

В эти годы возрос интерес к сбору и обработке устной традиции, достоверность которой, однако, не всегда подвергается должному критическому разбору. В Африке расширился круг ученых, специализирующихся на записи и изучении мифов, легенд, сакральных песнопений и формул, а также устных свидетельств о культуре и историческом прошлом. Ввиду сакрального характера некоторых видов устной традиции, она объявляется африканцами более точной и достоверной, чем письменные источники на том основании, что на хранителя традиции и ее сказителя налагается ритуальный запрет за искажение текста.

Для современного этапа также характерен интерес к разработке невербальных источников, а именно: изучение, пересмотр и интерпретация символики изобразительного искусства, в частности, символов власти. Изучаются различного рода ритуалы на предмет извлечения исторической информации. Немногочисленные археологические раскопки проводятся в комбинации с этнологическими исследованиями на местности. Наиболее показательным в этой области и наиболее результативным был международный проект «Долины Нигера»¹⁷, осуществленный под эгидой Франции с привлечением африканских специалистов. Естественно, что в подобного рода проектах важное место принадлежит африканскому ученому, носителю местных культурных традиций. И когда африканский археолог пишет, что только африканец может адекватно интерпретировать раскопки древнего святилища, то трудно не согласиться с ним.

Подводя итоги, главным достижением современного этапа африканской африканистики следует признать начало создания

базы данных африканских источников, позволяющей заглянуть в доколониальное прошлое африканских народов, а его главным недостатком на сегодняшний день — почти полное отсутствие концептуальных обобщающих работ о доколониальном периоде и тенденцию к мифологизации африканской истории. Конечно, можно называть афроцентризмом не критическое отношение к традиционным африканским культурным ценностям, но если это помогает населению огромного континента в деле сохранения своей самобытности и самоуважения, то не разумнее ли не столько критиковать «африканский подход», сколько приветствовать новое явление истории второй половины XX — начала XXI века — рождение африканской африканистики?

¹ См. подробнее об этом: *Кочакова Н.Б.* Историки-африканцы в английских колониях Западной Африки в XIX в. Национальные историографии Нигерии и Ганы. // Историческая наука в странах Африки. М. 1979, стр. 84-154. Она же. Некоторые проблемы африканской историографии (60-е — 70-е годы) // Народы Азии и Африки. М. 1977, № 6, стр. 176-189

² Арабские источники VII-X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М. —Л., 1960; Арабские источники X-XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.-Л., 1965; *В.О.Вельгус* средневековых китайских известиях об Африке и некоторых вопросах их изучения. // Африканский этнографический сборник, VI. М.-Л., 1966 (ТИЭ, новая серия, том 90), стр. 84-103, Он же. Страны Мо-линь и Ба-са-ло (Лао-ба-са) в средневековых китайских известиях об Африке: — Там же, стр. 104-121; Он же. Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейне Тихого и Индийского океанов. (Китайские источники ранее XI в.) М. 1978; Хаусанские тесты из собрания Краузе. // Прил. к кн. *Ольдерогге Д.А.* Западный Судан в XV-XIX вв., М.-Л., 1960, стр. 139-243; *Токарская В.П.* История имама Самори. // Африканский этнографический сборник, V. М.-Л., 1963 (ТИЭ, новая серия, том 76) стр. 190-199; Она же. Рассказы о гриотах (тексты на языке бамбара) // Африканский этнографический сборник, VI. М.-Л., 1966 (ТИЭ, новая серия, том 90), стр. 25-35

³ История Африки. Хрестоматия. Сост. *Берзина С. Я., Куббель Л.Е.* М., 1979

⁴ *Кобищанов Ю.М.* Аксум. М., 1966

⁵ *Давидсон А.Б.* Южная Африка. Становление сил протеста. М., 1972

⁶ *Куббель Л.Е.* Сонгайская держава. М., 1974

⁷ *Андрианов Б.В.* Население Африки. (Этностатистический обзор). М., 1964

⁸ *Андрианов Б.В.* Карта народов Африки (с пояснительным текстом). М., 1960

⁹ Африка. Энциклопедический справочник. Т. 1-2. Отв. ред. *Потехин И. И.* М. 1963

¹⁰ Нигерия. Современный этап развития. М., 1978

¹¹ Африка еще не открыта. (Отв. ред. Кобищанов Ю.М). М. 1967

¹² Африка: встречи цивилизации. (Отв. ред. Мириманов В.Б.). М., 1970

¹³ Куббель Л.Е. Послесловие. // Археология Центральной Африки. М., 1988, стр. 205

¹⁴ Vancia J. Oral tradition and its methodology.// General history of Africa. Vol. I, UNESCO, California, 1981, p. 142

¹⁵ Agbaje-Williams B. Archaeology and Yoruba oral tradition // African Notes, Ibadan, 1987, vol. XI, № 1, p. 23

¹⁶ Vallées du Niger. Paris, 1994

* * *

The author marks out two periods in African studies: from the end of the 50-es to the end of the 70-es, the 80-es and 90-es. The first period is characterized by the progress in all spheres of African studies, a number of publications, complex studies of African history, using oral and un verbal sources. The second period was characterised by reducing of interest for Africa outside of continent, bringing down of European influence. It was also characterized by rising of Afro-American one, by the processes of africanisation of native scholars in Africa and definitive changes of data base (from literal sources to oral tradition and un verbal sources: art, rites etc.). The author points out some negative tendencies in native African studies: inclination to some particular problems, a small number of generalized works and aspiration for myphologisation of history.

THE STATE IN AFRICA AND AFRICAN RENAISSANCE: THE PARADOX OF ABNORMALITY OR THE NORMALITY OF THE PARADOX *

Irina Filatova
(Russia- South Africa)

For the last three decades the international Africanist community has been engaged in debating the legacy of the state in Africa. Is it mostly African? Or is it Western, colonial, imposed? Which of these two legacies is to blame for the atrocities of African civil wars, wars, coup-d'etats, maladministration, corruption etc. — African or European? Is the African state not enough Europeanised to behave «normally», or is it too Europeanised — and thus alien?

After three decades we are not much closer to conclusive answers. Vast academic literature exists on the state in Africa and on the

correlation between the state and tradition, state and community, and even more so — on the state and democracy, or rather on the perceived incompatibility between the two. The consensus seems to begin to emerge among the researchers as to the roots and scope of the problem. There is, however, much less accord on where it stands now, on the direction in which it evolves and on what, if anything, should or could be done to tackle it.

It is hardly possible to present a comprehensive range of views on the historical legacy of the state in Africa within the limited space of an article. It is still less possible to come up with an original study of this subject when dozens of such studies of both concrete and theoretical nature have been published all over the world. What is plausible here is to outline what seems to be the consensual view of the parameters and the scope of the problem; and to contextualise it within the discourse of its social historicity and against the background of international involvement and interaction.

The Scope of the Paradox

One of the most obvious aspects of «misbehaviour» of the state in Africa, of its non-compliance with the norms accepted by the institutionalised international public opinion is the fact that until recently democratically elected governments had been an exception rather than a characteristic feature of the political scene on the African continent.

The overthrow of Kwame Nkruma's government in Ghana in 1966 was not the first coup against a democratically elected government in Africa (it was preceded by the coup in Togo in 1963) but it became a sensation because of Nkruma's high regard as president of the first African country to gain independence. It was also the first blot on the previously unsullied mantle of the anti-colonial forces which had been perceived as democratic by definition for they were fighting against the undemocratic colonial and neo-colonial order. Since then coups, counter-coups and attempted coups (all either military or supported by the military) of which few African countries were spared, became such a common phenomenon that they stopped to make news anywhere except a country concerned and its closest neighbours. Nigeria which in thirty years after its first coup in 1966 had less than five years of civilian rule (in 1979-1983) may be the most notorious example.

Civil wars, of which the first one, the Nigerian, in 1967-1969, abhorred the international community because more people are said to have died in it than in the Vietnam war, became a common feature of the African political landscape (Angola, Mozambique, Chad, Soma-

lia, Liberia, Democratic Republic of Congo, People's Republic of Congo). Military conflicts and interventions that sometimes led to the toppling of neighbouring country's regimes and sometimes supported them (Ethiopia-Eritrea; Somalia-Kenya; Somalia-Ethiopia; Tanzania-Uganda; the extreme case of multi-national intervention in DRC) although still perceived as abnormal in the context of the continent's quest for unity, become more and more widely spread. Compared to this military interventions of African regional organisations, such as the Economic Community of West African States (with Nigerian military constituting the majority of its military wing, Ecomog) and the Southern African Development Community (with South Africa as the strongest regional power), into internal politics of member states (Sierra Leone, Liberia, Lesotho) seems to be a much milder case.

Perhaps the most terrifying phenomenon in the same range are mass ethnic cleansings, the worst, both in scale and mode, having taken place in 1994 in Rwanda. This inevitably resulted in mass exodus of refugees, proliferation of military conflicts and enormous human suffering.

Coups, military interventions, civil wars and massacres may have been the most obvious but not the only vestiges of the departure of the African state from what is perceived as norms of democracy. Military or authoritarian regimes and one party systems which until recently have been perceived as non-democratic by Western observers; flawed or fraudulent elections; intolerance towards all kinds of opposition and media, and sometimes physical assaults on and assassinations of opponents and journalists; the suppression of basic political and personal freedoms; the oblivion or suppression of human rights and the low value of human life — all this adds to the disgraceful political performance of the state in Africa.

Massive embezzlement of state funds and assets by state office holders and massive corruption on the part of all levels of state employees seem to constitute *raison d'être* of the existence of quite a number of states on the continent which Robert Jackson and Carl Rosberg defined as «personally appropriated states».¹ Zaire, where during the 1980s Mobutu Sese Seko's wealth was estimated at approximately the same sum as the whole national debt, and Nigeria, where the eight-year tenure of Ibrahim Babangida alone saw the disappearance of 12.4 billion US dollars in oil receipts (a third of which is believed to have been stolen by the general himself)² present just the best known cases.

Economic incompetence and the inability or unwillingness of state institutions to stimulate economic growth, the decay of basic social services and of economy as a whole, and finally a failure on the part

of the state to exercise a meaningful control over its own territory, — a phenomenon which John Iliffe appropriately called «state contraction».³ In extreme cases «state contraction» can lead to a complete collapse of state structures, as happened in DRC and Somalia. The combination of over centralisation and authoritarian nature of power on the one hand and «state contraction» on the other seem to be a contradiction in terms but only at first sight, for they co-exist harmoniously, representing two sides of a coin.

The dismal performance of the state in Africa was always attributed to the lack of democracy as it was understood by Western schools of thinking. It was thought that democratic elections and the introduction of multi-party systems drastically change the situation. As Daniel Simpson put it, «if people have a legitimate and peaceful means of changing their governors, theoretically those governors — wishing not to be turned out of office — have reasons not to steal, not to install their relatives and ethnic kin exclusively at the trough, and not to abuse human and civil rights or otherwise torment the governed. Instead, the governors will rule wisely and will pursue constructive long-term economic policies».⁴ Thus the enthusiasm of the 1990s when one African leader after another announced «the transition to democracy». This enthusiasm was, however, short lived.

The results of democratic elections that swept through the continent (for example, in Zambia, Ghana, Congo, Malawi, Sierra Leone, Uganda, Ethiopia and now Nigeria), have often been nullified by ensuing coups. The spirit of democratisation which seemed to be gaining momentum in the wake of the Cold War, slowed down and then suffered severe blows inflicted by massacres in Rwanda and Burundi, civil wars in Liberia, Congo, Zaire⁵ and then DRC, the coup in Sierra-Leone, and the attempted coup in Zambia. Moreover, it soon became obvious that new democratically elected leaders do not necessarily act democratically themselves — of which treatment of the opposition by Zambia's Frederick Chiluba is just one example. Even the character and the parameters of the newly born democracies itself seems to be very different from the known patterns.

Explanations of the deplorable state of democracy in Africa and of the role of the state in creating this situation were aplenty. The most popular were offered by the now unanimously denounced «dependency and underdevelopment» school of thought which dominated the debate on the subject both in Marxist and non-Marxist circles during the 1970s and early 1980s.⁶ Its main thrust was the idea that African countries were economically weak and still dependent on former colonial and on other «neo-colonial» powers. Their social structures were «underdeveloped» compared to the «developed» «first» (West-

ern) and «second» («socialist») worlds, and they could not incorporate institutions of the developed democracies organically. Therefore these democratic institutions were imposed on African societies in the same fashion as colonial institutions, and sometimes together with them, and were unacceptable for this reason. This implied the weakness or absence of institutionalised civil society, of democratic traditions — the «habit» of democratic behaviour, and, more important, of the appropriate classes and social structures which could generate them. In other words, as Patrick Chabal puts it, the weakness of the state was blamed on its «artificial» construction on colonial foundations, as opposed to an «organic» growth from the entrails of civil society.⁷

Not that there has ever been an accepted set of social prerequisites for democracy but there was a theoretical perception (shared, again, by broad circles of Marxists and non-Marxists alike) that «contemporary» democracy could only emerge with the development of the classes of «contemporary» (capitalist) society. Therefore, the main question was how capitalist African societies were at the end of the colonial era and how long it would take them to «modernise» their social, economic and political structures in order «to catch up» with the «modern» world.

The theory may seem to have Eurocentric connotations in the present historico-political discourse but two decades ago it did not because a) it was anti-colonialist; b) it was not racist, or at least was not meant to be because African «backwardness» was seen only in social (formational) and not in cultural or political terms — and was mainly blamed on colonialism; c) its authors and adherents assumed that African societies were in the process of «modernisation» and that gradually they would develop classes of the «contemporary society» (capitalist or socialist). Thus they would one day «catch up» with the «modern» world and in the process of doing so they will democratise themselves with the assistance of either «progressive» (socialist) or «democratic» (capitalist) international community.

Since Western institutionalised democracy with parliaments, multi-party elections, parliamentary oppositions etc. was seen as alien to Africa, the state itself, designed as a replica of that system at the end of the colonial era, was looked upon as fragile, weak and thus unable to cope with the general task of governance and with the concrete problems of each particular country. This led to the situation of perennial crises, instability and disorder with «ethnicity» being one major rationale behind conflict. The worst cases of collapsed states, such as Mozambique at the end of its incessant civil war, Somalia and the DRC with armed bands of no particular political affiliation con-

trolling vast areas in the manner and order established entirely by themselves seemed to confirm the «weak state» thesis.

As years went by it has become increasingly clear that the predicted model of socio-political transformation has failed to materialise. Social structures of African societies proved resistant to the predetermined direction of change and the changes in their political behaviour re-defined but confirmed the existing pattern. It has also become clear that while the political situation in different countries remained volatile and highly unstable the pattern of this instability remained the same. Moreover, despite its obvious weakness and irrespective of the degree of ungovernability and of the amount of turmoil within its borders the state itself as a sovereign political entity demonstrated an enviable degree of resilience and proved to be much more stable than it had been envisaged.

Artificial colonial borders which divided well established «ethnicities», or, on the contrary, clubbed together alien and often hostile entities — another reason for conflicts — sustained for several decades and show the tendency to a deeper entrenchment. The changes were few, none very significant. The struggle for power, often violent, wars and civil wars — all seem to be for, not against the state; for straddling, not for ruining the state in its present borders — or at least a part of the state. Of course, the structures of governance may collapse in the process — as they often do — but the state as a political entity survives.

Significantly, the mode of functioning of the state remains stable as well. Generalisations are, of course, inappropriate, for each African state has accumulated its own unique historical memory and lives within the constraints of its own unique historical experience, yet the pattern is omnipresent. The «abnormality» of corruption, violence, instability and ungovernability in combination with authoritarianism and non-democratic principles seems to be well entrenched, normal, almost stable.

The «dependency and underdevelopment» theory did not offer any explanation as to why and how something as artificial and «non-organic», as the state in Africa was supposed to be, could last so long and become so well entrenched. It also failed to explain the overt independence of political superstructures from their social basis, the enormous political weight of power bearers in the political process coupled with the perceived political «passiveness» of institutions and non-institutionalised social groups, and for the disproportionately high percentage of policy makers who chose and were able to abuse law and order in their countries, internationally accepted norms of political behaviour and the logic of political responsibility.

The inadequacy of this approach was becoming increasingly obvious during the 1990s and new ideas on how to deal with the problem began to crystallise. These do not exhaust the problem but rather takes the debate further by opening new perspectives for new questions and accommodating some contradictions of the «underdevelopmental» and «modernisational» interpretations.

Political Economy of the Historical Legacy

The adherents of the new approach attempted to transfer the focus of attention from the influence of the world economic process and international politics to the internal social and political processes that are taking place in the entrails of African societies themselves; and second, to put the present developments into the context of socio-political historicity of both colonial and pre colonial eras.

The origins of the contemporary state are usually traced to the beginning of the colonial era when all major institutions and social groups of colonial society came into existence. As Jean-François Bayart puts it, «the vicissitudes of the conquest and the modalities of colonial economic exploitation make up the genesis of the contemporary state».⁸ Soviet anthropologist and historian Dmitri Olderogge entertained the same idea almost two decades earlier when he wrote of «the colonial society» as «a special type of social development» which «took a whole century of the colonial subjugation of Africa to develop social conditions that would define the future of new independent countries».⁹

Colonial state as the precursor of the contemporary state in Africa has been thoroughly studied.¹⁰ Bruce Berman's and John Lonsdale's analysis¹¹ is close to my understanding of colonial roots of the contemporary state but the synopsis of colonial society presented here is based mainly on my own work on the subject.¹²

The introduction of colonial rule was a political act but the main goal and the main function of the new order was the creation of social conditions for economic exploitation of the conquered territories by the colonial powers. This social function was actually the main goal of establishing colonial rule as a system of direct political control over the colonised societies.

The colonial state acted as an intermediary between European capital, whatever the form of its engagement in the colonies, and the colonised societies. It was the colonial state, not the capital itself, that played the decisive role in the organisation of the system of colonial production. Directly or indirectly the colonial administration provided labour for mines and plantations, introduced cash crops, maintained «law and order», i.e. suppressed strikes, uprisings and various other

forms of protest. All these functions could be successfully fulfilled only with the assistance of local agents, local institutions of power.

There was not much difference between the mode of colonial social engineering in the territories with direct and indirect rule. The difference lay rather in the nature of pre colonial societies. In the societies with well established pre colonial institutions of power colonial authorities used these institutions changing their nature (e.g. intervening into the rules of succession or changing and regulating the functions and the rights of the rulers to adjust them to their needs (as in Buganda, Northern Nigeria and the Zanzibar Sultanate). In the societies where these institutions were weak or non-existent (mainly in pre-class and stateless societies), new mechanisms and institutions of power were introduced without much regard for the existing (pre-colonial) structures of governance, although some elements of these structures could be incorporated.

The selection of such institutions and structures began already during the years of colonial partition, when colonial authorities, at that time weak and scanty, began to recruit allies in the local communities. The process of selection went both at structural and personal levels with the personal level being of major significance: European administrators easily dropped local institutions of power and substituted them with something new, or reformed them, in order to extend the administrative power of this or that ally.

John Ainsworth, a well known colonial official in Kenya, wrote in 1905 that the administration encourages «any strong personality» and «does everything to increase its power as soon as it demonstrates loyalty». The degree of «traditionality» of the new allies began to worry colonial administrators only later when they realised that their allies would be useless in they did not have at least some legitimacy in the eyes of their compatriots. Ainsworth noted that there were two difficulties that the British administration had to face while establishing the system of local authorities: one was «to find a really strong reliable person», another, «to make the natives as a whole to recognise one representative of their tribe as a person having authority over them». ¹³

The early allies of colonial administration whole range of «strong personalities» with varying degrees of involvement in pre-colonial power structures. The early 20th century political landscape of British East Africa is a good example of this variety.

The Sultans of Zanzibar from the Busaidi dynasty could claim much legitimacy despite the fact that the British intervened into the succession process on the regular basis. Kinyanjui, who became one of the three Gikuyu «senior chiefs» (the notion that had not existed in

pre colonial times) under the British, could not claim any authority within the pre colonial Gikuyu system of governance for he started his career as a guide for the caravans of the Imperial British East African Company. Another Gikuyu «chief», Wayaki, had some power within the scope of pre-British norms for he was head of a big and powerful lineage. Ngonyo, a Giriama strong man turned «chief» enjoyed some authority within pre-colonial political landscape but outside the established Giriama system of power for he made his name and fortune by trade with the passing Swahili caravans and with Swahili clans on the coast. Lenana, a Masai supreme «chief», in his pre-colonial days was a ritual leader who enjoyed a significant authority but not a real power. A Luhya «supreme chief» Mumia used to be Head of the most powerful Luhya clan, Wanga, but had no authority over other clans.

All these leaders who for various reasons sought allies outside their own communities found them in the British administration and used its assistance to strengthen their own (and their clientele's) political and economic position to the detriment of that of their neighbours and enemies. This could only be done through the use of force, either in the form of direct punitive expeditions organised by colonial administration against the enemies of its allies, or through a demonstration of power, or through intimidation, or through other forms of «impressing» friends and enemies alike.¹⁴

By supporting some elements of the local political landscape against other the colonial administration directly intervened into the local political and socio-economic processes in the situation where at the beginning of the colonial era other players were not in the position to comprehend fully either its ultimate goals or the real extent of its power. But with all the ruthlessness of this intervention far from everything was disrupted. Having created the network of its clientele through the use of force — a well established practice in many pre colonial societies — the colonial administration became the «strong man» at the local political arena, thus extending the pre colonial patronage system into the colonial era and building it into the foundations of the relations between the colonial and «native authorities» for decades to come. In other words personalities, institutions and functions could be different (although often they were not) but the basic law which defined the mode of and provided for the functioning of the colonial society was still intact: the system of client-patron relations, well familiar, fully understood and accepted by all players.

The way the «native authorities» came into existence defined characteristic features of this social group: it was highly dependent on the colonial state on the one hand, and it enjoyed a high degree of

freedom from socio-political responsibility towards its own community on the other. Its connection with the colonial administration was its major source of power, indeed the backbone of its very existence, and the basis of its two main sources of accumulation: the legal income that it received from or within the framework of colonial administration and the spoils from corruption that it received because of its close association with the colonial state.¹⁵

«Native authorities» were the first product of socio-genesis of colonial society of which the colonial state was a direct agent. This fact attains much significance in the light of the importance and independence of the superstructural (political) institutions as factors of social genesis in late colonial and post-colonial African societies (social implications of national-liberation movements, and the attempts at social engineering by the governments of «African socialism», to give just two examples).

During the 1920s and 1930 other new social groups appeared within the colonial society, such as migrant labourers, squatters, colonial peasantry. These were not classes, not even proto-classes but rather amorphous social formations without clearly identifiable economic or social parameters: like «native authorities» they were rather the vehicles than the products of colonial social stratification. Much can be said about the roles of each of these strata in the construction of a specific colonial social structure but only one was as important as the «native administration» in the formation of the contemporary state, the new educated stratum, or, as a Kenyan author Gideon Mutiso called it, «asomi», from the Swahili word «kusoma», to study — those who got European education during the colonial era.¹⁶

The small social stratum of «asomi» which became a political and social factor after the second world war had certain advantages in the process of accumulation but no administrative power that could enable it to consolidate and increase them.¹⁷ Thus its dual role in the colonial society: on the one hand «asomi» were interested in preserving their advantageous position which was only possible on condition of their alliance with colonial authorities, on the other they wanted to destroy the system of alliances which had already come into existence and which did not leave them, as a group, a place near the only possible source of accumulation and vertical social mobility, i. e. within the colonial structures with the support of the colonial administration and in the role of its ally.

There was a link between «native authorities» and the «asomi» from which the majority of the leaders of national-liberation movements came, for a significant part of the new stratum was, in fact,

represented by children of the old one but in the social sense «asomi» became the arch enemy of «native authorities» during the colonial era. The main social difference between the two was not the age or the level of education but the type of alignment with the colonial administration. Unlike «native authorities» the new educated stratum had mass following, particularly at the end of the colonial era, and thus was expected to be much more accountable to its community in the sense of delivery. By the same token it was more independent from the colonial state and could even exercise pressure on the colonial administration.

In the wake of colonialism it imposed itself on the colonial administration as the new (and the only genuine) intermediary between the colonial state and population. After the colonial order was substituted with neo-colonial structures it remained the main channel of communication, the main intermediary between the local societies and the international capital, thus turning itself into the neo-colonial élite. At this critical juncture of *de colonisation* the personalities and the institutions have changed — as they did in the process of the creation of the colonial society — but the system of patronage, once again, remained in place.

The main source of accumulation for the élite of the neo-colonial state was, again, its administrative function, which gave it (and its clientele) access to both legal and illegal, internal and external procurement. And the main sources of power of this élite were, again, its connection with the international capital, its ability to deliver to its clientele, and the use of force, although it could do it more independently than its predecessor. The aura of legitimacy made it generally more independent from the international capital than the «native authorities» had been from the colonial state, particularly in the first years after its coming to power. The new élite used this post-colonial situation to its utmost benefit, for this relative independence allowed it to procure a much higher level of accumulation for itself and for its much broader clientele than the one with which «native authorities» had to be satisfied.

The centrality of the external factor for the structure of both colonial and post colonial state commented on by many researchers. Bayart's comment is, perhaps, the most outspoken. He wrote: «the dominant groups who hold power in black Africa continue to live chiefly off the income they derive from their positions as intermediaries vis-à-vis the international system». Quoting Niger as an example, he concluded that «the principal source of accumulation, for the dominant actors of the country, lies in the more or less legal trade with Nigeria and the embezzlement of international aid». ¹⁸

Colonialism was not, however, the first link in the chain of the historicity of the African state. At the level of concrete studies there has never been any doubt that every aspect of both colonial and post colonial African societies carried a powerful pre-colonial legacy. At the level of generalisations, however, the study of continuity between pre colonial, colonial, and particularly post colonial state remained muted for a long time, possibly because of the perceived political inappropriateness of this idea. French anthropologist Georges Balandier wrote about the continuity between the pre colonial and colonial societies already at the end of 1950s and the beginning of 1960s¹⁹ but the interpretation of the pre colonial legacy in the post colonial era began only in the 1990s.

Bayart's analysis of this legacy seems to be the most penetrating. He outlined several features of pre-colonial «modernity» that played and continue to play a formative role in the process of social construction of the contemporary African state: low productivity of labour and the attempts, on the part of the state, to augment its procurement by «mobilising resources derived from [its] (possibly unequal) relationship with the external environment»; the «exit option» — the political fragmentation as a result of the secessions of clans and lineages which was made possible by the availability of unoccupied or temporarily unused territories; rebellion as a regular phenomenon which was made possible by the availability of the «exit option»; «acephalous» nature of many societies; the importance of lineage structures within the state structures which enabled the subordinate actors to impose some limitations upon their leaders.²⁰

The most important of these, in my view, were the low productivity and unequal relationship with the external environment; the political fragmentation as a result of secession; and socio-political role of the lineage structures. They were all interconnected, strengthening and supplementing one another.

There is no need here to go into the detailed analysis of reasons for the low productivity of labour and the extensive nature of production in pre colonial (as well as colonial and post colonial Africa). Suffice it to say that almost everywhere where African societies were not «acephalous», i. e. developed institutions of power, these came into existence not only and even not mainly as a result of the growth of productivity of labour and of the need to organise and manage it, as it happened in many other societies (but by no means all), but rather as a result of the appropriation of a trading or of some other intermediary function by certain groups or lineages (as it happened, for example, among some Eastern Slavs in Europe).

Trade was important in the rise of all ancient societies but in some more than in others. The enormous (although dubious) role of trans-Saharan trade in the rise of Ghana, Mali and Songhai or of trans-Atlantic slave trade in Congo, Benin and other West African states, or of trade with Asia in Swahili city states is a testimony to this. This pattern of state formation could only emerge in conditions where it was impossible to enforce the intensification of labour. In case of Africa such conditions were created by the existence of free, unoccupied land (in West Africa less than in other regions) which enabled dissatisfied groups (lineages and other) to leave — the opportunity which was seldom missed.

Russian historian Leo Kubbel who studied the specificity of African pre colonial state concluded that the impact of this pattern of state formation on future historicity of the state was manifold. It resulted in «floating» élites, only weakly attached to the corresponding societies in the economic and social sense; in the absence of strictly defined state borders; in the relative strength of the subordinate groups (lineages) and in the absence of social stratification within them (which was not tantamount to the internal social or economic equality); in strengthening «vertical» internal structures of the society (clan and lineage) and weakening the horizontal ones (class) thus slowing and playing down the processes of social stratification; and finally, in the system of patronage which kept together every lineage and the whole state structure.²¹

Certain features of the historicity of the contemporary state are not easily attributable to any particular period, patronage system being only one of many. Even such a seemingly «modern» category as inefficient state sectors of African economies derives, in part, from the historical legacy of the African state. In pre colonial era when in many cases a ruler or a head of a lineage or of any other group had the ultimate power to dispose of the state land, or the group's land (which was sometimes considered the ruler's own estate as, for example, in the case of Kabaka of Buganda) this was used to bestow favours on his retinue. Multiple and various colonial monopolies in the economic sphere (including the ultimate power to distribute land) modernised and entrenched the tradition. Since independence inefficient state sectors were mainly used as a source of accumulation through embezzlement by the new élite, irrespective of whether the state was considered to be «socialist» or «capitalist». In both cases state sectors collapsed but the idea that the state should provide through taking control over the country's assets is very much alive among the lower strata of the population.

One of the most controversial and widely discussed aspects of Africa's historical legacy is the confusing and confused notion of ethnicity on which so many failures of the state are blamed. Until recently the academic debate about ethnicity centred on its artificial, superficial, constructed and recent nature, and its importance was blamed on the politicians who politicised it in their own egoistic interest — which is all true but does not answer the question why it is this particular identity that is so easily politicised. The debate on the nature of ethnicity is beside the point here but the question of how recent it is may shed some light on the problems connected with it.

The emergence of «modern» ethnicity is generally attributed to the colonial era. This process involved two developments: the emergence of the concrete groups which define themselves ethnopolitically at present; and the rise of a particular kind of group mentality and group behaviour which is defined as «ethnic» at present. Berman maintains that it was «European expectations about African cultures and institutions» that «contained African political processes within the categories of «tribe» and encouraged Africans to think ethnically».

What, then, was the nature of the categories in which African political processes developed before the advent of colonialism? Ethnicities for Berman are, basically, interest groups where «the vertical relations of patrons and clients involved mutual obligations of support and assistance and extended the ties of kinship and sentiment into the wider structures of economies and politics» and where «wealth and power rested on the ability to mobilise and maintain a following of both kin and unrelated dependants». ²² In other words he thinks that ethnicities were — and are — based on exactly the same principle of patron-client relationship on which lineages and other pre colonial identities had been based.

Moreover, Berman declares that ethnic identities «must be built on real cultural experience» ²³ — an observation which in my view is not entirely correct («historical experience» should be substituted for «cultural experience») but is well worth mentioning because of its refreshingly straightforward nature after the decades of research aimed at proving the artificiality of ethnicity. Both points indicate that however recent ethnicities themselves may be the basic principles underlying their functionality are deeply entrenched in the historicity of African societies.

A particular type of historicity brought about a particular historical memory and a particular political culture derived from it. These are graphically captured by Themba Sono. «The role of the group in African consciousness», he writes, «is overwhelmingly totalistic,

ren totalitarian... This mentality, this psychology, is stronger on belief than on reason; on sameness than on difference. Discursive rationality is overwhelmed by emotional identity, by the obsession to identify with and by the longing to conform to. To agree is more important than to disagree; conformity is cherished more than innovation. Tradition is venerated, continuity revered, change feared and difference shunned. Heresies are not tolerated in such communities». Civilisations of consent», he goes on, quoting his own earlier work, demand consensus (indeed, unity, uniformity, solidarity, etc.) and are thus prone to coercive pressure; to moral agreement..., refusal to consent frequently invites punishment. Consensus in civilisations of consent is rather superficial... Civilisations of dissent value the notion of 'No' while those of consent prize the value of 'Yes'». ²⁴

This observation, crucial as it is for the understanding of politics of the contemporary African state, particularly of the attitudes and treatment of the opposition, needs to be amended. What, for Sono, constitutes civilisational types of mentalities is better attributed in terms of particular stages of civilisational historicity. The mentality and politics of consent, consensus, conformity and, as a result, of coercion (as opposed to the accommodation and utilisation of dissent) are more characteristic of rural than of urban societies, of agricultural rather than of industrialised societies and of earlier rather than of later stages of development of civilisations. The quest for compulsory unity and conformity is, naturally, greatly enhanced in societies and groups under pressure.

However well developed the contemporary African state may be, the reality is that the societies that constitute it are more rural, more agricultural, less socially and economically developed and more under all kinds of pressure than their Western counterparts — and this is one of the sources of their attitude to dissent. Before colonisation the existence of free land and of the «exit option» mitigated the conflict. Under colonialism the safety valve of the «exit option» was closed, and in the post colonial era internal militant and sometimes violent intolerance of a group towards opposition and dissent became a major factor in the politics of the African state at every level.

This is not to say that the African state repeats the historical trajectory of its Western predecessors but rather to stress the historicity of the roots of its behaviour. Although the «mentality of consent», the system of patronage and the factor of ethnicity are by no means uniquely African phenomena, a particular combination of these features, as well as a particular kind of their sustainability and adjustability at particular historical junctures constitutes the specificity of the African state. It is this specificity that creates recurring patterns of

centrifugal and centripetal forces inside and around the evolving African state through decades and centuries.

The historical parallels and coincidences that emerge from these patterns are startling. The organised criminality that shook African countries during the first years of post colonial era and gangsterism that led to the virtual collapse of several states, such as Mozambique, clearly fall within the pattern of the socio-political behaviour of African societies during crises periods before the advent of colonialism. When societal ties were weakened and individuals had to take care of themselves gangs of young warriors around strong leaders often entered the political arena. The «tabari» gangs of young Gikuyu that harassed the local population and pillaged the passing trade caravans in central Kenya in the 1890s were one of many examples.²⁵ The 1997 march of anti-Mobutu forces through the huge territory of Zaire that brought to power Laurent Kabila and the 1998 offensive of the army of Kabila's opponents replicated long distance military raids of compact but well organised (usually along ethnic lines but allowing aliens to join) and well armed groups which disrupted and overwhelmed potentially more powerful settled formations in the 19th century. The invasion of East Africa by Zwangendaba's Ngoni in the 1830s — 1840s and the occupation of Hausa city states by Usman dan Fodio's Fulbe at the turn of the 19th century are the first to come to mind. Both resulted in the destruction of the old and the formation of the new polities.

There is no abyss between «tradition» and «innovation» in African historical experience and memory — no more than in the historicity of any other region of the world. In fact, the two can not be separated at all. All major changes in African societies happened within the framework of «innovative traditionalism» or, «traditionalised innovation». In the past four decades, for example, Africa was going through a process of massive and fast urbanisation which is usually associated with «detrribalisation» and the emergence of civil society. What happened in reality, however, was «villigisation» of the cities and «retribalisation» which had an adverse effect on democratisation.

Historicity of the state in Africa is a process with its own logic of continuity and its own mode of innovation and regeneration. But the state's historical trajectory is not and has never been formed independently of the world's changing economic, political and social order. For centuries there has been a dialectic and dynamic concatenation between the two with Africa playing an important albeit an asymmetric role in the formation and development of the changing global order and being its integral part. This means that the modality

of the state in Africa is the organic result of both a long process of internal development, and the external influences which were continuously internalised to create a particular kind of social historicity and a particular kind of historical memory.

«Everything points in the end to the fact», Bayart writes, «that unequal entry into the international systems has been for several centuries a major and dynamic mode of African societies, not the magical suspension of it. Their internal structure itself stems from this relationship with the world economy. Of course,» he adds, «the concept of dependence still keeps its meaning, but it should not be dissociated from the concept of autonomy».²⁶ The truth is that the eventuality of the present day African political landscape encompasses and exceeds both external («dependence») and internal («autonomy») factors creating a new homogeneous historical modelity based on both but not tantamount to the sum.

The Conflation of the Political Space

«Britain will have to fulfil its dual mandate in India», Karl Marx prophesied in his work on the nature of the socio-economic function of colonialism in India — «to destroy the old Asian society on the one hand, and to lay the foundation of the Western society in Asia on the other».²⁷ From the importance that he attributed in this connection to industrialisation it is obvious that by «Western» Marx meant «capitalist». The social results of the «creative» activities of colonialism, be it in Asia or in Africa, were not really capitalist. We have already seen that the colonial society in Africa did not copy British or French capitalist socia. In terms of Marxist approach the whole social dynamic of the colonial society was inverted, for it was its superstructure that acted as the agent of its socio-genesis while the social basis of this superstructure, the capitalist order, was situated outside the framework of local (African) societies. But were these societies cast in the same mould as their capitalist fecundators, at least in the distant future?

Leon Trotsky's perspicacious insights into the development of capitalism in Russia show that there is no straightforward answer to this question and that the problem is much more complicated and global than a simple answer would presuppose. Trotsky's departure point was that capitalist development in different regions of the world proceeded from different starting points. It did not follow, at least not for him, that when they were incorporated into the international system they would at some point converge in an advanced democratic society. He saw certain advantages in the phenomenon of late development of capitalism (which he called «the privilege of historic

backwardness»), for example, the universal accessibility of technology. At the same time he noticed the peculiar contortions of social structure in the societies in which this development took place.

In Russia, for example, fast industrialisation during the last two decades of the 19th century, produced a significant working class but because of the dominance of foreign capital and the over centralised and undemocratic nature of the tsarist state local bourgeoisie remained weak and unable to provide a liberal opposition to the autocratic regime. Moreover, it had to rely on that very autocratic pre-capitalist regime for the protection of its property and for the maintenance of law and order. The majority of the population, the peasants, who were, seemingly, excluded from the capitalist development, were, in fact, subsidising it, for in view of the growing Russia's indebtedness to the international markets the state attempted to extract increasingly higher taxes from the peasantry. The international capital, in its turn, was interested in the survival of the archaic tsarist state because it was the only guarantor of debt repayments.

This picture is a far cry from the classical image of capitalist society but it can not be called «pre-capitalist» either. It is neither — and both, presenting an example of what Trotsky called «uneven and combined» process of world capitalist development. «England in her day», he wrote, «revealed the future of France, considerably less of Germany, but not in the least of Russia and not of India».²⁸ As another author put it, Eastern Europe became the West's «first model of underdevelopment».²⁹ This is to say that historically all countries, except Britain, and perhaps France, shared or share the condition of relative social backwardness, which means that «contortions» in capitalism's development were not an exception but the norm in the world historical process.

Justin Rosenberg spelled out several implications of Trotsky's theory for the modernity. First, capital did create one world as Marxists always claimed it would — but it was not a homogeneous world «fashioned in the image of the capitalist societies in the centre». Second, this meant that a logical abstract model of a homogeneous capitalist state does not exist or if it does it does not help us to understand «the variety of political forms». In order to understand them one has to grasp «the peculiar *international* mechanism of capitalist expansion». Third, «the social structure of humanity» (Trotsky's expression) can only be understood geopolitically, for if capitalism distorted Russian society, it did «by the same token, incorporate that social distortion into the world market».³⁰

What follows is that although the African pattern of modernity is unique, at the same time it is not. Although in the light of the above it

is clear that even in similar circumstances different societies do not repeat socio-political experiences of their predecessors there is much to be said about the similarity of socio-political processes developing on a «short cut» rout to the market economy. Political instability, «vertical» organisation of the society, non-democratic practices or straightforward authoritarian regimes, attempted coups, civil wars, high levels of criminality, corruption and embezzlement as structural phenomena — all these societal features are no less characteristic of the modernity in Russia, than in Africa.

Corruption as a structural phenomenon in the process of accumulation and of the utilisation of anti-corruption slogans in the struggle against political opponents during the late Soviet era³¹ fall well within the «African» pattern. At different levels both societies, not just Africa, are going through a stage where «the modern state structure... forms little more than a thin carapace over the living social organism», where «the vital activity... takes place in the largely hidden realms of the informal economy and companion polity» in which «population struggles to make sense and to survive.»³²

This does not mean, of course, that socio-political results of the similar (at least overtly similar) processes in the two regions are going to be the same, for the historical «soil» on which these processes are developing is different. Moreover, in both cases these results are unpredictable — and so is, if we are to believe Trotsky, the outcome of the present geopolitical order as a whole because it is itself the result of the incorporation of all the previous «distortions» which — and only which — constitute the process of world history.

We must here return to one such «distortion», the most important one for the understanding of the interaction between the African modelity and the international arena, i. e. the «inverted» societal structures with the resulting importance of superstructural factors. «The assumption... is not that there are specific socio-economic preconditions that have to be met before democracy becomes possible», wrote the American political scientist, Marina Ottaway, «but that there are conditions that facilitate a democratic transition. If those conditions do not exist — and they do not in Africa — then democracy has to be attained purely through politics: political action by small democratic groups has to provide the leverage for change that has not been provided by social or economic transformation. Democratisation, in other words, takes a curious Leninist twist, becoming a process where political organising must make up for the unfavourable underlying socio-economic conditions».³³

This assertion needs to be corrected. From what has been said about the social historicity of the state in Africa and about its interna

nal context it is clear that the meaning of «the active role of super-structure» should not be seen as just «political action by small democratic groups» (however important this may be in itself) but as a much more diversified and in-depth process comprising, among other things, the socio-political and psychological climate in the society and in the international arena as a whole.

It was important, for example, that Africa entered the post colonial era at the time when the global order was defined by the Cold War — the factor that dominated the international political arena until the beginning of the 1990s. The global political order of the Cold War implied a relatively high degree of involvement of super-powers in African affairs. The hunt for allies in which both counterparts were engaged on the global scale turned any kind of an ally into a precious asset. Mobutu, for example, enjoyed the support of his Western donors irrespective of what he did in the country as long as he was in control of the situation and loyal. In its turn the Soviet Union supported not only such controversial leaders as Ethiopia's Mengystu Haile Mariam (who enjoyed popularity and a high degree of legitimacy during the first years of his rule) but also outright criminal dictators like Uganda's Idi Amin.

This meant not only that during the three decades of the post colonial era the global dynamics were not conducive to democratisation in Africa but also that both counterparts of the Cold War order supported and propped up the institution of the state itself, saving it from disintegration for decades. According to Leonardo Villalón, it was at that time that «the international face of the state in Africa... outstripped its domestic reality in importance».³⁴

After the end of the Cold War African states were faced with an entirely new global order (to the creation of which they had extensively contributed). After the disintegration of the Soviet Union African leaders of all denominations found themselves faced with a more or less united «international opinion» both non-institutionalised and expressed by major international institutions and organisations. Soon, however, they were to discover, together with policy makers elsewhere, that with the end of the Cold War the bi-polar global order turned not into a homogeneous and harmonious mono-polar world, but rather into a heterogeneous multi-polar, multi-faceted and very unstable system. This meant that the world powers (being increasingly represented by NATO rather than by such international organisations as the UN) have lost much of their willingness, let alone their ability, to intervene into African affairs.

The «withdrawal» of world powers from Africa has been, of course, partial and relative, a tendency rather than a consistent policy.

France still has «special» relations with Francophone African countries which allowed it to intervene in Chad, for example, but which have been moving increasingly into the humanitarian sphere. The USA is still believed to be the major force behind Uganda's Yoveri Kaguta Museveni. Big European companies and transnational corporations (of the magnitude of «Shell» in Nigeria or «Elf Aquitaine» in Congo and Gabon) still have an enormous leverage in political developments on the continent. All this, however, does not count for much compared to the direct involvement of superpowers in policy making in Africa, particularly, military involvement, as happened with wars in Nigeria or Angola, for example.

The withdrawal of world powers from Africa left their former allies in a very precarious position — personally, institutionally and socially. They suddenly found themselves much more independent on the international arena (politically) and much more vulnerable and exposed to the internal developments as a result. Once again, as happened at another critical juncture, before the end of the colonial era, these intermediaries between the world capital and their own societies had to reorganise, re-invent and re-position themselves.

Three major (and seemingly very different) developments provoked by the changing global situation have come to dominate the political arena of the continent in the past decade, all of them in that or that way connected with the process of the re-positioning of the élite: the democratisation of the states in the form of the increased number of multi-party elections; the internationalisation of conflict in the form of the increased number of inter-state interventions at continental and regional levels; and disintegration of states in the form of the increased number of collapsed state structures.

Of these three «democratisation» which swept through the continent bringing about negotiated settlements and/or multi-party elections in such long suffering countries as Namibia, Angola, Mozambique, Zambia, Uganda, Ghana, Sierra-Leone, Congo-Brazzaville, Ethiopia and, most notably, South Africa and Nigeria, is perceived internationally as the most important new tendency which signifies the new hope for Africa. The other two, as expressed in the regional intervention in the war in the DRC, successful coups against democratically elected leaders, such as Lissouba in Congo and Ahmad Kabbah in Sierra-Leone and the following chaos, the collapsed or semi-collapsed state structures and the incessant wars in the DRC, Sierra-Leone, Angola, Liberia etc., are seen as unwelcome survivals of the dark past which would sooner or later disappear under the pressure of new developments.

While the outcome of the new developments may not yet be quite clear, it is already obvious that the crises will not disappear in the wake of democratic elections, and that the newly proclaimed «democracies» may themselves be part of the problem, rather than of solution. In fact, it becomes increasingly difficult to believe that the new world dispensation itself is more conducive to democratisation and peace than the previous one.

A Renaissance of a Special Kind

Many Africanists and the «international community» at large may rejoice at the proliferation of the democratic elections in Africa but many participants, as well as the most insightful analysts the question arises of how democratic these elections really are and how much democracy they create. The main reason for the question is that with dramatic insistence they bring to power the military or other authoritarian rulers who organise them. The electoral procedures are closely monitored by international observers and the elections are pronounced to be free and fair, yet Ghana's elected civilian president is Jerry Rawlings, the leader of two successful military coups; Uganda's elected civilian president is Yoverly Museveni who had toppled the elected government at the end of a protracted guerrilla war; Nigeria's president elect is General Olusegun Obasanjo, one of the country's former military rulers; and Ethiopia's prime minister, Meles Zenawi, is the leader of the minority Tigre Popular Liberation Front which had ceased power before it began to win multi-party elections.³⁵

Some of these «returnees» clearly state that, in fact, their views have not changed. In an interview to a South African newspaper Rawlings said: «A great deal of progress was achieved when I was in uniform. Not so much because I was in uniform, but because we did not have a constitutional or multi-party system with all its complications».³⁶

Museveni thinks that the main problem of the state in Africa is its «ideological dependence» on foreign powers as expressed in the debate between «the rightists» and «the leftists» or in the attempts to introduce a multi party system. In his view parties in peasant societies can only be inspired by tribalism and thus divide the nation. Museveni's democracy is, therefore, based on one party, or rather a movement — his National Resistance Movement which, supposedly, incorporates all shades of political opinion. Other political parties are not prohibited but politicians can only participate in elections as individuals.³⁷

In Ethiopia Tigrean People's Liberation Front created an umbrella body, Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front (EPRDF),

which consists of new, specifically formed parties based on ethnicity and grouped by region. The EPRDF rules a federation of regions which are supposed to be autonomous but which in reality do not enjoy any political autonomy at all. The control of Tigrean People's Liberation Front within the EPRDF is maintained.³⁸

Why do these leaders or parties bother about their democratic reputations or elections and at all? International pressure greatly subsided after the end of the Cold War but it has not disappeared completely. Sometimes it comes in a form of certain signals from international organisations, such as the unanimous vote of the UN's Security Council in favour of the imposition of sanctions against Sierra Leone's latest military junta. According to a commentator, the vote reflected «a new position vis a vis military coups on the continent».³⁹ A more disturbing scenario for a military leader is the danger of provoking an intervention of a stronger neighbour, either independently or on behalf of a regional organisation, as it happened with Sierra Leone and Liberia where Nigeria's troops acted on behalf of the ECOWAS, and with Lesotho where South Africa's army intervened on behalf of SADC.

More important is, however, a different consideration. There is little doubt that the increased independence from the international arena makes military and other authoritarian regimes more dependent and exposed internally. In these circumstances to be able to maintain their role of an intermediary between the world capital and their societies and thus to continue getting their procurement through this link the élite has to seek additional legitimacy and stability and to create additional following among their own population. As Villaló put it, «elections themselves may be a strategy for maintaining power and many African (and indeed other) elections in the 1990s have been clearly intended to forestall change, or even strengthen the status quo».⁴⁰ In other words, «democratisation» is aimed at strengthening the position of the élite and the existing socio-political system through adjustments, at continuity, rather than at introducing an in-depth structural change. Adewale Maja-Pearce's comment on the outcome of the much praised Nigerian elections stresses exactly this.⁴¹

If the ruling élites had had any doubts about the need for «democratisation» it would have been brought home to them by the other developments on the African political arena. «Democratisation» is the alternative to the collapse of state structures or to war — the two go together and are a continuation of one another. Not only chaos and war often result in the recognition of the need for «democratisation» but attempts at democratisation often end up in war and ch

Uganda being the best example of the former, and the DRC representing the latter. In Africa (just as in many other regions of the world, the Balkans being one of them) war may be as profitable as politics. Quoting Martin Van Creveld's *Transformation of War* Robert Kaplan wrote: «...fighting in many ways is not a means but an end... in places where... there has always been mass poverty, people find liberation in violence». ⁴² Successful «democratisation» may bring a lull in the war; it may also enable one of the former warring factions, or both, to consolidate and re-group in case a new conflict begins.

One of the more concrete purposes of «democratisation» is, no doubt, the accommodation of the opposition. This is done either through the incorporation of opposition groups in the process of negotiated settlements or through accommodation of the opposition as a whole through the election exercise in the spirit of what Bayart called «the logic of the reciprocal assimilation of élites». ⁴³

Another purpose is the legitimisation of the élites both in the eyes of their compatriots and of the outside world. The reason why this legitimisation had to take the shape of elections and of «democratisation» in a more general sense is not as obvious as it might seem. The opinion of the «international community» does matter in this case, because that is where the rewards have to come from. This does not explain, however, why «democratisation» would help to legitimise the élites within their own communities or at least broaden their the power base. Does this mean that the majority of Africa's populace has the ideals of institutionalised democracy at heart?

What democracy means for this majority is stability and material reward. According to Frederic Schaffer's study the word «demokaraasi» means something very different for rural Wolof from the word «demokratie» for their urban compatriots. While in the towns, especially among the better educated, one finds support for the idea of multi-party democracy, in the rural areas partisan division is feared, and «demokaraasi» implies agreement, consensus. A villager thus relates the wisdom of his community to the author: «Some chose the first candidate, others the second. When we saw the first candidate had more support, those who had initially chosen the second candidate immediately joined the majority, to make things run better». This majoritarian consensus is, however, sought and achieved not out of sheer peace loving nature of the villages but for a purpose. If their candidate wins he would deliver roads, water supplies, electricity and other advantages to them. They do not want an abstractly just, democratic and impartial government, they want a partial government, acting in their favour. That, for them, is «demokaraasi». ⁴⁴

Museveni has his own vision of democracy, also «concensual». «They (the foreign observers — I.F.) were engaged in their own stereotypical and mediocre understanding of the situation», he writes. «According to them, the people of Uganda were extremely hungry for political parties, and as soon as they got a free vote they would vote for them. There is even an element of racism in this perception because it seems some people think that Africans are not able to know what is good and bad for them... Indeed, quite a number of our own intellectuals, trained in the colonial tradition of not thinking for themselves but instead imbibing whatever others tell them, also fell victim to this paternalism... we, in the National Resistance Movement, were absolutely sure that our people did not want parties at this moment in our history... Firstly, we had brought peace, security and respect for human rights, especially in the elimination of extrajudicial killings. Secondly, we had repaired some of the infrastructure, especially roads. Thirdly, we had rehabilitated industries..»⁴⁵

Stability, peace and delivery, all of which can only be achieved through access to the levers of power — this is what «democracy» obviously, means for the majority of African population, rather than the abstract notions of institutionalised equality and representation. In this contexts the purpose of the state is not the accommodation of diversities but the delivery to certain groups, and elections are designed to prevent the monopolisation of power by a particular group for too long a time. Maja-Pearce writes, for example, that Obasanjo was elected not for his personal merits but because he «happened to satisfy the widespread demand for the next president to be a northerner as a compensation for the 1993 annulment. Obasanjo is a Yoruba from Abeokuta,» he writes, «the same town as Abacha, which makes him a perfect choice for everybody except his own people who regard him as a traitor»,⁴⁷ obviously, because of his association with and for the northern generals.

With all the global talk about «democratisation» it becomes increasingly clear that the implied international consensus about the meaning of the term «democracy» does not actually exist. Not only there are no clearly expressed and accepted definitions of the term, but what different parties agree on in this respect today drastically differs from what they used to agree on two or three decades ago. There is also little doubt that the notion of «democracy» will continue to evolve.

Many «sacred cows» that constituted the notion of democracy even a decade ago are no longer there. The institutions that were considered an integral part of the democratic order, such as multi-party systems and multi-party systems were the first to come under fi

only from military dictators and professional ideological custodians of the «new democracy of the Soviet type» but from democratically elected African leaders as well, the first President of Tanzania, Julius Nyerere, and the first president of Kenya, Jomo Kenyatta, among them. Democratically minded academics contributed their portion to denunciations. The arguments against these institutions are too well known to go into them in any detail (they are alien to African cultures and traditions; they are a luxury; they are a divisive element in the situation when nations have to be united in the fight against poverty, etc.). What is important here is that four, three or even two decades ago these arguments were unacceptable to the then core of the «democratic world» but they count as good enough now — at least for Africa.

Thirty years of political instability and of the silent acceptance or of direct support of non-democratic practices in Africa have had their impact on the global political consciousness. It is a well known fact that there were a lot of irregularities during the Nigerian elections, and some Nigerian intellectuals attempted to warn international observers and other international public about it.⁴⁸ But it seems that even before the elections started, the «international opinion» had been set to proclaim the elections as «democratic enough» — at least for Nigeria, at least for now. An American commentator said at a South African radio talk show that there is no reason to be upset. The Nigerian democracy is developing but the American one is developing too. The first has problems and the second has problems, and it will be better, but for now what is will do.⁴⁹ This should basically mean that rigged elections are better than no elections, and one should not criticise but rather be patient and wait until a better system emerges.

The next to go may be the majoritarian principle of elections which seems to be losing out in favour of the power-sharing system. Power sharing is already seen by many policy makers both in Africa and elsewhere as a better way of «democratisation» than the «winner-take-all» principle⁵⁰ — again, for the African continent only.

Freedom of press has long been an endangered species and in the past months Robert Mugabe has joined the long list of leaders who attempted to suppress the media. International presses were always considered unfriendly but only the most notoriously undemocratic regimes interfered with their work. This is exactly the route that the Swaziland government took a short while ago without much outcry, even from the journalists themselves.

However, attempts to silence critics of a state which has announced its intention to «democratise», come not only from the state

itself, not even from the communities concerned but more often from the sympathisers abroad some of whom, as Richard Joseph puts it, turn democracy into a «protective sophism».⁵¹ At least one author, John F. Clark, has virtually suggested that democracy generally should be «limited in a number of ways» for it «to work in the new African regimes».⁵² There are many who undertake to prove that the new regimes that emerge from elections are actually democratic by definition and from the outset.

According to Timothy Longman, such «studies» have a far-reaching effect. «Far from being of purely academic interest», he writes, «the conception of civil society that seeks to distinguish good (i.e. state oriented) organisations from bad (i.e. «particularistic»)) has direct policy implications. USAID, in developing guidelines for supporting civil society, begins with a definition of civil society that excludes many local and small-scale groups because they do not see a direct «advocacy role» with the state and thus do not help to build state capacity».⁵³ The reason for such a dramatic departure from what used to be considered democratic is obvious: a limited and partial democracy is thought to be better than chaos. In fact, the quest is not even exactly for democracy any longer but rather for stability. The problem is that while the «maximalist» approach to democracy can ruin the state itself the «minimalist» protectionist approach is not conducive to the evolution of a limited democracy in a more democratic direction.

Does this all mean that a different set of standards is applied to political thinking and policy-making in Africa? Or has the change occurred in the global model itself? In fact this is not an «either-or» situation. Trotsky's idea that the incorporation of local social and political «distortions» in the process of globalisation of capital order changes the «historical trajectory» of the order itself, explains much in this respect. Africa has played its part in the transformation of the world order, including, among other things, the perception of democracy — the process in which it has participated together with other «incorporated» societies. It was the success of this transformation that has enabled different standards and different perceptions of democracy to be applied on the continent.

Fareed Zakaria divides the contemporary world into Western liberal democracies and the new «illiberal democracies», characterised by elected but non-democratic regimes that emerged after the end of the Cold War.⁵⁴ But the world is one, and the acceptance of «illiberal democracies» as a norm in one part of it, erodes the norms of «liberal democracies» themselves. Quoting an American analyst, Michael Vlahos, Robert Kaplan wrote: «We are not in charge of the env

... and the world is not following us. It is going in many directions. Do not assume that democratic capitalism is the last word in human social evolution».⁵⁵

Africa does not follow Western patterns but this does not mean that its historicity is for ever locked in an undemocratic vicious circle. There are signs of changes which may be more significant than semi-democratic elections themselves. One of these is the end of the «struggle syndrome» when all problems in the society have to be blamed on the outside world, on the external enemy. Two decades ago it was difficult to believe that Nyerere really said that Africa has the right to have its own tyrants. Now Museveni easily calls the whole OAU «a trade union of criminals».⁵⁶ Internalisation of the notion of «non-democracy» is the first step to changing the system.

Célestin Monga argues that African societies have created a civil society of their own — violence and anger as a response to abnormality of the state order.⁵⁷ Civil society does not necessarily need to be institutionalised to express itself. It was completely non-institutionalised in Eastern Europe (except Poland) but it was very vibrant and diverse during the last decades of the Soviet regime. It expressed itself through songs and anecdotes, through the Aesopian language of cinema, literature, theatre, etc. — through the invisible tissue of public opinion and public mood — to culminate in the powerful symbol of the destruction of the Berlin Wall. The same is true about Africa. The popularity of the Nigerian singer Fela Kuti whose house was burnt down by the military because in one of his songs he called them «zombies is one of many examples.

Finally, the new global order has begun to erode the «inverted» social structure, at least politically. Not only do African countries directly participate in all its proceeds but they create new centres of political power which would facilitate this process even further. The state in Africa muddles through a process of readjustment — even though some concrete African states may disappear on the way. And whether the rest of the world likes what it sees or not, does not really matter, for Thabo Mbeki's African renaissance is already happening: the influence of African legacy on political behaviour of the world is becoming a norm.

* An earlier version of this text has been published under the title «Democracy versus State. The African Dilemma?» In: *Consolidations of Democracy in Africa. A View from the South*, ed. by H. Solomon and I. Liebenberg, Aldershot, Burlington: Ashgate, 2000, pp. 11-44

¹ R. Jackson, C. Rosberg. The Political Economy of African Personal Rule. In: D. Apter & C. Rosberg, eds. *Political Development and the New*

Realism in Sub-Saharan Africa. Charlottesville: University Press of Virginia, 1994, p. 300-304.

² A.Maja-Pearce. Army Arrangement. *London Review of Books*, 1999, p. 10.

³ J.Illiffe. *Africans. The History of a Continent*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, p. 263.

⁴ D.Simpson. Afterword: The Best Hope for Now. In: M. Ottawa. *Democracy in Africa...*, p. 165-166.

⁵ The fact that the nature of the last two was, obviously, different: Congolese Denis Sassou Nguesso having overthrown the democratically elected president and the Zairian Laurent Kabila's forces having toppled one of the most notorious African dictators, only confirms the universality of the existing mode of political behaviour.

⁶ For the detailed critical analysis of the «underdevelopment and dependency» theory see, for example: C.Leys. *The Rise and Fall of the Development Theory*. London: James Currey, 1996; B.Berman. *Control and Crisis in Colonial Kenya. The Dialectic of Domination*. London, Nairobi, Africa World Press, Heinemann, Ohio University Press, 1990, chapter 1.

⁷ P.Chabal, ed. *Political Domination in Africa. Reflections on the Limits of Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, p. 2.

⁸ J.-F.Bayat. *The State in Africa...*, p. 14.

⁹ D.Olderogge. *Epigamy. Selected Articles* (in Russian). Moscow, 1987, p. 182. Olderogge borrowed the term «colonial society» from French anthropologist Georges Balandier (see, for example: G.Balandier. *The Colonial Situation: A Theoretical Approach to Social Change*. New York, London, 1966) but he used it in a different meaning.

¹⁰ For example: J.-F.Bayat. *The State in Africa...*; M.Mamdani. *Citizen and Subject...*; C.Young. *The African Colonial State in Comparative Perspective*. New Haven and London: Yale University Press, 1994.

¹¹ B.Berman. *Control and Crisis in Colonial Kenya...*; B.Berman and L.Lonsdale. *Unhappy Valley. Conflict in Kenya and Africa*. London, Nairobi, Athens: James Currey, Heinemann, Ohio University Press, 1992; B.Berman. Ethnicity, Patronage and the African State: the politics of uncivil nationalism. *African Affairs*, no. 97, 1998.

¹² I.Filatova. *History of Kenya*. Moscow: Nauka Publishers, 1993; I.Filatova. *The People of the Green Hills of Africa. Kenya African Society between Past and Present*. Moscow: Nauka Publishers, 1993. (In Russian).

¹³ G.N.Mungeam. *British Rule in Kenya, 1895-1912. The Establishment of Administration in the East African Protectorate*. Oxford, 1966, p. 130.

¹⁴ The role of force in the colonial «social engineering» is stressed by the authors who studied this problem. See, for example, B. Berman & L. Lonsdale. *Unhappy Valley...*, chapters 1-4; M. Mamdani. *Citizen and Subject...*, chapter 5; G. Mungeam. *British Rule...*, chapter 1.

¹⁵ A high salary associated with a position in the colonial or «colonial» administration was the most important factor in the process of social stratification during the colonial period. See G. Kitching. *Class and Economic*

age in Kenya. *The Making of an African Petit Bourgeoisie, 1905-1970*. London, 1980.

⁶ G.S.Mutiso. *Kenya Politics, Policy and Society*. Nairobi: East African Publishing House, 1975.

⁷ G.Kitching (op. cit) has shown that by the time «asomi» emerged as a class, i. e. 1940s -1950s, the process of social stratification in the African societies was far advanced.

⁸ J.-F.Bayart. *The State in Africa...*, p. 25.

⁹ For example, his *The Colonial Situation...*

¹⁰ J.-F.Bayart. *The State in Africa...*, p. 21-23.

¹¹ L.E.Kubbel. *Africa. Primitive Periphery of Class Societies before Geographical Discoveries*. Moscow: Nauka Publishers, 1978; L.E.Kubbel. Pre-colonial Political Culture in Colonial and Modern African States. In: *Ethno-historical Studies of the Development of Cultures*. Moscow: Nauka Publishers, (both in Russian).

¹² B.J.Berman. *Ethnicity, Patronage...*, p. 323, 325.

¹³ B.J.Berman. *Ethnicity, Patronage...*, p. 312.

¹⁴ T.Sono. *Dilemmas of African Intellectuals in South Africa: Political and Cultural Constraints*. Pretoria: University of South Africa Publishers, 1986, p. 7.

¹⁵ J.Lonsdale. The Conquest State in Kenya. In: *Colonial Warfare*. London, 1986, p. 13.

¹⁶ J.-F.Bayart. *The State in Africa...*, p. 27.

¹⁷ K.Marx. Future Results of British Rule in India. In: K. Marx, F. Engels. *Collected Works* (in Russian), 2nd ed. Moscow, vol. 9 p. 225. See also K.Marx. *British Rule in India*. In the same volume.

¹⁸ L.Trotsky. *The History of the Russian Revolution*. Vol. III, London, 1928, p. 378.

¹⁹ L.Wolff. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Eve of the Enlightenment*. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1981, p. 9.

²⁰ J.Rosenberg. Isaac Deutscher and the Lost History of International Communism. *New Left Review*, No. 215 (January/February 1996), pp. 8-9.

²¹ For example, A.Gurov. *The Red Mafia*. Moscow: Samotsvet Publishers, 1995 (in Russian); V.Soloviov, Ye.Klepikova. *Conspirators in the Kremlin*. Moscow: Moscovskii Tsentri Isskustv, 1991 (in Russian).

²² R.Cornwell. The Collapse of the African State. In: J. Cilliers, P. Madsen. *Peace, Profit or Plunder? The Privatisation of Security in War-torn Societies*. Johannesburg: Institute for Strategic Studies, p. 62.

²³ M.Ottaway. From Political Opening to Democratisation? In: M. Ottaway, ed. *Democracy in Africa. The Hard Road Ahead*. Lynne Rienner Publishers, London, 1997, p. 3-4.

²⁴ L.A.Villalón. The African State at the End of the Twentieth Century: Indicators of the Critical Juncture. In: L. Villalón, P. Huxtable, eds. *The African State at a Critical Juncture...*, p. 10.

²⁵ M.Ottaway. Africa's «New Leaders»: African Solution or African Problem? *Current History*, May 1998, p. 210-211.

²⁶ *The Sunday Independent*, 12 July 1998.

- ³⁷ Y. Museveni. *What is Africa's Problem? Speeches and Writings on Africa* by Yoveri Kaguta Museveni. Kampala: NRM Publications, 1992, p. 187; Y. K. Museveni. *Sowing the Mustard Seed. The Struggle for Free and Democracy in Uganda*. London, Basingstoke: Macmillan, 1997, p. 203; Museveni's interview to the *Sunday Independent*, 1 June 1997.
- ³⁸ M. Ottaway. Africa's «New Leaders»..., p. 211.
- ³⁹ *Business Report*, 10 October, 1997.
- ⁴⁰ L.A. Villalón. *The African State at the End of the Twentieth Century*, p. 16.
- ⁴¹ A. Maja-Pearce. *Army Arrangement...*
- ⁴² R. Kaplan. *The Coming Anarchy. The Atlantic Monthly*, vol. 273, no. (Feb. 1994), p. 72.
- ⁴³ J.-F. Bayart. *The State in Africa...*, p. 221.
- ⁴⁴ F. C. Schaffer. «Demokaraasi» in Africa. *What Wolof Political Concepts Teach us about How to Study Democracy*. Ph.D. thesis, University California at Berkeley, 1994 — quoted in D. B. Cruise O'Brien. Do Democracy Require an Opposition Party? Implications of Some Recent African Experience. In: H. Giliomee and C. Simkins, eds. *The Awkward Embrace. Dominant Party Rule and Democracy in industrialising Countries*. Cape Town: Tafelberg, 1999.
- ⁴⁵ Y. K. Museveni. *Sowing the Mustard Seed...*, p. 201-202.
- ⁴⁶ The candidate who was widely believed to have won the 1993 elections and was imprisoned after the «annulment» of these. He died almost simultaneously with Sani Abacha before the 1999 elections.
- ⁴⁷ A. Maja-Pearce. *Army Arrangement...*, p. 11.
- ⁴⁸ Maja-Pearce's bitter article is one of many examples.
- ⁴⁹ SABC, 5 March 1999.
- ⁵⁰ M. Ottaway. *From Political Opening...*, p. 11.
- ⁵¹ R. Joseph. Oldspeak vs. Newspeak. *Journal of Democracy*, vol. 9, 4, (1998), p. 55-61.
- ⁵² Quoted in T. Longman. Rwanda: Chaos from above. In: L. Villalón, P. Huxtable, eds. *The African State at a Critical Juncture...*, p. 77.
- ⁵³ T. Longman. Rwanda: Chaos from above. In: L. Villalón, P. Huxtable, eds. *The African State at a Critical Juncture...*, p. 90.
- ⁵⁴ F. Zakaria. The Rise of Illiberal Democracy. *Foreign Affairs*, vol. no. 6 (Nov./Dec. 1999).
- ⁵⁵ R. Kaplan. *The Coming Anarchy...*, p. 63.
- ⁵⁶ *Sunday Independent*, 1 June 1997.
- ⁵⁷ C. Monga. *The Anthropology of Anger. Civil Society and Democracy in Africa*. Lynne Rienner Publishers, Boulder, London, 1996.

* * *

В докладе рассмотрены исторические эманации институтов государственности в Африке, а также его современная специфика. Главный тезис докладчика заключается в том, что на этапах существования государственности в Африке эта специфика определялась не внешними влияниями («искусствен

тью» современных государств) и не внутренней «традицией», о синтезом обоих, отражающим «искажение» господствующего мирового порядка местными условиями. Докладчик подчеркивает, что в действительности это «искажение», а не существующий идеал и является мировым порядком — образом существования большинства населения планеты и, конечно, Африканского континента.

АФРИКАНСКОЕ ИСКУССТВО В МУЗЕЯХ США И ЕВРОПЫ. СИТУАЦИЯ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕДИНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

С. Я. Берзина
(г. Москва)

В канун XXI в., в условиях резкого экономического отставания стран Тропической Африки от Европы и Северной Америки, несравнимого с Западом уровня жизни и состояния политической стабильности идет сближение африканских народов с европейскими и североамериканскими народами.¹ За последние полвека темпы этого процесса нарастают, и в области культуры можно объективно констатировать становление элементов единого культурного пространства.

Весьма показательна ситуация в отношении к африканскому изобразительному и прикладному искусству. Во-первых, преодолены временные рамки. Ныне совершенно очевидно, что искусство Тропической Африки не может быть ограничено рамками традиционного характера. В колониальный и постколониальный периоды искусство африканских стран продолжает развиваться в соответствии с новыми условиями жизни и возможностями творчества. Во-вторых, преодолен «этнографический барьер». Африканское искусство воспринимается как полноценная и неотделимая часть цивилизации ойкумены.²

На протяжении 70-90-х годов эти представления сместились из сферы дискуссий и публикаций разного рода в демонстрационные залы. Современное положение характерно беспрецедентным ростом количества африканских галерей, появлением специальных государственных музеев африканского искусства и, что мне представляется наиболее важным — политикой главных музеев мира. Вот как это выглядит в основных музеях искусств.

В Музее Метрополитэн (The Metropolitan Museum of Art, New York) искусство Тропической Африки экспонируется в огромном зале с компартиментами по основным регионам (Западный Судан, бассейн Конго и др.). Пополнению африканской коллекции дирекция музея уделяет не меньше внимания, чем искусству других континентов. Об этом позволяет судить специальный номер музейного бюллетеня, представляющий основные приобретения Метрополитэна за 1996-1997 гг.³ Новые поступления распределены по следующим темам: Древний мир; Ислам; Средневековая Европа; Европейский Ренессанс и Барокко; Европа 1700-1900 гг.; Двадцатый век; Африка; Океания и обе Америки; Азия. Африку в этой выборке представляют два шедевра: памятная скульптура вождя из Заира (дерево, стекло, металл и каолин), XIX в., и деревянная колонна веранды в виде всадника, вырезанная скульптором йоруба Олово из Исе, Нигерия (умер в 1936 г.). Вследствие роста города, в Большом Нью-Йорке оказался и Бруклинский музей (Brooklyn Museum of Art), недавно еще музей города Бруклин, со своей знаменитой African gallery. Экспозиция галереи в 1996-1998 гг. была организована по следующим разделам: Йоруба; Культ предков и искусство; Искусство и политическая власть; Магическая скульптура; Маски и т.п. Помимо упомянутых музеев в центре Нью-Йорка действует небольшой Музей африканского искусства (Museum of African Art) с постоянно сменяемыми тематическими выставками. Здесь с сентября 1988г. по январь 1999г. демонстрировалась выставка «Baule. African Art Western Eyes», где были представлены экспонаты из разных музеев мира. Основное этнографическое собрание по-прежнему находится в Музее естественной истории (American Museum of Natural History), расположенном напротив Метрополитэна. Название музея определяется тем значением, которое вкладывалось древними в понятие «естественная история»: история Земли, Природы, Человека. Африканская экспозиция (African Peoples) представляет связный рассказ об истории, условиях жизни, материальной и духовной культуре народов Африки к югу от Сахары. Нельзя не упомянуть, что это первое и старейшее в США собрание африканских памятников содержит уникальные предметы искусства.

Кроме Нью-Йорка, музеи и галереи африканского искусства есть в Вашингтоне (National Museum of African Art), а также многих культурных и университетских центрах страны. В Бостонском музее изобразительных искусств (Museum of Fine Arts Boston) экспозиция открывается залами африканского искусства, где в отдельных витринах выставлены редчайшие памятники

монументального характера нового и новейшего времени. Классическими цивилизациями Судана (Куш, Мероз, Нубия) начинается показ искусства древнего Востока. Следует отметить, что это одна из наиболее удачных и связных демонстраций истории искусства долины Нила к югу от Египта. Конечно, подборка памятников здесь производилась путем тщательного отбора из огромного фонда, сложившегося в результате многолетних раскопок в Судане. В то же время само здание музея ограничивает возможности показа. Музей хранит памятники такого размера и веса, которые не могут быть представлены в залах. Так уникальный каменный саркофаг мероитского царя Тахарки можно увидеть только в подвальном, служебном помещении. Часть африканского собрания Бостонского музея нового и новейшего периодов постоянно экспонируется в Гарвардском университетском музее (Harvard University Art Museum. Fogg Art Museum). С 1996 г. здесь действует выставка «The Art of Identity. African Sculpture from the Teel Collection». В Бостоне же имеется музей современного африканского искусства — Hamill Gallery of African Art.

В качестве тенденции особого внимания заслуживает факт закупки африканских экспонатов и подготовки африканских экспозиций в тех из основных музеев искусств, где еще в середине XX в. это невозможно было представить. В условиях неразрешимого противоречия между постоянно растущим количеством музейных экспонатов в целом и возможностями их хранения и экспонирования, каждый музей находит свое решение. Чрезвычайно остро эта проблема встает перед старыми музеями Европы.

Британский музей (The British Museum, London), один из старейших национальных музеев мира с хрестоматийными памятниками Африки, перевел свое основное африканское собрание в новое здание, Музей Человека (Museum of Mankind, the Ethnography Department of the British Museum). В старом остались высокие памятники классических африканских цивилизаций: Мероз и Нубия, которые вслед за Египтом экспонируются в залах древнего мира. О других частях собрания напоминают средневековые бронзовые рельефные пластины из облицовки дворца бенинских правителей, собранные в панно над маршем главной лестницы. Лондонский Музей Человека только разворачивает африканскую экспозицию, но уже в 1995 г. в его здании осуществлена огромная и великолепная выставка «Искусство Африканского континента», где на произведениях африканских мастеров от древнего Египта и средневекового Магриба до

традиционных памятников стран Тропической Африки у тели выставки продемонстрировали определенную об мировосприятия и единство эстетических ценностей на континента в пространстве и во времени.

Музей Лувра (Musée du Louvre, Paris) уже много лет н ся в состоянии реконструкции. Относительно «африка планов Лувра известно только строительство нубийской зиции на материале французских раскопок в Седенге.⁴ (учесть, что во французской столице крупнейшие афри собрания складывались с начала XX в. и давно демонстри в Национальном музее искусства Африки и Океании national des Arts d'Afrique et d'Océanie), бывшем Колони музее, а также в Музее Человека (Musée d'Homme). В последнего, по сообщению В.Б.Мириманова, неоднократно работавшего, находятся тысячи африканских памятников материалы экспедиции А.Лота в ТАСС или, но основнь меняющихся экспозиций музея носят народоведческий х (что подтверждается музейными изданиями).

Национальный музей искусства Африки и Океании включал археологические, этнографические памятники, ведения прикладного искусства из бывших французски ний в Африке. Посетителей музея встречают мегалиты и Салума, вкопанные среди растущих пальм. Значительну основного фонда Тропической Африки составили дары «ф ских африканцев»: военных, чиновников, врачей и миссио последние десятилетия положение меняется. Музей ведет ные закупки памятников со всего континента, обращая сное внимание на «нефранцузские» регионы. Почти в каждом журнала французских музеев («Revue du Louvre. La revue d de France») в разделе наиболее значительных новых пост упоминаются приобретения этого музея. Чтобы представить приведу несколько примеров. В 1996 г. была куплена разоция из 282 эфиопских серебряных нашейных крестов нача (самое большое собрание в музеях Европы!).⁵ В 1998 г.: б голова обы Бенина, XVI в.⁶; походный ящик для таб Абомае, рубеж XIX-XX вв.; полный ритуальный костюм из Угбене, Нигерия, середины XX в.⁷; четыре флаг (фанти, Гана)⁸. В музее создается постоянная эксп залами по искусству отдельных стран, организуются и ные выставки⁹, работает африканский лекторий, круж Бывший Колониальный музей на рубеже веков превра Национальный музей африканского искусства.

В России основное собрание африканских памятников хранится, изучается и экспонируется Кунсткамерой (Музеем антропологии и этнографии РАН) имени Петра Великого. Экспозиция МАЭ задумана и осуществлена в соответствии с общей направленностью музея, что не мешает демонстрировать посетителям классические предметы искусства цивилизаций Тропической Африки, начиная с Бенина. Однако зал Африки не меняется последние полстолетия. Сам музей не может, как правило, проводить выставки на своих площадях. Единственная выставка из африканского фонда — Эфиопское собрание МАЭ — была осуществлена в 1959 г. в связи с визитом Хайле Селассие I. Обычно МАЭ представляло свои африканские экспонаты на африканские и тематические выставки, организуемые другими российскими музеями. Такая практика, традиционная для музеев мира, была преодолена новой дирекцией. В 2000 г. ГМЦ обратился в кунсткамеру с приглашением участвовать, вместе с другими музеями, в выставке «Христианство на Африканском Роге» и представить четыре своих экспоната. Музей Востока получил категорический отказ, причем формальное обоснование этого отказа не соответствует истине. Причина неизвестна, но перспективы печальны.

В 80-е гг. XX в. впервые закупил африканские памятники Эрмитаж (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). Была приобретена часть значительной коллекции, привезенная В. Р. Арсеньевым из Западного Судана. Это было второе по времени коллекционное приобретение. Первое, собрание аксумских монет, подарил музею М.Б.Горнунг.¹⁰ Б.Б.Пиотровский, директор Эрмитажа и превосходный знаток мирового искусства, начавший африканскую акцию, считал необходимым включение искусства Тропической Африки в состав эрмитажных собраний и экспозиций.¹¹ История Эрмитажа, основанного Екатериной Великой как дворцовое собрание живописи медалей и гемм, созданного Николаем I как Новый Эрмитаж — музей античного, европейского и русского искусства, доступный публике, развивался в этом направлении до конца династии Романовых. В годы советской власти он стал музеем мировой культуры. Особая роль в этом процессе принадлежит Отделу Востока, созданного под инициативным руководством И.А.Орбели, ставшего затем директором Эрмитажа. При И.А.Орбели и его преемниках Отдел Востока превратился в Центр востоковедения мирового значения. Он сконцентрировал памятники восточных культур и стал показывать их как самоценную часть мировой цивилизации.¹²

Африканские экспонаты также поступили в Отдел Востока, фонд Египта, где уже хранились памятники древней Нубии раскопок Советской археологической экспедиции п/р Б.Б.Пиотровского. В 1983 г. Отдел Востока демонстрировал выставку «2000 лет искусства Нигерии» из нигерийских музеев. Пиотровский сам составил выставочный буклет и написал заметку к выставке в музейные сообщения, где назвал ее «крупным событием в жизни Эрмитажа».¹³

Инициативы Б.Б.Пиотровского в отношении африканского искусства, создание африканской коллекции музея — шаг принципиального значения для развития Эрмитажа в постсоветский период. Это направление на посту директора продолжил М.Б.Пиотровский. В 1993 г. в Эрмитаже состоялась выставка «Коллекция Джорджа Ортиса. Древности от Ура до Византии». В состав 280 экспонатов мирового класса были включены из сканные древние и средневековые скульптуры Тропической Африки. Они были опубликованы в полном каталоге, а так же представлены в буклете, сопровождавшем выставку в Эрмитаже и в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина (Москва), куда выставка переехала из Эрмитажа. Каталог был рассчитан на коллекционеров, специалистов и стоил достаточно дорого, а буклет предназначался рядовому посетителю и раздавался бесплатно. В последнем среди 29 иллюстраций выдающихся произведений древнейшего древнего и средневекового искусства со всего мира, на деле показаны памятники Тропической Африки. В буклете приводятся слова собирателя — владельца коллекции: «Меня неизменно привлекала африканская скульптура... Африканцы как никакие другие народы, умели схватить и передать в некоторых своих скульптурах первозданную дикость природы. Ведь природа несколько не обременяет себя соображениями морали и справедливости. Она просто есть. В качестве примеров я могу привести созданную в Ноке терракотовую голову (№ 261), мощным психологическим содержанием, или голову «с вечными глазами» (№263), обладающей почти мистической силой воздействия».¹⁴

Для Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина превосходным египетским собранием и интересными местными памятниками выставка Ортиса — первая демонстрация древнего и средневекового искусства Тропической Африки. Однако в ГМИИ постоянно экспонируются собственные памятники африканского искусства рубежа XIX-XX вв., приобретенные в Париже С.И.Шукиным. Здесь традиционная деревенская

скульптура как сопровождающий материал, исток и фон выставлена в зале французских импрессионистов. В этом зале она вполне уместна и превосходно вписывается в экспозицию произведений революционного этапа истории европейской живописи на рубеже XIX-XX вв.

Другие московские музеи, не входящие в разряд мировых центров искусств, в последние десятилетия ушедшего века начали собирать африканские фонды. Так небольшой коллекцией памятников — музыкальных инструментов Тропической Африки обладает Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И.Глинки. Лучшие из них показаны в африканском компарimente экспозиции. Самобытные по существу, совершенные по дизайну, украшенные классической резьбой, шитьем и т.п., она безусловно относится к произведениям традиционного искусства. Коллекция пополняется и формируется планомерно. Директор музея А.Д.Панюшкин недавно привез из Эфиопии набор подлинных инструментов середины — второй половины XX в.

В качестве тенденции чрезвычайно важно отметить появление африканских экспонатов во вновь создающихся университетских музеях: ИСАА при МГУ и Российского университета дружбы народов. В то же время плохо со старыми фондами МГУ. Интересная и значительная африканская коллекция складирована в Музее антропологии Московского Государственного университета. В свое время африканские, австралийские и др. памятники этого собрания были приобретены известным российским антропологом и географом Д.Н.Анучиным и подарены в университет именно с учебной целью. Ныне они недоступны ни студентам, ни исследователям.

Превосходные, редкие, а в некоторых случаях уникальные памятники искусства Африки традиционного характера удалось обнаружить в Государственном Историческом музее: оружие XIX в. (а надо помнить, что оружие — это одновременно и знак власти; соответственно каждый из этих предметов представляет достижение в области военной техники своего времени и памятник высокого искусства) в фонде Отдела оружия и рукописные (в т.ч. иллюминированные) эфиопские книги XVI-XVIII вв. в фонде Отдела рукописей. Эти памятники никогда не экспонировались в ГИМе, но они доступны для работы специалистов и выдаются на выставки в другие музеи. Отдельные предметы есть в Оружейной палате Московского Кремля. Ситуация аналогич-

Значительный интерес представляют частные коллекции скотовских африканистов. Памятники большого историко-культурного значения имеются в коллекциях М.Б.Горнунга, В.И.Ровикова, В.Б.Мириманова, В.Б.Иорданского, А.А.Громыко. В последнее время появились коллекции у ценителей африканского искусства. Летом 1998 г. в Москве экспонировала свое собрание деревянной и бронзовой пластики Западного Судана Н.В.Грекова, жительница Воронежа. Выставка привлекла внимание антикваров, что весьма симптоматично.

Основное собрание африканского искусства в Москве сосредоточено в Государственном музее искусства народов Востока. Отдельные предметы появились в музее еще в период его создания, но собрание как таковое формируется с 60-х годов. Истоки нынешнего собрания, как мне кажется, показательны для обозначаемой темы. В 60-е — 70-е годы, в связи с политикой советского руководства в отношении независимой Тропической Африки, Советский Союз регулярно посещали правительственные, партийные профсоюзные и культурные делегации стран Африки, привозившие подарки. В молодые африканские государства хлынул поток советских граждан, бывших там краткосрочно осевших на годы. В официальных учреждениях и частных домах Москвы внезапно оказалось огромное количество произведений африканского искусства. В московских коммунальных и отдельных квартирах хрущевки они просто не помещались. Антикварные магазины их не брали. Многие москвичи предлагали, не ища выгоды, подарить африканские памятники Музею Востока, но дирекция и сами музейные работники долгое время не могли определиться в оценке этих памятников: этнографический «азрофлот» или произведения искусства. Ведь то, что принесли в музей, было весьма далеко от произведений Японии, Китая, других, привычных и апробированных. Я слышала много сказов, как музей отказывался от таких даров, в частности предложения М.Б.Горнунга отвергались дважды.

Между тем, количество африканских экспонатов в фондах музеев неукоснительно росло за счет официальных передач из других учреждений, даров с проводившихся в музее выставок редких случаях, — из частных собраний. С 1971 г. отдельные африканские памятники начали публиковать в музейных каталогах и каталогах.

Параллельно все эти годы в залах музея регулярно демонстрировались выставки африканского искусства, ставшие частью музейной жизни. Вначале это были, как правило, привозные выставки, позднее африканские экспонаты включались

авки собственно музейные (африканское искусство на выставках новых поступлений, выставках шедевров или юбилейных мероприятиях). Но показ искусства Тропической Африки начался именно здесь. «Африканскую страницу» в истории музея покрывает эфиопская выставка, состоявшаяся в 1956 г.: «Современная живопись Эфиопии», к которой был издан буклет-каталог. Грандиозная выставка «Искусство Тропической Африки» из собраний советских музеев и частных коллекций состоялась в Музее Востока (тогда он назывался Государственный музей восточных культур) в 1965 г. По материалам этой выставки был выпущен огромный альбом-каталог.¹⁵ Выставка и каталог впервые представили широкому советскому зрителю и читателю африканское искусство, искусство — а не экзотику и этнографию. Большой вклад в эти мероприятия, как и в «африканскую» пропаганду в целом внес Д. А. Ольдерогге.

В 1966-1967 гг. состоялась выставка «Искусство Дагомеи», привезенная из страны, ныне называемой Республика Бенин. В 1968 г. в стенах музея было две африканских выставки: «Рисунки детей Зимбабве» (с каталогом) и «Современное искусство Нигерии». 1969 г. отмечен экспозицией «Африка. Выставка произведений московских художников». 1970-е — 80-е гг. прошли под знаком регулярных привозных выставок. В 1972 г. состоялась «Искусство Республики Заир», в 1973 — «Современное образительное искусство и художественные ремесла Федеральной Республики Нигерия», в 1975 — «Живопись, прикладное искусство и ремесла Народной Республики Конго», в 1980 — «Искусство Объединенной Республики Камерун», в 1981 — «Современное искусство Мозамбика».

Переезд экспозиции музея в новое здание мы отметили большой выставкой «Искусство Африки. Из собраний посольств стран Африки в СССР», проходившей зимой 1986-1987 гг. На выставке были представлены памятники с большей части континента. В 1989 г. музей смог принять выставку монументальных форм «Скульптура Зимбабве» (с каталогом).

Регулярное пополнение африканского фонда позволило уже в 1991 г. создать выставку из собственных экспонатов музея и выпустить буклет. Была сформирована передвижная выставка «Искусство Черной Африки», демонстрировавшаяся в Челябинске. Вместе с накоплением памятников шло их исследование. Африканское искусство включали во все общие каталоги и буклеты музея, они также были представлены в научных публикациях.

Ныне Фонд Тропической Африки насчитывает около 800 мятников. Это сравнительно небольшое собрание, но оно включает экспонаты уникальные, редкие и даже знаковые для искусства континента. В наших планах — постоянная экспозиция африканского искусства. Создание африканской экспозиции намеченное на начало 90-х гг., задерживается только в связи известными финансовыми обстоятельствами. Поэтому в ближайшее время будут проведены две тематические выставки организуемые на базе африканского фонда музея с привлечением коллекций других музеев и частных собраний. Выставка «Христианство на Африканском Роге», посвященная 2000-летию Рождества Христова, откроется уже в марте 2000 г. Привлечение на свои выставки экспонаты других собраний, мы ставим своей целью. Первая — переход от аморфного показа африканского искусства вообще к демонстрации конкретных видов, образцов культурно-исторических тем. Вторая — ознакомление посетителей с закрытыми для массового зрителя фондами музеев, собраний и т.п. Каждая из таких выставок будет сопровождаться научной конференцией.

Как мы видим, на рубеже XX-XXI вв. четко вырисовывается перспектива создания поля мирового искусства, куда европейское, американское, азиатское и африканское искусство выступают равноценными составляющими. Это поле формируется преимущественно как основными историко-культурными учреждениями, центрами агитации и пропаганды, проводимой визуально и в виде массовых изданий от бесплатных буклетов и листовок до открывающихся роскошных альбомов и копий музейных экспонатов. В XXI веке неуклонным ростом международных коммуникаций и постоянными перемещениями огромных людских масс роль музеев в деле становления единого культурного пространства возрастает еще больше.

Дело в том, что музеи представляют культурные учреждения массового характера совершенно особого рода. Они накапливают не предметы, памятники, экспонаты. Музеи хранят отвлеченное время. Они «весомо, грубо, зримо» демонстрируют это время, осуществляя на деле принцип: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Уровень эмоционального воздействия музейных экспозиций (и специально экспозиций искусства) может быть уже сегодня сравним с воздействием кино и телевидения. Коренное отличие музеев от этих средств массовой информации состоит в том, что музеи демонстрируют безусловную истину. В связи с конкретной постановкой вопроса — правду об Африке. Десятки тысяч людей, прохо-

ежедневно через африканские залы музеев мира, уносят с собой кусочки этой правды в виде образов африканского искусства.

¹ Городнов В.П. "Евроцентризм и афроцентризм как субъективная реакция на объективный процесс сближения европейских и африканских народов". Мое выступление, которое легло в основу настоящей статьи, инициировано докладом В.П. Городнова. (доклад В.П.Городнова в данный сборник не вошел — прим. ред.)

² Это обстоятельство отразилось на мировом рынке произведений искусства. Африканские памятники вошли в общие и собственно африканские каталоги Сотбис и Кристи, а цены выросли на порядок.

³ Metropolitan Museum of Art Bulletin, N.Y., 1997, Vol. 55, № 2.

⁴ Revue du Louvre, P., 1999, № 2, p.31-34.

⁵ Revue du Louvre, P., 1996, № 2, p.105.

⁶ Revue du Louvre, P., 1998, № 1, p.102.

⁷ ibid., p.103.

⁸ ibid., № 2, p.108.

⁹ Vallée du Niger. Exposition. Paris etc., 1993-1996. Catalogue, Paris, 1993. На выставке были собраны экспонаты из европейских и африканских собраний, впервые представлявшие историю искусства, созданного населением долины Нила на протяжении тысячелетий в виде зрительного ряда. Каталог — исследование академического характера, вписан в классическую традицию каталогов высокого искусства.

¹⁰ Горнунг М.Б. Аксумские монеты. — Сообщения Государственно-Эрмитажа, Л-д, 1973, вып. 37

¹¹ По материалам личных бесед.

¹² Неверов О.Я., Пиотровский М. Б. Эрмитаж. Собрания и собиратели. С.-Пб.1997.

¹³ Пиотровский Б.Б. 2000 лет искусства Нигерии. — Сообщения Государственного Эрмитажа, Л-д, 1986, вып. 51, с. 84-85, 3 илл.

¹⁴ Коллекция Джорджа Ортиса. Древности от Ура до Византии. Л-д, 1993, с.7.

¹⁵ Искусство Тропической Африки в собраниях СССР. М., 1967.

This paper shows a new situation of perception of African art on the eve of the 21st century: it has become the inseparable part of the world civilization. All main art museums of the world have the collections of African art, it is presented in all catalogues of famous world art auctions etc. A great part of this paper is dedicated to the story of the making of African art collections in main Russian art museums.

ЭФИОПОЦЕНТРИЗМ И ЭФИОПСКОЕ ОБЩЕСТВО

Г. В. Цыпкин
(г. Москва)

При рассмотрении таких понятий, как «евроцентризм» и «афроцентризм» представляется целесообразным представить их как они проявляются в более узких рамках, в периметре отдаленной страны.

В качестве примера выбрана Эфиопия, страна, которая отчасти своим своеобразием исторического развития на фоне большинства других государств Тропической Африки, дает пример существования особой, присущего только эфиопскому обществу системы взглядов на себя и окружающий мир. При этом не следует упускать из виду подчеркнуть, что под эфиопским обществом в данном случае подразумевается прежде всего христианское амхарское общество, на протяжении многих веков занимавшее господствующие позиции в стране.

Казалось бы, что Эфиопия, как страна относящаяся к Африканскому континенту, могла бы явить собой пример локального афроцентризма. В действительности же все несколько сложнее. Явление, которое условно можно обозначить, как эфиопский афроцентризм, зародилось и развивалось прежде всего по отношению непосредственно окружающему Эфиопию миру, т. е. в первую очередь к другим народам континента. Существуют различия между эфиопами и другими африканцами и по отношению к европейцам, вызванные тем обстоятельством, что Эфиопия удалось избежать превращения в колонию, но об этом несколько позже.

Таким образом, причины, породившие эфиопоцентризм прежде всего нужно искать в особенностях исторического развития страны. Уникальной из них является то обстоятельство, что Эфиопия является примером существования древней африканской независимой государственности на протяжении Тропической и Южной Африки.

Даже тогда, когда европейская историческая наука утверждала, что Африка не имеет своей истории, что история континента начинается лишь с приходом белого человека, вынуждена была делать исключение для некоторых областей материка, и в частности для Эфиопии: эта страна упоминается в Библии, о ней писал отец истории Геродот.

Конечно, в те отдаленные времена топоним «Эфиопия» упоминался шире, не будучи привязанным к Эфиопии в ее

вам толковании. Но если даже вести отсчет с рубежа I в. н.э., со времени появления первых сведений об Аксумском царстве, преемницей которого стала Эфиопия, то и тогда история этой страны насчитывает не менее двух тысячелетий, что ставит ее в один ряд с древнейшими мировыми цивилизациями.

Другое дело, что сами эфиопы считали, что начало их государственности относится еще к библейским временам. Немного найдется на свете легенд, которые дошли бы до нашего времени в качестве официального документа. В существовавшей же до сентября 1974 г. конституции монархической Эфиопии утверждалось, что власть в стране будет пребывать в руках представителей Соломоновой династии, основателем которой является император Менелик I, сын легендарных царя Соломона и царицы Савской. Последний император Эфиопии Хайле Селассие I официально считался 224-м представителем Соломонидов.

В любом случае, речь идет о государстве с богатой историей, европейская библиография которой составила бы честь не только африканской стране. Изданная еще в 50-е годы работа академика И.Ю. Крачковского содержит в приложении наименования около 800 исследований по истории, этнографии, культуре и языкам Эфиопии.¹ Первая же книга, посвященная истории этой страны, была издана в Европе еще в 1681 г.²

На протяжении многих лет многие просвещенные умы средневековой Европы будоражила легенда о загадочном христианском государстве, расположенном где-то на побережье восточной части Африканского континента. Немало смельчаков отправилось на поиски «царства священника Иоанна». Воображаемый образ Эфиопии находил свое место на страницах произведений географов, историков и писателей. Через Францию, Испанию и Северную Африку ко двору священника Иоанна направил героя одной из своих поэм прославленный поэт эпохи раннего Возрождения Людовико Ариосто. Во времена крестовых походов христианские государи Европы серьезно обсуждали планы привлечения Эфиопии к совместной борьбе против мусульман за роб Господень.

Второй фактор, отличавший Эфиопию от других народов тропической Африки, служивший предметом гордости — наличие собственной письменности, которую принесли с собой в Африканский Рог в середине I тысячелетия до н.э. переселившиеся туда южноаравийские племена. Таким образом, уже с древнейших времен берет начало процесс письменной фиксации исторических событий. Первые дошедшие до нас произведения географического и исторического жанров — соответственно

жития эфиопских святых и хроники царей — появились в XII—XIV вв.

Важнейшим событием истории Эфиопии стало принятие христианства — это событие традиционно связывается с мисионерской деятельностью Фрументия, ставшего первым епископом эфиопской Церкви. Произошло это в IV в., за пять столетий до того, как киевский люд первым на Руси приобщился к этой религии.

Распространение среди эфиопского общества одной из мировых религий на столь раннем этапе ее становления сыграло огромную роль в процессе духовного формирования эфиопов. В соответствии с существовавшей на протяжении многих веков концепцией, Эфиопия рассматривалась скорее не как часть Африканского континента, а часть христианского мира. Согласно этой концепции, истоки своей истории и культуры эфиопское общество усматривало в христианстве, религии, связывающей его с Римом и Византией.

Это обстоятельство сыграло первостепенную роль в становлении и развитии взглядов эфиопов на себя и окружающий мир. У черного эфиопа-христианина формировалось чувство превосходства по отношению к народам остальной Африки; амхаб, будь то помещик или простой земледелец, неизменно ощущал себя господином по отношению к некрещеному населению страны, относящемуся к негроидной расе. Такие же чувства эфиопы испытывали и по отношению к другим народам Африки.

Что же представляло собой традиционное эфиопское общество, носитель подобных взглядов? Следует отметить, что сохранявшаяся на протяжении многих веков, вплоть до 70-х гг. XX в., социально-экономическое и политическое устройство эфиопского общества, незначительность изменений в его духовной и культурной жизни, сила традиций обусловили применение к нему понятия «традиционное». В данном случае оно используется не для соотнесения с общественно-формационными и социально-классовыми категориями, а для выделения того типа социальной организации, в которой традиция играет особую важную роль, являясь, по сути дела, основой их воспроизводства. Иными словами, под термином «традиционное общество» в самом общем плане понимается особый способ социокультурной регуляции, свойственный этому обществу и осуществляемый преимущественно при помощи традиции.

Многие исследователи-эфиописты отмечали консервативную покорность эфиопского крестьянства, составлявшего 95% н

границы. Объяснение этому кроется в психологии самого этого общества, нормах его жизни и идеалах.

В протяжении многих веков эфиопский крестьянин воспринял свой нелегкий труд как естественные законы жизни, освященные вековыми традициями. Для него отцы и деды, значит, так должен жить и он сам. Этот образ жизни он и не мог представить. Сформированное и застывшими рамками традиционного общества мировоззрение эфиопа-земледельца покорно подчинялось реалиям жизни. Главным для него было соответствовать стереотипам жизни, ожидая вознаграждения в царствии вечном. Путь же к вознаграждению, как поучали самые мудрые в округе — священнослужители, лежит через верность заветам отцов и дедов и покорность церкви.

Проблематика эфиопского традиционного общества не является темой данного доклада. Вместе с тем некоторые особенности его развития позволяют лучше представить ту почву, на которой зародилось и развивалось такое явление, как эфиопизм.

В качестве примера своеобразия эфиопского общества можно привести, в частности, его отношение к понятию «время» и к нему в целом.

Известно, что большая часть истории Эфиопии приходится на ранний период развития, в мироощущении эфиопа можно найти немало аналогий с представлением о времени жителя доисторической эпохи. Их отношение к событиям основывается на убеждении, что все прошедшее — устоявшееся и постоянное, новое же — неопределенное и нестабильное.

Вслед за проблемой отношений в традиционном амхарском обществе, американский социолог Д. Левин отмечает, что оно имеет циклический характер. Отсчет годов ведется в соответствии с Евангелием, при этом образуется постоянно повторяющийся четырехлетний цикл: год Матфея, год Марка, год Луки и год Иоанна. Принцип цикличности присущ и обозначению дней недели, каждый из которых посвящен определенному святому. Амхары хотят представить какое-либо событие во времени, но не скажут, что случилось это, например, в год Луки, а скажут, что случилось это, например, в год Луки, в святого Михаила. «Время, — отмечает Д. Левин, — не имеет особого интереса для эфиопа. Как правило, он не задумывается ни о днях, ни о годах своего рождения». ³ Припоминая события из прошлого, он привязывает его к каким-то синхронным событиям, например, восхождению на престол правителя, войнам, засухе и т. п. В традиционном представлении

нии время воспринималось лишь в двух качествах — как прошлое и как настоящее. Все, что не являлось современным обществу, относилось к прошлому, которое воспринималось как некая нерасчлененная бытность. События, независимо от того, произошли они 100 или десять лет назад, определялись для меня как «тынт» (древнее) или «дуру» (прошлое).

События давно минувших лет интересовали эфиопов как фон, с которым они постоянно соотносили свои поступки, отыскивая в прошлом эквиваленты своего бытия. Иными словами, все, что они не делали, должно было соответствовать преданию отцов и дедов.

Таким образом, история в представлении традиционного эфиопского общества представляет как бы проекцию настоящего на прошлое. Активная роль прошлого приводит к тому, что история кажется застывшей, лишенной элементов развития, что окружает человека, все, чем он живет — традиции, обычаи, феодальные междоусобицы, тип жилища, инструменты — уже в прошлом. Неизменность условий жизни и повторение событий создавали ощущение неподвижности времени и привели к закреплению в общественной психологии консервативных традиций и взглядов.

Отношение ко времени, как к застывшей реальности, подтверждают и произведения традиционной эфиопской живописи. Еще относительно недавно художники изображали легендарного императора Менелика I, сына царя Соломона и царицы Савской, в окружении телохранителей, вооруженных огнестрельным оружием.

Консервации традиционных представлений во многом способствовала изоляция страны от внешнего мира. Захват Османской империей в XVI в. Красноморского побережья отрезала Эфиопию от влияния извне, порождая в эфиопском традиционном обществе самые причудливые представления о других странах и народах. Многие европейские авторы, оценивая взаимоотношения этой страны с внешним миром в период средневековья, часто прибегают к образным словам Э.Гиббона, автор известного труда «Упадок и падение Римской империи»: «Окруженные со всех сторон своими религиозными противниками, эфиопы проспали почти тысячу лет, забыв об остальном мире, который в свою очередь тоже позабыл о их существовании».

На протяжении XVII-XVIII вв. Эфиопия находилась в состоянии самоизоляции, фактически европейцам был запрещен въезд в страну. Древняя африканская империя все меньше интересовалась внешним миром, решая главным образом внут-

ие политические и религиозные проблемы. В этот период особенно обострились религиозные чувства эфиопов, которые воспринимали свою страну как островок истинной христианской веры в море ислама и язычества. На протяжении XIX в. подобное определение Эфиопии содержалось почти в каждом послании правителей страны тому или иному европейскому монарху. Вторым элементом таких писем было обращение к ним как к «защитнику христианской веры». Примером, в частности, может служить письмо императора Менелика II в 1891 г. главам европейских держав по вопросу об исторических границ Эфиопии.

Существовали ли контакты по политической линии с кем-либо из африканских соседей? Сведений на этот счет нет, но политические, религиозные, этнические и расовые реалии того времени не дают возможность ответить на этот вопрос положительно. Как уже отмечалось, гордящиеся своей древней цивилизацией, давними традициями государственности и собственной письменностью христианское население Эфиопии воспринимало своих африканских соседей как людей второго сорта, достойных лишь быть рабами амхара. Такая политика особенно наглядно проявилась в конце XIX в., в период широкой территориальной экспансии эфиопского государства. Благодаря успеху нескольких военных экспедиций императорских войск в соседние области их население было превращено в крепостных крестьян, лишенных всяких прав.

Вместе с тем для покоренных народов существовал способ облегчить свою участь: по существовавшим тогда законам человек, принявший христианскую веру, не мог быть обращен в раба. Более того, правящая верхушка завоеванных областей в этом случае сохраняла свои привилегии и частично ассимилировалась с высшими эшелонами эфиопской власти. Примером может служить судьба одного из оромских правителей области Уолло Мухаммеда Али. После крещения он получил новое имя Микаэль в честь святого Михаила и настолько сблизился с императором Менеликом, что со временем превратился в одного из влиятельных феодалов страны. Речь идет о расе Микаэле, муже дочери императора Шоарег и отце Лиджа Иясу, преемника Менелика на императорском троне. Однако такая практика распространялась главным образом на феодальную верхушку оромо, близких по антропологическому типу к амхара и тыграйцам. Негроидные вожди нилотских племен не имели никаких шансов на занятие видных постов в государственной структуре власти и оставались на социальной лестнице ниже любого христианина-амхара.

Правда, наступило время, когда эфиопская официальная пропаганда и национальные историки как бы вспомнили, что Африка — не только часть христианского мира, но и часть Африканского континента. Процесс переосмысления своей принадлежности берет свое начало приблизительно с середины 50-х годов прошлого столетия, когда большинство стран Африки приближалось к порогу независимости. Скорее всего император Хайле Селассиye I осознавал, что чтобы занять место на политическом подиуме в независимой Африке, необходимо повернуться лицом к континенту и предъявить африканские корни своей империи.

Первой ласточкой стала книга Ильмы Дерэсы по истории Эфиопии, где, в частности, говорилось: «В наши дни страны Азии и Африки продолжают борьбу против империализма. Народ Эфиопии начал сопротивление империализму еще в времена величия фараонов, Персии и Рима. Эфиопские воины, павшие на полях сражений в Шембура-Куре, Амба-Гангел, Адуа и Майчоу, сражались не только за свободу своей родины, но и для того, чтобы заложить основы независимости Африки». Оставляя в стороне своеобразное представление автора относительно понятия «империализм», являющегося для него синонимом любой территориальной экспансии, нетрудно увидеть стремление найти в историческом прошлом Эфиопии истоки борьбы народов Африки за свою независимость, отыскать общепризнанные африканские элементы, которые позволили бы Эфиопии провозгласить себя борцом за свободу Африки на протяжении многих веков.

Вместе с тем эфиопы по праву гордятся традициями борьбы за независимость и сохранение территориальной целостности своей страны. Победа над итальянцами в сражении при Адуа в марте 1896 г. не только гарантировала сохранение независимости эфиопского государства, но и способствовала усилению престижа страны на мировой арене. В те дни об Эфиопии с уважением заговорили во многих странах мира, название этой страны замелькало на страницах мировой прессы. На имя императора Менелика, победителя при Адуа, пришло более 3-х тысяч поздравительных писем и телеграмм. Одно за другим в столицу страны Аддис-Абебе открывались дипломатические представительства ведущих государств Европы. Все это, безусловно, могло не льстить чувству эфиопского самосознания, углубляя ощущение своей исключительности.

Конечно, меньше всего об успехе Эфиопии в борьбе против империализма знали в самой Африке, народы которой к концу XIX века стали частью колониальной империи той или иной западной

й державы. Вместе с тем имеются сведения, что победа жого оружия в итало-эфиопской войне 1895-1896 гг. нашла женный отклик среди черного населения Южной Африки. из политических деятелей того времени, Джеймс Дване, шлся к императору Менелику с посланием, в котором л его обратить внимание на бедственное положение анцев-христиан в Египте и Судане. Образ независимой ии стал настолько популярен среди зулу Южной Африки, тинги в честь этой страны привлекали в Натале и Зулу-тысячи африканцев. Новый импульс получил процесс ия среди африканцев-христиан новой церкви, получившей ие эфиопской. Хотя первоначально это название было ововано из Библии и в этом случае под Эфиопией подразу-сь вся Африка, позднее лидеры движения за эфиопскую ь неоднократно подчеркивали, что ее название символи- ' связь с реально существующей независимой христиан-фриканской монархией.⁵

ентификация негритянского населения с независимой ией нашла свое отражение и в создании в 20-е на островах Индии, в первую очередь на Ямайке, христианской религи-секты растафарианцев, названной по имени раса Тэфэри, в мя регента, а с 1930г. — императора Эфиопии.

условно, эфиопы имели все основания гордиться победой мией одной из европейских колониальных держав. Но с зрения роста эфиопского национализма и укрепления того я, которого автор доклада определяет как эфиопоцен- успех эфиопского оружия в этой войне имел и теньвую гу, породив среди эфиопов преувеличенное представление и своих военных возможностях. В свое время это обстоя-во было подмечено К. Арнольди, поручика лейб-гвардии ловского полка, прикомандированного к составу Русской матической миссии в Аддис-Абебе от военного министер-«Свою тактику абиссинец считает идеальной, свое снаря- — первым в мире, военную организацию — не остав-ей желать ничего лучшего, себя самого — образцом солда-го нового могут сказать ему эти несчастные ференджи ейцы — Г.Ц.), которых он гнал и убивал на холмистых Адуи и в ущельях Амба-Аладжи, чему они могут научить? ам у них, а им у нас нужно учиться, как воевать», — с кой думает гордый сын Шоа и со спокойной совестью вает в своем невежестве».⁶

мнению этого автора, одержанная в конце XIX в. Победа гальянцами «принесла большой с этой точки зрения вред

абиссинской армии, укрепив ее окончательно в своих заблуждениях».⁷

За самоуверенность пришлось расплачиваться в годы итальянской агрессии в 1935-1936 гг., когда устаревшая военная тактика эфиопской армии оказалась неадекватной современной военной машине Италии.

Сама же эта война снова вывела Эфиопию на авансцену мировой политики. Как и в конце XIX в. название этой страны замелькало на страницах иностранной прессы. Для миллионов африканцев борьба за независимость Эфиопии стала борьбой против колониализма как системы в целом. Африканская интеллигенция ощущала некую духовную связь с Эфиопией, в которой видели последний оплот самобытной и самостоятельной африканской государственности. Видный политический деятель Западной Африки, будущий президент Нигерии Н.Азикви, в частности, выразил это ощущение следующими словами: «Эфиопия являет собой то последнее, что осталось от черной автократии. Она представляет тот тип правления, который был заложен нашими предками на Африканском континенте... Длительное существование Эфиопии после того, как ее современники исчезли с политической карты, было и будет являться объектом восхищения».⁸

Эфиопия продолжала пользоваться вниманием внешнего мира и в послевоенные годы, на протяжении 50-х — 60-х гг. Во многом научный интерес к богатому историческому и культурному прошлому страны и особенностям ее развития стимулировался правительством страны и самим императором Хайле Селассие I. Эфиопский монарх лично следил за развитием эфиопистики за рубежом, отмечая значительными денежными премиями те работы, в которых подчеркивалось то особенное, что выделяло эфиопское государство из ряда других стран Африки. По его инициативе стали проводиться Международные конференции по эфиопским исследованиям, научная деятельность иностранных ученых стала стимулироваться премией Хайле Селассие I, выплачиваемой из личных средств монарха.

Таким образом, эфиопы не могли пожаловаться на отсутствие к себе интереса со стороны внешнего мира, что не могло не льстить национальному самосознанию.

Эфиопоцентризм, как система взглядов на себя и окружающий мир, прежде всего на остальные страны Африки, стал терять позиции с начала 60-х гг., когда большинство бывших европейских колоний на африканском континенте стали обретать политическую независимость. И тут выяснилось, что мно-

молодых оппозиционеров: «Наш опиум — это наша способность надуваться от гордости каждый раз при упоминании Адуа нашей древней независимости».⁹ В 1974 г. неспособность высшей верхушки разрешить проблемы страны привела к выносу на политическую авансцену армии и ликвидации феодальной монархии.

В заключение несколько слов о расовом моменте, отношении эфиопского традиционного общества к европейцам. Мы исследователи отмечаем ксенофобию эфиопов, их подозрительное, а часто и враждебное отношение к европейцам, которое проявлялось вплоть до первых десятилетий XX в. Его истоки уходят в далекое прошлое, к середине XV в., когда португальские миссионеры-иезуиты предприняли энергичные усилия, чтобы вырвать эфиопов из «монофизитской ереси» и привлечь их в лоно католической церкви. На первом этапе иезуитского сопутствия успех, среди многих обращенных в католичество, был и тогдашний император За-Дынгель. Однако католические проповедники не учли тех прочных позиций, которые более тысячи лет за тысячелетие завоевало в стране монофизитство, а также религиозный подъем, который сопровождает любую религиозную войну. Обеспокоенному ослаблением своих позиций эфиопскому духовенству не составило большого труда поднять сопротивление за истинную веру отцов, в результате чего португальцы были изгнаны из страны.

В то время, как наиболее просвещенные правители Эфиопии в частности император Теодрос II (1855-1868), стремились к контактам с христианскими державами Европы в надежде воспользоваться их достижениями для модернизации страны, эфиопское общество отвергало все новое, что приходило в Эфиопию из внешнего мира. Немногие европейцы, сумевшие достичь Эфиопии, рассматривались как носители вредных идей и мысли, способных только принести вред богобоязненным эфиопам, которые соотносили свои поступки с деяниями отцов и дедов.

Эфиопам удалось избежать европейского колониализма, значит и расового притеснения. Они встречались с белыми европейцами на земле своего независимого государства, видели, как с каким почтением они относились к императору и другим официальным лицам. А потом, разве не победе при Адуа над европейцами обязана страна своей независимостью? Следует отметить, что именно после итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. в Эфиопии заметно понизился престиж человека белой расы.

Об неуважительном отношении эфиопов к европейцам неоднократно упоминалось в донесениях русских дипломатов из Аддис-Абебы.

1. Примером может служить донесение временного поверен-
ной России в Эфиопии С.А.Лихачева от 17 декабря 1906 г.: «Сего
дня, при выезде моем из ограды временно вверенной мне
здешней, при проезде брода через р. Кабаны, проезжавший тут
чужеземца низменного происхождения, пропустив меня с конво-
йом, произнес классическое, столь часто здесь повторяю-
щееся, туземное бранное слово «Уша фаренджи» (собаки ино-
странные).

Собой разумеется, нельзя оставлять здесь безнаказанно
туземной дерзости, этого не допускает европейский
законодатель, но преследовать виновных, в большинстве случаев
принадлежащих к низшему классу, слишком строгими
наказаниями я считаю делом довольно жестоким. Виноват не
сам преступник, а безответственный при наказании туземный крестьянин
получает, нет; виноваты его начальники, которые не сумели
наказать неуважение к европейцу и подчас, даже наоборот,
питают в нем расовую ненависть. Не ударами курбачей
(и бегемотовой кожи), не кандалами и тюрьмой можем мы
наказать к себе если не любовь, то по крайней мере уважение
чужеземца. Единственно рядом правильно проведенных реформ в
стране, из которых низшее туземное население извлечет выгоды
идет из того почти рабского положения, в котором оно
находилось теперь по отношению своих начальников, можно рас-
считывать добиться изменения взгляда туземца на европейца».¹⁰
Обращаясь к эфиопоцентризму, как к явлению в целом, не-
возможно отметить, что с начала эфиопской революции 1974 г.
неизбежный процесс его размывания. Такой исход был
предопределен ликвидацией феодальной монархии, подрывом
авторитета христианской церкви, хранительницы традиций, а
также окончанием гегемонии амхара в эфиопском обществе.
Перед народом Эфиопии стоят сложные проблемы и
любование уникальным и героическим прошлым страны не
способствует поиску путей их решения.

1. Ю. Крачковский. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955.

Ludolf. *Historia Aethiopiae, sive brevis et succinta descriptio Reonum
et Aethiopicorum quod vulgo male, Presbyteri Yohannis vocatur*. Francofurti ad
Moen. 1681.

2. Levine. On the Conceptions of Time and Space in the Amhara World
// *Atti del Congresso Internazionale di Studi Etiopici*. Roma, 1960, p.

3. Гельма Дэреса. История Эфиопии в XIV веке. Аддис-Абеба, 1959
(Ленинский календарь), (на амхарском языке), с. 7.

⁵ D. Levine. Greater Ethiopia. The Evolution of a Multiethnic Society. Chicago and London, 1974, p. 13.

⁶ К. Арнольди. Военные очерки Абиссинии. Спб., 1907, с. 114.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по: D. Levine. Greater Ethiopia, p. 13.

⁹ R. Greenfield. Ethiopia. A New Political History. L., 1965, p. 120.

¹⁰ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 164, л

* * *

In his paper professor Tsyppkin points out some typical views of Ethiopians on themselves and outlandish world. The author argues that these views connected with some historical peculiarities (statehood, deep (from IV c. AD) Christian tradition, long tradition of sovereign state, isolation from outer world due to Islamic encirclement etc) could be defined as Ethiopocentrism.

ИДЕОЛОГИ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО РАСИЗМА

Н.Г. Щербаков
(г. Москва)

Не будет преувеличением считать тему формирования национальных представлений у разных народов основной в работе Б. Давидсона. И как исследователя, и как участника этого процесса его всегда интересуют закономерности — скрытые, неочевидные, классические законы, на основе которых формируются понимание или непонимание друг друга у разных традиций, культуры, этнического происхождения.

Полезно вспомнить, что учителем А.Б. Давидсона был из основоположников отечественной «имагологии» Н.А. Феев.¹ Важной заслугой обоих является то, что поиск имиджей складывания «национального образа», имиджа начинался тогда, когда само понятие «имидж» приходилось переводить и объяснять.

И тогда, и сейчас решающим условием формирования национального самосознания и представлений о других народах была свобода от догм, предвзятых представлений, псевдонаучных концепций. Чемпионом по концентрации подобных чувственных представлений была и остается теория расового происхождения, национализм.

Как известно, начиная с середины XVIII в. понятие расизма непрерывно трансформировались и обновлялись. В

зегодняшнего дня так и не выработано устойчивого определения понятия расизм.³ Положение усугубляется тем, что стольдая сейчас политкорректность препятствует самому изучению понятий раса, расизм, лежащих в основе любых национальных предубеждений.

В условиях отсутствия твердых критериев попытаемся проллизировать отдельные явления современной отечественной ории и понять, каким образом можно было бы характеризовать отечественный национализм и пути его воздействия на ременной российское общество.

Для этой цели очень показательным может быть использование материалов печатных СМИ. Приводимые в сносках газетные курнальные статьи — часть массива из приблизительно ста териалов, опубликованных в период 1996-1999 гг. Представится, что именно материалы СМИ наиболее полно отражают троения российского общественного мнения в такой области, межнациональные отношения. И эти же материалы постоянно воздействуют на общественное мнение, формируют его зпочтения и недовольства в отношении народов далеких и зских, взаимные этнические представления.

Наиболее полно в сравнении с другими отечественными исследователями определил расизм и расовые предрассудки С.Кон,⁴ но за прошедшие с этого момента три с половиной атилетия данное явление претерпело важные принципиальные изменения. Из явления социальной психологии, каким его ссматривал И.С.Кон, отечественный расизм или психология циональной нетерпимости стал явлением повседневной жизни. е без исключения исследователи отмечают реальную или тенциальную опасность повседневного расизма или (еще одно учное определение расизма) — этноцентризма. Попробуем оследить наличие такой опасности.⁵

События последних лет рассекли огромную территорию раны и создали ситуацию, никогда не прогнозировавшуюся нее исследователями межнациональных отношений. Так зываемая титульная нация — русские — оказались в положении условного, а чаще — реального этнического меньшинства в гионах, где на протяжении жизни нескольких поколений сские имели неоспоримое преимущество во всех сферах изни именно благодаря своей этнической принадлежности.⁶

За три волны эмиграции за пределами СССР скопилось 0,9% населения страны. Распад Союза создал в кратчайшие сроки дну из самых крупных диаспор в сравнении с населением торической родины — за пределами России находится теперь

каждый шестой русскоговорящий. Для сравнения: самая численная диаспора мира — китайская, но за пределами вместе с Тайванем находится всего 1,7% этнических китайцев.

Жители России или «россияне», как их мгновенно стали политики новой формации, обрели за резко простирающимися границами неожиданных иностранных соседей, что составлявших «новую историческую общность — соотечественники». Процесс формирования (точнее-переформирования) представлений стремительно политизировался. От гандистов и партийных идеологов национальные отношения перешли в ведение журналистов и политологов, чаще руководствующихся соображениями даже не политической, а экономической конъюнктуры. Еще одной новой силой, ставшей за осмысление и регулирование национальных отношений стали различные политические партии. Чаще всего это был национализм того или иного толка и обеспечивал рост популярности общественно-политических группировок и их положение политических партий, претендующих на участие в местном самоуправлении, а подчас, как в случае с ЛДПР, и в государственное строительство. Предшествующий длительный путь становления отечественной школы изучения национальных и партийно-государственного противодействия ему и его ключевых моментов.

Подготовка и реализация на практике революционной программы «О праве наций на самоопределение» — предмет отдельного исследования. Прямым продолжением этого неслучайного и противоречивого документа, во многом вторичного, созданного для противодействия известным правам Вудро Вильсона, сформулированным в его т.н. «14 пунктах», стала советская государственная практика, с 1932г. определявшая наличие или отсутствие большого или малого национальности в паспорте. Не менее важное вплоть до сегодняшнего дня значение имеет и сложившаяся накануне, в годы и сразу после войны практика официального «назначения» целых народов целых народов ответственными за подлинные или мнимые преступления. Своеобразным продолжением линии на упразднение отдельных национальностей в административном порядке стало принятие программы КПСС в 1961 г., предусматривавшей «полное единство наций, стирание национальных различий». Значительный интерес представляет также официальное участие СССР и России в процессе выработки и принятия различных международно-правовых документов, в том числе в ООН, направленных на борьбу с расизмом и ксенофобией. Наряду

довательной антирасистской позицией СССР на международной арене — отсутствие каких бы то ни было сомнений в новизне репрессий по национальному признаку внутри страны, создание официальных списков наций и народностей Института этнографии⁷, введение института вторых старей при национальных партийных руководителях в союзных республиках, процентная норма при приеме на учебу и работу. Интересно, что при всех мозаичных переменных в структуре советских общественных организаций, находившихся под патронажем отделов ЦК КПСС, со времени советско-польского идеологического конфликта сохранялся в латентном состоянии т.н. «Славянский Комитет», десятилетиями не проявлявший никакой деятельности, имевший в штате одного технического сотрудника, но сохраняемый на всякий случай.

Столь богатый и длительный опыт партийно-государственного маневрирования и неявного манипулирования общественным мнением в области национальных отношений, как это ни парадоксально, оказался почти полностью не востребован в современных условиях. Удивительно, поскольку многие из разработчиков и исполнителей прежней национальной политики просто вписались в современную политико-административную систему.

Во-первых, можно выделить лишь двух прямых наследников упомянутого огромного и всестороннего опыта, завоевавших те же позиции в современных российских условиях.

Во-первых, это инициированное в конце 70-х годов КГБ и партийным руководством страны общество «Память»⁸, которое уверенно отказалось от патриотических реставрационных и этнологологических начинаний и быстро перешло к наступательной политике пропаганды «государственного патриотизма», превратившегося в национализм. «Память» заняла наиболее значительную националистическую позицию на самом важном этапе, самым фактом своего существования помогая размежеваться в творческих союзах и некоторых молодых общественно-политических объединениях.⁹ По мере роста популярности этих политических сил и, в первую очередь, ЛДПР, «Память» оказалась гораздо более прагматичным делом, вступив в борьбу за конкретные депутатские или экономические возможности.¹⁰

Во-вторых, можно предположить, что прежний советский опыт сотрудничества с официальными выразителями общественного мнения «Советским комитетом защиты евреев» и рядом разрешенных общественных еврейских организаций лег в основу вначале робких, а потом все более отчетливых

националистических программ (внутренней и внешней политики) В.Жириновского, человека-партии.¹¹

Падение популярности его партии в последнее время — признак инфляции программных требований, основанных на принципах крайнего национализма. Просто рядом с ЛДПР активно действуют гораздо более радикальные политические силы, которые более привлекательны в глазах отечественных националистов.

Среди организованных патриотов следует отметить «реформированную» КПСС, члены руководства которой улавливают настроения общественного мнения и небезуспешно пытаются возглавить его.¹²

Наряду с уже поднадоевшим известным мировым заголовком «Руководство партии осознало новую опасность — «оппозицию Нерусь»»¹³ это понятие, как представляется руководству партии, не просто продолжение «безродных космополитов», оно более полно отвечает современному моменту и менее уязвимо с точки зрения критики из-за рубежа.

Как это часто случается с идеологическими течениями, имеющими глубокие корни в общественном сознании, последнее событие — «весеннее наступление» отечественных националистов в 1998 году¹⁴ — выявило ряд важных закономерностей в развитии партии националистических устремлений российского общества.

Бытовой, повседневный национализм устойчиво молчаливо процветает в избирательных кампаниях афро-азиатов в Москве (так и не расследованное в основном принимали участие 15-17-летние. Именно к этому сегменту апеллируют наиболее одиозные «официальные» националисты — губернатор Кондратенко (обращение к съезду патриотического союза молодежи Кубани в марте 1998 г.¹⁵), лидер национал-большевиков Э.Лимонов, главный идеолог «Русского национального единства» В. Баркашов. В своем выступлении на встрече с соотечественниками в посольстве США в Москве¹⁶ отмечало, что искать защиты от нападения скинхедов следует прежде всего у людей старшего поколения. Если отечественную прессу интересовало то, кого бы из иностранных наблюдателей прежде всего отметили, что виновники совершают молодые люди, не декларирующие принадлежность к какой-либо партии или организации, националисты.¹⁷ Эти же события дали толчок рассуждениям о перестройке в настроениях националистов: объект ненависти, «черные» перестали быть только этническими иностранцами. На первое место среди ненавидящих все устойчивее выходят собственные «черные» — «чукчи», «азеры», «даги» и т.д.¹⁸ Последу

ытия на рынках Москвы (и не только Москвы), разгул мили-ского произвола в отношении вначале торговцев, а потом в ошении т.н. нарушителей правил регистрации¹⁹, — классиче-е подтверждение давно сложившейся закономерности.

В сфере межнациональных отношений в полиэтническом дестве любая непоследовательность, половинчатость, а уж более нарушение или попустительство со стороны офици-ной власти мгновенно воспринимается как сигнал вседозво-ности со стороны общественного мнения, очень глубоко действует на него. После совершенной оплошности власти ходится идти на поводу у общественного мнения, поскольку ело включается всегда присутствующее в общественном нии коллективное бессознательное — дремлющие силы сения и неприятия всего чужого, инородного, инонациональ-о.²⁰

Уже осенью того же года руководство Министерства юсти- начало рассуждать о необходимости не просто юридической видации экстремистских организаций, но о законодательном рете их деятельности, т.е. о законодательном препятствова- : распространению определенной идеологии.²¹ Необходимо тывать, что такие законодательные инициативы прежде всего жны компенсировать недостатки в «противодействии разжи- ию национальной, расовой и социальной розни».²² Таким азом, политический экстремизм трактуется прежде всего как ремизм в области межнациональных отношений. Но это- ход теоретический, а практическое отношение к национали- ческой пропаганде со стороны официальных властей чаще го выражается в том, что к представителям экстремистских ионалистических организаций в лучшем случае применяется ловное наказание за мелкое хулиганство.²³ В качестве иллю- ации реального отношения местных и федеральных властей к ровенно фашистской партии Русское национальное Единство (Е) можно упомянуть стремление использовать активистов Э в качестве народных дружинников, поощрение историко- ионалистических мероприятий РНЕ.²⁴ Огромное воздействие общественное мнение имеет то обстоятельство, что в дейст- х РНЕ и подобных организаций власти, в т. ч. судебная, как вило не усматривают националистической подоплеки, тем ым игнорируя Конституцию.²⁵

Немалый вред робким попыткам противодействия национа- му наносит псевдонаучная терминология, используемая И — этнизм, этноцид и т.д.²⁶ Дорого обходятся и ставшие вычными определения, поначалу выдававшиеся за неудачные

оговорки: «неславянский тип лица», ЛКН (лица кавказской национальности).²⁷ В этом отечественные журналисты и теоретики вполне сравнимы с научными консультантами НАТО, которые разработали для межнациональных сил в Косово особую памятку, где делается достаточно парадоксальный вывод: «все славяне неконфликтны и признают законную власть».²⁸

Большое значение для укоренения в общественном сознании расовой непримиримости, великодержавия, ксенофобских предубеждений имеют и постоянные попытки центральной и местной власти объявить мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья или просто из соседнего региона нежелательными элементами, ответственными за напряженность и в экономике, и в обществе в целом.²⁹

Долгие годы ревнители расового равенства негодовали по поводу абсурдности проверок на расовую чистоту, которые проводили в Южной Африке государственные чиновники — через определение курчавости волос, цвета кожи, формы черепа. Хочется верить, что не существует официальных критериев, по которым наши чиновники и милиция вычлняют нежелательных в культурно-этническом отношении пришельцев и заставляют их предъявлять документы. Но чем, как не антропологическими особенностями призван руководствоваться милиционер при проверке паспортов? На этом уровне и формируются расовая предубежденность, представления о полноценных и второсортных расах.³⁰

В своих опасениях, в своем неприятии пришлых и, как правило, этнически отличных от нас, наше общество не оригинально. Этнические предубеждения усиливаются и в соседних европейских державах, и в целом в мире, несмотря на всю политкорректность и законопослушание³¹. У соседей, правда, гораздо отчетливее представления о том, что без мигрантов невозможно сохранить и уж тем более ускорить темпы социально-экономического развития. Невозможно восполнить нехватку рабочей силы в «стареющих» странах. Далекое от понимания этого — поддерживают новые националистические партии. Понимающие неизбежность и пользу сосуществования, взаимообогащения и принимающие сопутствующие этому издержки — с тревогой следят за повторением их ошибок в России³².

Общепризнано, что в Отечестве в настоящее время наряду глубокими переменами в экономике происходит и серьезное обновление политического истеблишмента, к руководству обществом приходят сравнительно молодые силы со свое

сторической памятью. Общественное мнение все в большей степени становится выразителем воли молодого поколения. От того, какие ценности поколение отцов и средства массовой информации внедряют в общественное сознание будет зависеть моральное здоровье общества, национальное самосознание³³.

С сожалением приходится констатировать, что в деле формирования основных принципов межнациональных отношений российское общество находится в крайне тревожном положении. Несмотря на появление целого ряда специальных государственных и ли полугосударственных органов, призванных гарантировать права различных народов и личности, в российском общественном мнении все активнее укореняются представления об исключительности отдельных народов, прежде всего, — русско-славянских, шире — славянских.³⁴ Об их избранности, в т. ч. в силу религиозно-конфессиональной принадлежности.³⁵ Логично ожидать по крайней мере недовольной реакции части российского общества, по той или иной категории не относящейся к «наиболее равной» нации, что уже и происходит в некоторых регионах, например, на Северном Кавказе, в Татарстане, Калмыкии. К этой реакции следует отнести и стремление пересмотреть оценки некоторых исторических событий прошлого, в частности, процесс противостояния татаро-монгольскому завоеванию.³⁶

Наметившиеся в последние годы направления развития государственной политики — реальной, а не декларативной — в сфере формирования межнациональных отношений не дают, к сожалению, оснований надеяться на то, что новое поколение отечественных политиков будет избавлено от расистских, ксенофобских предрассудков.

¹ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. М., Наука, 1973

² Ерофеев Н.А. Что такое история. М., Наука, 1978

³ Ст. Сергеев. Почему люди воюют // Огонек.-1998.-23

⁴ И.Кон. Психология предрассудка// Новый мир.-1966.-№ 9

⁵ Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. Минск: Харвест, 1998. (Примечательно, что статья И. С. Кона опубликована в качестве главного материала пятисотстраничного сборника.)

⁶ М.Чулаки. Союз нерушимый республик российских // Известия. - 1 июля 1999; Л. Оников. Трагедия русских // Независимая газета. — 19 мая 1988; Н. Кондрашин. Обречена ли русская нация на вымирание? // Независимая газета. — приложение « НГ-сценарии ». — 1998., № 4; стратегия развития диаспоры // Независимая газета. приложение НГ-дружество.-1998.№ 5; А. Фирсов. По ком звонят колокола истории.// культура.-19-25 авг.1999

⁷ В.Тишков. Национальности и паспорт // Известия.- 1998.-№ 210

⁸ А.Яковлев. Российских фашистов породил КГБ // Известия № 108

⁹ Политический экстремизм в России. М., Ин-т экспериментальной социологии, 1996, раздел «Справки на организации»

¹⁰ О.Пестерева. Лидер «Памяти» тоже хочет в мэры // Коммерсант 15 окт.1999; Лидер «Памяти» хочет еще и в Думу // Известия 15 окт.1999

¹¹ Политический экстремизм в России. М., Ин-т экспериментальной социологии, 1996, раздел «Биографии»

¹² И.Коломийцев. Обнял Кубань Кондрат...// Независимая газета приложение «НГ-регионы», 1998.-№ 12; А. Головков, А. Шаповалов. «Патриоты» в отечественном политическом спектре // Независимая газета.-15 окт.1998; Г.Цитриняк. Нацмент // Новая газета.-15 апр.1998

¹³ В.Костюковский. Ненависть у креста примирения // Известия 15 марта 1997

¹⁴ В.Лихачев. Расистский террор на улицах Москвы // Русская мысль. — 14-20 апр.1998; Д.Филимонов. Дружба народов до последней капли крови // Известия.-16 мая 1998; Г.Александров. Угрозы нацмент вызвали панику на улицах Москвы // Независимая газета.-15 апр.1998

¹⁵ Г.Цитриняк. Нацмент // Новая газета. — 20-26 апр.1998

¹⁶ Trevor Grunn. Security Situation Report for Moscow Visit // American Embassy.-1998.-dec.

¹⁷ Nick Allen. Embassies Warn Asians, Africans of Attacks // Moscow Times.-24.04.1998; М.Гохман. Займется ли молодежь политикой // Русская мысль.-7-13 марта 1996

¹⁸ Закрылась общественная приемная комитета «Гражданское движение» // Общая газета.-2026 июня 1998

¹⁹ А.Политковская. Очередные показательные выступления московского РУОПа // Общая газета.-20-26 июня 1998; А. Политковская. Расизм над Россией // Общая газета.-1997.-№ 13

²⁰ А.Асмолов. Сезон фанатиков // Новая газета.-5 сент.1999

²¹ А.Камакин. Павел Крашенинников: В России нет цельного авторитарного экстремистского законодательства // Независимая газета.-15 ок.1998; Камакин. Минюст займется расчисткой политического поля // Независимая газета.-21 мая 1999

²² В.Выжурович. Получит ли фашизм лицензию? // Известия.-20 мая 1998

²³ А.Грачев. Бритоголовых судили за убийство, а не за «политику» // Новая газета.-25-31 мая 1998; В.Шумилин. Изгнание свастики из бытия // Общая газета.-11-17 марта 1999; М.Хазин. Еще одна попытка оставить фашизм // Известия.-1 июля 1997; И.Медовой. Искусство громко портить воздух на публике // Общая газета.-15-21 окт.1999

²⁴ Д.Якушев. «Русский порядок» в Салтыковке // Новая газета. — 14 авг.1998; И. Самахова. Крестовые войны // Общая газета.-15 апр.1999

²⁵ М.Глинкин, К. Ремнева. Простой русский эсэсовец, по гороскопу «Весы» // Общая газета.-22-28 апр.1999

⁶ А.Пименов. Фашизм снимает камуфляж // Новая газета.-28 июня-4 июля 1999; Р.Рахматуллин. Сумма против русофобов// Независимая газета.-28 февр.1998; Т.Земскова. Подполье // Совершенно секретно.-1998.-№ 8; Русско-украинский договор- обман века // Независимая газета.-26 янв.1999

⁷ Э.Хан-Пира. А кто у нас там с неславянским лицом? // Общая газета.-20-26 февр.1997

⁸ Г.Сысоев. Памятка миртворцу // Коммерсантъ.-24 июня 1999

⁹ А.Камакин. Т.Регент: Я критикую себя больше, чем любой журналист // Независимая газета. Приложение НГ «Регионы».-1998.- № 8

⁰ А.Каганайте. Московская особая // Новая газета.-11-17 янв.1999

¹ В.Димарский.Кто там шагает левой? Правой, правой, правой!// Новая газета.-11 марта 1997

² Д.Драгунский. Афрокитайская Европа // Итоги.-10 марта 1998

³ С.Добрынина. Зловещая тень свастики //Независимая газета. — Приложение НГ-регионы.-1998.-№ 9; А. Грачев. Молчание — знак // Новая газета.-2-8 февр.1998

⁴ Ю.Шевцов. Чтобы выжить белорусам необходимо воссоединиться с Россией // Новая газета. — 2-8 июня 1998; И. Кондрашин. Обречена ли русская земля на вымирание? // Независимая газета, приложение «НГ-регионы». — 1998.- № 4

⁵ В.Каждая. Как делают антисемитов // Еврейская газета.-1999.-№ 1

⁶ Б.Бронштейн. Книга «Убить империю!» попала в переплет // Издания.-11 сент.1997

The author tries to demonstrate, that the basis of modern racist ideology in Russia is the sense of impunity for some xenophobia's manifestations and short-sighted state policy, which does not prevent racist tendencies in some public and political organisations, part of mass-media and some creative circles.

«РАСИЗМ ПО-РУССКИ»? АФРИКАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В СССР В 1960 г.

С. В. Мазов
(г. Москва)

Драматические события последнего десятилетия — распад СССР, войны в Чечне, рост сепаратистских настроений в постсоветской России, этнополитические конфликты в СНГ — навели коренным образом пересмотреть наши представления о национальных отношениях. Пока этот процесс не затронул первый вопрос. Его существование в нашей стране отрицалось

в эпоху советского официального интернационализма, не считаясь с тем, что он актуален и в сегодняшней России, когда в мире чаще звучат голоса о том, что расизм (как «белый» так и «черный») является одной из наиболее трудноразрешимых проблем, с которой человечество войдет в грядущее столетие.

Взять хотя бы отечественные публикации о конфликтах расовой почве. В лучшем случае это немного сочувственные статьи, написанные на основе интервью с живущими в России африканцами, которые рассказывают о своих проблемах. Проблемы эти известны: произвол и вымогательство милиции, нападения бритоголовых молодчиков и просто хулиганствующих подростков, пренебрежительное отношение в магазинах, косые взгляды на улице и в общественном транспорте, оскорбительные обывательские стереотипы вроде: «негры ходят голыми и живут на пальмах». Большинство же журналистов больше интересуют не африканцы, а проблемы, которые они создают российским властям. Чаще всего герои телерепортажей и публикаций об африканцах в России — это наркоторговцы, беженцы, нелегалы, заключенные. Вольно или невольно создается образ тотально криминализованной и вредоносной общности.

Все это происходит на фоне ухода России из Африки под давлением о том, что она нас «объедала» и «обирала», а нарабатанный десятилетиями капитал симпатий и признательности африканцев к нашей стране быстро тает.

Исследователь, который задается целью объективно разобраться в положении африканских студентов в СССР на основе опубликованных материалов, окажется в затруднительном положении. Это была одна из горячих тем в идеологической конфронтации между участниками холодной войны, которые освещали ее с предельно политизированных позиций. Советская пропаганда последовательно создавала образ студента-африканца, который пытливо овладевает знаниями, хорошо материально обеспечен, не знает что такое расовая дискриминация, восхищен достижениями страны Советов и благодарен ей за заботу. С не меньшим упорством западные средства массовой информации изображали жизнь африканцев сплошным кошмаром: постоянные проявления расизма, плохие материальные и жилищные условия, «промывка мозгов» марксизмом-ленинизмом, преследования за нелояльность к советскому строю, слежка и провокации спецслужб.

Я обнаружил в Центре хранения современной документации до недавних пор секретные документы, где содержится предназначенная для ЦК КПСС разносторонняя и достоверная инфор-

ия об учившихся в СССР иностранных студентах, в том и из Африки. Они позволяют воссоздать объективную и рамную картину жизни африканских студентов в Советском зе, их взаимоотношения с советскими сверстниками и тными инстанциями.

расовая проблема в России всегда была политической, даже а этой проблемы не существовало. Для огромного большин- советских людей африканец, как и иностранец вообще, не реальным лицом, отношение к которому складывается в льтате непосредственного контакта. Образ темнокожего странца формировался литературой и пропагандой. В совет- и литературе 1920-50-х годов «иностранец-чужой» — это да белый и часто толстый (в книгах для детей) мужчина. чно он житель Западной Европы или Америки, всегда осовый враг-угнетатель, наделенный лишь такими человече- ми качествами, которые позволяют считать его «буржум». аза плохого черного в советской литературе этого периода, а до изобретения политкорректности было еще очень дале- зы не найдете. Темный цвет кожи — это гарантия положи- ности. Черный иностранец — это «иностранец-свой», соци- о близкий и наделенный всяческими достоинствами. А если аходится в Советском Союзе, то уже свой в доску, платящий тским людям за любовь и сочувствие той же монетой. Хотя вствие было патерналистским, но все же искренним.¹ При- те к этому образ африканца, который тиражировали совет- СМИ — простодушного, добродетельного и бескорыстного а против колониализма и империализма — и вы получите аставление о том, чего ждал от учившихся в Советском зе африканцев обычный советский человек.

ервое массовое появление африканцев в СССР произошло ремя VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, одившего в Москве летом 1957 г. Тогда они были диковин- и гостями с далекого и загадочного континента и пользова- всеобщим вниманием и расположением. По данным Мини- ства высшего и среднего специального образования на варя 1961 г. в Советском Союзе училось 527 (в том числе — в Москве) студентов из Африки южнее Сахары.² В отли- от гостей фестиваля они влились в будничную жизнь и пывали на себе не только положительные эмоции окру- щих.

7 марта 1960 г. Исполком организации «Союза студентов из юй Африки в СССР» направил на имя тогдашнего советско- идера Н.С. Хрущева письмо, где, в частности, говорилось:

«Нам кажется, что для энергичного предотвращения явления, которые нам бы не хотелось называть «расовой дискриминацией», правительству этой страны следует принять меры по недопущению повторения инцидентов, которые угрожают будущим наших отношений. <...> Подобно многим африканским студентам в других частях земного шара, мы приехали в эту страну учиться, а не как беженцы. Поэтому мы вправе ожидать к себе нормального человеческого отношения, на которое мы рассчитываем каждый гражданин этой страны».³

Пафос письма не соответствовал приведенным в нем фактам о «расовой дискриминации». На самом деле речь шла о мелких бытовых инцидентах, наиболее серьезным из которых было «избиение русскими студентами в здании МГУ студента Сомали только за то, что он танцевал с русской девушкой». Несколько высокопоставленных комиссий занимавшихся проверкой письма установили, что имело место не избиение сомалийского студента, а драка между ним и советским студентом, которую спровоцировал сомалиец, прилюдно плюнув в лицо русской девушке на вечере в МГУ за то, что она отказалась с ним танцевать.⁵

Более серьезные эксцессы происходили в провинции. В октябре 1960 г. начальник Политуправления Туркестанского военного округа генерал-майор Н.С.Демин сообщил в ЦК Компартии Киргизии и своему непосредственному начальнику генералу армии Ф.И.Голикову о «недостойном поведении и хулиганских выходках» по отношению к курсантам из Гвинеи, которые обучались на Центральных курсах по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров Министерства обороны в г. Фрунзе. Там на гвинейцев, появлявшихся в общественных местах с местными девушками, совершались немотивированные нападения, один курсант был ранен ножом. Нападавший был задержан и привлечен к уголовной ответственности, но его обходилось без крови (обычно девушкам «советовали» с «чужими» больше не встречаться, а у гвинейцев отбирали деньги, то милиция не вмешивалась. Больше того, как писал Демин «милиционеры, дружинники, комсомольские активисты в глазах у жителей города задерживали девушек, беседовавших с гвинейцами».⁶

Помимо проявлений расизма на бытовой почве происходили недоразумения, порожденные незнанием элементарных вещей психологии, обычаях, верованиях африканцев. Демин сообщил, что «комсомольский пост г. Фрунзе выпустил номер сатирической газеты, где на первом плане среди пьяной компании был

ищены два гвинейских слушателя (хотя известно, что негры ртные напитки не употребляют). Несмотря на неоднократные събы представителей командования летной школы снять ту, она долгое время висела на стенде в городе». Получаь, что начальник Политуправления, органа для работы с ным составом, признавший, что «отдельные работники одской милиции ущемляют чувство национального достоина гвинейских курсантов», не знал, что не пьют они не потому «негры», а потому что мусульмане.⁷

Незнание, конечно, было обоюдным. Африканцам было немек, что нормальные по привычной им шкале ценностей и ческим нормам поступки могли вызвать раздражение, а то и в советских людей. Демин считал главной задачей политраников «усилить воспитательную работу с иностранными шателями, разъяснить им советскую национальную политику, мы поведения в городе, принципы социалистической морали оветского законодательства».⁸

То, что происходило с африканцами и в Москве и во Фрунзе, свидетельствовало о том, что в СССР существовал расизм с им-то национальным окрасом. Бытовой расизм, особенно на ве взаимоотношения полов, эксцессы из-за взаимного непонания — это универсальные издержки начала контактного имодействия разных цивилизаций.

Интересной и показательной была реакция должностных лиц, ырым ЦК поручил расследовать инциденты с участием африцев. По письму Союза студентов Черной Африки в СССР в поступило два обстоятельных доклада. Первый был подпиет секретарем Московского Горкома КПСС В.И. Устиновым и нистром высшего и среднего образования В.П. Елютиным, рой — председателем КГБ А.Н.Шелепиным. После того как ия донесения Демина была направлена в ЦК, туда послал иску и первый секретарь ЦК Компартии Киргизии И.Разюв.

Все они были согласны в том, что никакого расизма в стране летарского интернационализма нет и быть не может, а главеве виновники случившегося — агенты иностранных спецслужб лассово чуждые элементы среди африканских студентов.

По версии КГБ, председатель исполкома Союза студентов рной Африки в СССР студент из Гвинеи Кхила Дийс только писал письмо, а его истинными авторами, докладывал Шелев, являлись «студенты-негры, <...> подозреваемые в причастсти к иностранным разведорганам. Все они враждебно отно-

сятся к Советскому Союзу, неоднократно подстрекали других студентов из африканских стран к провокационным действиям.

Устинов и Елютин тоже считали письмо провокацией и общали, что инцидент в МГУ «определенные лица пытались использовать для дискредитации национальной политики Советского Союза и мер по привлечению на учебу в СССР студентов из африканских стран, о чем свидетельствует факт передачи копии письма одному из корреспондентов американского телеграфного агентства (передача этого документа за границу была задержана цензурой)».¹⁰

Раззаков, признав «единичные случаи <...> недружественные отношения и хулиганских выпадов по отношению к гвинейским курсантам», счел необходимым информировать, «что некоторые слушатели летной школы из числа иностранцев в общении с советской молодежью ведут себя развязно и недостойно, оказывают вредное влияние на отсталую ее часть, вследствие чего имеют место случаи, когда молодые девушки становятся на путь разврата и ведут паразитический образ жизни».¹¹

Не отставала от высоких начальников и администрация МГУ, которая считала, что среди африканских студентов есть лица с неподобающим для студентов советских вузов социальным положением и моральным обликом. Начальник иностранного отдела университета Б.С.Никифоров писал в Министерстве иностранных дел: «На наш взгляд подбор некоторых студентов на учебу в Московский университет из стран Африки неудачен. Некоторые из этих студентов, выходцы из феодальной и купеческой знати своей страны, приезжали в Советский Союз не непосредственно из своих стран, а из стран Западной Европы, Америки, где они учились в различных учебных заведениях, значительной степени развращены буржуазными нравами». Никифорова насторожили такие сведения о некоторых студентах из Африки, как «постоянный контакт с английским и американским посольствами», служба в военно-морском флоте Канады и т.п.¹²

Все это можно было бы считать нормальной реакцией бюрократов, заботящихся прежде всего о чести мундира и благополучии собственного ведомства, если бы не ... цвет кожи этих вражеских агентов и классово чуждых элементов. Совершенно секретные записки в ЦК — это, конечно, не тот жанр, где блюдаются пропагандистские клише, но все равно контраст массовым образом африканцев разителен. Перечисленные вышестоящие должностные лица, практики и реалисты, отнесли часть африканцев к иностранцам-«чужим», которые в советских книгах

были богатеями или шпионами, т.е. оценивали их с позитивного подхода, что было нормальным для советского митета и политической культуры. При всех издержках подхода в нем не было ничего от идентификации по расопризнаку. Если раньше черный цвет кожи был признаком «», то теперь африканцев уравнивали с белой и другими, тоже делили их по личностным качествам и материаль-положению на социально близких и чуждых.

советской пропаганде этот подход не находил отражения ет двадцать, а вот в массовом сознании он начал утвер-ся после первых контактов с африканцами. В 1960 г. в распространялись машинописные листки, где про афри-их студентов, в частности, говорилось, что прибыли они из их стран, а живут лучше, чем иные советские студенты, и себя нескромно.¹³ Во Фрунзе таксисты вымогали у гвиней-курсантов дополнительную плату, как у какого-нибудь буржуя, мистера Гвистера.¹⁴

внятые властями меры тоже были весьма показательны. ники драки в МГУ, советский и сомалийский студенты, злись выговорами, а были исключены из советских вузов ально за неуспеваемость) те три студента (угандиец, иец и тоголезец), которых Шелепин назвал в своем докладе в числе «враждебно настроенных к Советскому Союзу» ных авторов письма Хрущеву.¹⁵

1960 г. были разработаны и долгосрочные меры, которые продиктованы стремлением советского руководства выиг-Запада борьбу за умы молодых жителей Африки, ставшей де 1950-х годов новым, и как многим в Кремле казалось, рышным для империализма фронтом «холодной войны».

долгосрочных мерах прослеживаются те же два подхода, ые столкнулись при создании Института Африки в Акаде-наук СССР.¹⁶ Первый подход, научно-прагматический, отражение в секретном постановлении ЦК КПСС от зря 1960 г. «О расширении культурных и общественных и с негритянскими народами Африки и усилении влияния ского Союза на эти народы». Оно, в частности, обязывало стерство высшего и среднего специального образования

совместно с МИД СССР и Президиумом Академии наук определить потребность в кадрах африканистов и органи- стажировку африканистов в учебных заведениях и науч-центрах стран Африки, практикуя также прикомандирова-ажеров к советским посольствам в странах Африки. Обра-

тить особое внимание на изучение стажерами языков суахили, амхарского, хауса и др. Принять меры к расширению контакта обучающихся кадров африканистов в Ленинградском университете и привлечь для работы в этом университете из-за границы соответствующих специалистов по языкам африканских народов;

б) принять меры к налаживанию связей соответствующих советских учебных заведений с университетами и колледжами негритянских стран Африки. Совместно с АН СССР организовать обмен учеными с университетами и колледжами Эфиопии, Гвинеи, Ганы, Либерии, Нигерии, Судана, пригласив в 1960 году группу молодых африканских ученых для длительной работы в Институте Африки». ¹⁷

Понятно, что будь эти планы в полном объеме реализованы, эксцессов на почве взаимного непонимания между отечественными и африканскими студентами было бы значительно меньше.

Вторую линию, политико-идеологическую, олицетворяет документ — секретный приказ министра высшего и среднего специального образования от 30 июня 1960 г. «О воспитательной работе среди студентов и аспирантов, прибывших на обучение в СССР из слаборазвитых в экономическом отношении капиталистических стран» и тоже секретное постановление ЦК КПСС от 3 ноября 1960 г. «О мерах по улучшению работы среди студентов, аспирантов и стажеров стран Азии, Африки, Латинской Америки и некоторых стран Запада, обучающихся в высших учебных заведениях СССР». Их суть выражена в одной фразе второго документа: «ЦК КПСС обязывает партийные, комсомольские, профсоюзные организации и руководителей вузов повседневно заниматься вопросами обучения, воспитания и быта иностранных студентов, аспирантов и стажеров с тем, чтобы они вышли из советских высших учебных заведений не только высококвалифицированными специалистами, но и людьми с прогрессивными взглядами, искренними друзьями Советского Союза». ¹⁸ Приказ и постановление определяли комплекс мер по привитию иностранным студентам, прежде всего из развивающихся стран, коммунистической идеологии по рецептам агитпропа. Эти меры дополнялись материальными льготами: повышенная стипендия, спецсекция одежды в ГУМе, оплата проезда на родину и обратно на время каникул, лучшие комнаты в общежитиях, откуда, бывало, в менее благоустроенные переселялись советских студентов. ¹⁹

Основные принципы советской политикой по отношению к народам из развивающихся стран, изложенные в этих двух документах по сути оставались неизменными до распада СССР. Удобных постановлений и приказов было впоследствии мало, а жизнь шла своим чередом. Одни африканские студенты считались искренними друзьями нашей страны, покидали ее с добрыми чувствами, многие с российскими женами, другие — с плохими чувствами. Так или иначе, выпускники отечественных вузов — это единственный серьезный капитал, который остался в Африке.

Временное состояние расового вопроса в России — особая острая тема. Как и в СССР, у нас сейчас нет никакого национального расизма, ни «по-русски», ни «по-якутски». Есть тот же старый расизм, только в больших масштабах, что вполне естественно, если сравнить жизнь в СССР с теперешней. Появился расизм с идеологической подкладкой. Те же скинхеды — группы идейные и организованные, но серьезной опасности они не представляют. Прогноз относительно массовых представлений — оптимистический. Отечественная (и не только) пресса все время сравнивает нашу страну с Африкой. Если во времена перемены преобладали провокативные эпитеты вроде «СССР — это новая Вольта с ракетами», то теперь серьезные издания некорректно сопоставляют показатели развития России и африканских стран. И по все большему числу параметров сравнение оказывается не в нашу пользу. Так что скоро, наверно, мы начнем любить людей с темным цветом кожи, но уже не патерналистски, а как товарищей по несчастью.

Подробно см.: Мамедова Джамиля. Чужие ходят здесь. Толстяки, иностранцы в детских советских книжках// Книжное обозрение *Ex libris Независимой Газеты*, 19.08.99, с.3.

Подсчитано по: Центр хранения современной документации (далее ЦХСД), ф.5, оп.35, д.180, л.12-77.

Там же, ф.5, оп.35, д.149, л.44.

Там же.

Мазов С.В. Африканские студенты в Москве в Год Африки (по архивным материалам)// «Восток», 1999, №3, с.91-93.

ЦХСД, ф.4, оп.16, д.937, л.102,103.

Там же, л.103.

Там же, л.104.

Там же, ф.5, оп.35, д.149, л.54.

Там же, л.51.

Там же, ф.4, оп.16, д.937, л.108.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф.4, п.1, д.6, л.10-11.

¹³ ЦХСД, ф.5, оп.35, д.149, л.44.

¹⁴ Там же, ф.4, оп.16, д.937, л.107.

¹⁵ Там же, ф.4, оп.16, д.902, л.43-44.

¹⁶ См.: Мазов С.В. Неизвестная история создания Института АН СССР. // «Восток», 1998, №1, с.80-88.

¹⁷ ЦХСД, ф.3, оп.12, д.639, л.75.

¹⁸ Там же, ф.4, оп.16, д.902, л.30.

¹⁹ Мазов С.В. Африканские студенты в Москве ..., с.94-96.

* * *

The author points out, that more than 500 African students studied in the USSR in early sixties. They faced some revealing racism. Soviet officials rejected the facts of racism or explained facts as the acts of foreign («bourgeois») secret services. Africans in the USSR were equal to 'whites' and were divided according to racial distinctions. This approach to Africans in the USSR kept intact up to the USSR's disintegration.

NO GREENER PASTURES AND 'NO HID'IN PLACE:' THE RECEPTIONS OF BLACKS IN EUROPE IN THE MIDDLE AND AT THE END OF THE TWENTIETH CENTURY

Allison Blakely
(USA)

People of black African descent have long viewed Europe with fascination, as a continent of opportunity. You know, of course, that I am an American. I am also certain that many of you know that there is a tradition of black American thinking about Europe in the twentieth century, which has viewed European countries as a place of refuge from the kind of racism which was traditional in the United States. Examples are especially abundant from nineteenth and twentieth-century American history. The former slave Frederick Douglass was only one of several promoting the cause of black liberation who found refuge and financial contributions on European tours. The New York — born Shakespearean actor Ira Aldridge was only one of many artists who gained acceptance and international acclaim in Europe after being thwarted in their careers at home by racism. W.E.B. Du Bois, who would become one of the great intellectuals of the twentieth century, received vital inspiration from his two years of graduate studies in Germany in the 1890s. In the early to mid-twentieth century France would become especially well known as a haven for black American musicians and writers escaping racism: Josephine Baker

Bechet, Richard Wright and James Baldwin are just the best. Richard Wright once wrote of his time in France that, «there is more freedom in one square block of Paris than in all of the United States». Such romantic hopes often ended in disillusionment; but this is how desperate black Americans have been to find some place abroad where they can live like full human beings. Meanwhile, visiting Eastern Europe, the poet Langston Hughes reported that on his visit to Russia in 1932, some of the others in his party of black Americans knelt to kiss the ground upon arrival, so thankful to be in a place which so loudly promised equality. In a similar vein, the great comedian and actor Paul Robeson, whose triumphant European tours stirred up memories of Aldridge's a century earlier, proclaimed of the Soviet Union that it was only there that he felt like a whole man. Does all of this mean that in fact Europe has been a paradise for blacks?

Black Americans have had similarly high expectations about the Netherlands, owing to its established reputation as a land of great freedom — going back as far as the Jewish refugees from religious persecution in medieval Spain and the French Protestants and the African Pilgrim Fathers in the seventeenth century. Black artists and their visitors in the twentieth century brought back to the United States reports of pleasant experiences that reinforced this positive image. When I was preparing for my first extended stay in the Netherlands for research in the early 1970s, I met another black American who had just returned from a year in the Netherlands. When I asked him how he had found it, he smiled and answered that he now no longer wished to go to heaven when he died; he wanted only to return to the Netherlands! I might add that my own first impressions from short visits at the beginning of the 1970s were also idyllic.

It was only after 1975 that I began to notice a distinct change. I would attribute that change to two developments. The first is the sudden appearance of a large, black Surinamer population; and the other was my learning to speak Dutch. I became mistaken for a Surinamer, and I found myself at times experiencing racist behavior which reminded me very much of that I had found at home for much of my life. At home, for example, as late as 1966 I was refused service in a restaurant in the state of Georgia because I was black, even when wearing the uniform of a United States Army officer; and I was refused service in the state of Maryland in the same year. Our racism has become more temperate in the United States by now in the 1990s; we have that toleration of lynching and legalized racial segregation are a thing of the past. However, there are still subtle reminders of that I still find that I can nearly always expect that the seat next to

me on the bus or train will be the last to be occupied by a person; and shop keepers still often become tense and very nervous when I walk into their shops. And it was these latter types of people that I was saddened to discover emerging in the Netherlands.

We have a popular saying in American English which captures this dilemma very well (perhaps someone here can give me an equivalent Russian proverb) The saying states that «the grass always looks greener on the other side of the fence». My being here led me to admit that I was also encountering racism in the Netherlands and this led me to finally understand the full meaning of the view of a black American journalist, Roi Ottley, who after spending time in Europe in the late 1940s had already published a related book, No Green Pastures. It may be instructive for us to revisit his observations now a half century later and on the eve of a new millennium. So I quote for you a few excerpts from Ottley's book. He wrote:

To be sure, tolerance of different races and colors in Europe is a myth. But the Continent (and England) is no racial Utopia; indeed, the case for liberalism abroad has been greatly romanticized. The fact is, beyond earshot, Negro Americans are labeled with terms as «exotic», «musical», «backward» and «oppressed» and described as a «brutish people». But the chief reason why most Negro Americans escape the more nauseating aspects of Europe's prejudice rests squarely upon the fact that they enjoy a unique privilege while abroad. They are glamorous novelties. Moreover, they are infinitesimal in number and therefore never in competition with white men socially or economically. Above all, Negro tourists (and Negro soldiers, singers, dancers, musicians and boxers who often are lionized) are dollar-carrying Americans who benefit by the trade in that the customer is always right.

[Ottley continues]The story is quite a different one for the Continent's home-grown Negroes, who are born, reared, and must make their living in Europe. For white men abroad react to the same racial illusions that feed the vanity of white men in the U.[nited] S.[tates]. The bulk hold tenaciously to a belief in the superiority of the white race and inferiority of the Negro race — though manifestations of this belief rarely are crude, blustering or heavy-handed. But they indulge themselves in blanket racial stereotypes no less degrading to the Negro in Europe than racial segregation is to the Negro in parts of America. For instance, with the exception of an ebony élite, Negroes are described as «primitive» and «savage» and held ill-equipped mentally to do white men's work.....[on the other hand] Negro

Africans never upset the social, economic or religious equilibrium. As Christians and Americans they are products of Western civilization — and, as such, different from Europeans only in the color of skins. And because they are essentially a racially mixed people of their own complexions mostly, Europeans are not inclined to place them in the same racial group as black Africans....[in Europe] they do not live on different sides of the railroad tracks — essentially, differences are based on caste, not color exclusively, as in Africa. The racial equation is one of top hats over tom-toms. But the Negro — by solid achievement, family or wealth — may belong to the upper classes and enjoy their privileges. Crown princes of African tribes and nations are given lavish respect. But this implied liberal tolerance is wholly false, for the white man in Europe cannot pass the final and acid test of racial equality, which of course consists of marriage between the races.¹

I am struck by how relevant some of Ottley's analysis fifty years ago still seems for our situation today. However, it is interesting to note that on the issue of intermarriage, on which he placed so much emphasis, there seems to in fact be much greater acceptance today, both in Europe and America. Can we view this as a sign of great progress, as Ottley implied it would be; and as the eventual solution to the dilemma? It seems to me still too early to answer that question. On the other hand, I do believe that in the central thesis of Ottley's work there lies at least one important lesson that is still valuable for our day. I think he was correct in concluding that for a black man there is perhaps no place of complete refuge from racism. There are certainly no greener pastures for any of us, of any color, when it comes to the sickness called racism. It is in that recognition that I formulated the second part of my paper title, which may not have obvious meaning for many, that is, the phrase «No Hidden Place». This phrase comes from a Negro Christian spiritual song that expresses the need for each of us to live up to our moral responsibilities; that, we risk the wrath of God, fate, or whatever higher power we acknowledge. We should in fact remove all the imaginary fences that separate us and join together in fighting this common threat to civilization. And we each might as well stand and fight where we are rather than hoping for paradise elsewhere.

It seems to me that in relative terms, some European countries probably really still do have fewer problems with their African minorities than the United States; but it is alarming that in some parts of Europe the situation appears to be worsening. In preparing for this occasion, I looked at a recent book by Ted Robert Gurr, a professor of political science at the University of Maryland, entitled Mi-

minorities At Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. In a survey of 233 ethnic and religious minorities (and also submajorities) around the world, he cites the Netherlands and Sweden, in particular, as democracies where non-European immigrants have been incorporated into society with little overt conflict. For the Netherlands he attributes this success to its tradition of power sharing, an earlier *vezuiling* arrangement in politics and culture.² I realize that the relative degree of success may be little comfort to those who face problems that are much greater than Professor Gurr realizes.

In my view we must seek the reasons for the discouraging persistence of racism over the past half century in a combination of historical development during that period. Although most of all of the European empires would end in the twentieth century, they left a permanent mark on the makeup of their respective European societies, as representatives of the various peoples remained in Europe. Again using the Netherlands as an example, since it has been studied more than the larger ones, this shift of population that had begun on a modest scale in the late nineteenth century had produced a population of several thousand new arrivals by the mid-twentieth century. The most dramatic increase of a black population there from former colonies came after 1970, with more than 225,000 emigrants from Suriname and the Netherlands Antilles moving to the Netherlands. The new level of frequent contacts in a new setting this brought has had a profound mutual impact on perceptions and relations between blacks and whites in Dutch society. Now there was even greater pressure on the Dutch to think of blacks as equals. Yet, with the heavy migration of the 1970s racial discrimination became pronounced and persistent within the Netherlands, as the declining economy, rising unemployment and increased strain on limited space and resources fostered in the minorities a growing demand for employment, education, health, welfare, and social services; and in the majority increasing prejudice and discrimination.

Most aspects of this pattern of developments have had their converse counterparts in England, France and Germany as well, with different timing and details, and on a much larger scale in England and France. In the case of England, one motivation in allowing greater migration from the colonies was in support of the economic growth in the post-World War II recovery. A major reason that such a practice did not result in a much larger black population in France, Germany, and the Netherlands is that all these countries chose to satisfy much of their need for cheap labor through bringing in so-called guest workers from Spain, Portugal, Turkey, and Morocco. Germany had fewer colonies, but gained thousands of new black

ation in the twentieth century from offspring resulting from the
inds of black troops stationed in Germany during both postwar
ations and a smaller number through immigration of Africans.
the Second World War the black soldiers occupying were
rily black Americans.

none of the European countries has the emergence of a black
unity occurred comparable to any place in the Americas.
ver, there are some outlines of a comparable culture and similar
ction with the European. For example the Brixton section of
on is viewed by some as similar to urban American ghettos.
has no black ghetto, but has some of the best jazz clubs in the
and at least one excellent soul food cafe. And racial tension and
d incidents between blacks and Europeans occur sporadically
ghout Europe in form and language all too familiar to black
icans. These often arise from conflicts concerning employment,
ng, education, and sexual relations. As a result black conscious-
movements have now arisen in several European countries
ning in the 1980s. Some of the European countries officially
wledge the problems. Germany has been the most resistant in
gard, preferring to deny that there is a German black population
efusing to admit that there is a racial issue.³ Even in those
ean countries where the black population is significant in size,
are few signs of its representation in high level economic or
cal roles. Although about half of Britain's sizeable black popu-
was born there, it was the late 1980s before the first black
ber of Parliament was elected. France too has had black parlia-
members, but from former colonial areas still part of France
id of from France proper.

The one striking example of a European society that cannot be
ibed under the general European pattern in the twentieth century
viet Russia, due to its uniquely isolated nature. One older his-
l reason is that Russia had no vast overseas empires and was not
ved in the African slave trade. Nevertheless, as has been noted,
Soviet era blacks from Africa and the Americas were conspicu-
present from the beginning and had a special significance
g to the emphasis Soviet Marxist ideology placed on oppressed
les and developing nations. As a result blacks in Russia have had
nificance far disproportionate to their small numbers. In the
's several American blacks and Africans were among foreigners
ed to attend special schools established to train Communist Party
rs for various parts of the world. Blacks who went to the Soviet
n for specifically ideological reasons were only a small segment.
went simply out of curiosity or to seek a better life, as, espe-

cially in the late 1920's and 1930's, the Soviet Union played a kind of Mecca of human rights for some and an escape from the Great Depression for others. From the late 1920's and 1930's to the late 1940's the Soviet government attracted thousands of Americans in general with technical skills to Russia. The Soviet government also paid special tribute to American blacks during this period through special awards such as the selection of the novelist Langston Hughes for the Pushkin Prize in 1926. One observer writing on the subject of blacks in Russia in 1932 estimated that several hundred blacks visited Russia since the Revolution.⁴ They came primarily from the United States and the West Indies. Few of these remained permanently. Those who did stay often married Russians and raised families.⁵

Of the hundreds of American blacks who visited Russia, several dozen actually settled. Some left in disillusionment with Soviet life, others simply out of homesickness, or because material conditions had improved in the United States. After World War II blacks continued to enjoy prominence there for ideological reasons. A mountain was named after Paul Robeson.⁶ The Soviet regime supported the Civil Rights movement in the United States and liberation struggles in Black Africa with attention far disproportionate to actual contact between Russians and blacks because of the value of these causes to the Communist efforts at world leadership. In keeping with its commitment to aid developing nations, the Soviet Union hosted thousands of African students in Soviet higher educational institutions beginning in the late 1950s. Some of these students enrolled in programs requiring as long as six years to complete. Some intermarriage with Russians also resulted from this. The result has been a small but constant black population, noticeable at least in large cities up to the present. A native Afro-Soviet journalist in 1992 estimated that there are hundreds of mulattoes in Moscow, and smaller numbers elsewhere who consider themselves Russian blacks.⁷ Despite the fact that law and official ideology prohibited this, some isolated cases of racial tension appeared in the international news media in the 1960s. In the new Russian society too, that is after the dissolution of the Soviet Union, there have been recent indications of a rise in nationalist and racist sentiment similar to that in Germany, France, and England. It is, indeed, ironic that the concept of progress, popular in Western Civilization, the Enlightenment, and the Scientific Revolution has seemed to reinforce rather than dispel racial bias.

¹ Ottley, Roi, No Green Pastures (New York: Charles Scribner's Sons, 1951)

Jurr, Ted Robert, Minorities At Risk: A Global View of Ethnopolitical
licts (Washington, D.C.:United States Institute of Peace, 1993), pp. 147,
1.

Katharina Oguntoye, May Opitz and Dagmar Schultz, *Farbe bekennen:
leutsche Frauen auf den Spuren ihrer Geschichte* (Frankfurt am Main:
r Taschenbuch Verlag, 1992).

Dillingworth Dilling, «What Are the Soviets,» *Abbot's Monthly*, June
pp. 6-7, 48.

Vivid accounts of the experiences of these blacks immigrants can be
in autobiographies, such as that of Langston Hughes, who went in
with a party of twenty young men and women invited by Comintern to
ipate in an anti-racism propaganda film project. Even fuller treatments
cks life in the USSR have been left by Homer Smith, *Black Man in Red*
a (Chicago: Johnson Publishing Co., 1954); and by Robert Robinson,
on Red: My 44 Years in the Soviet Union (Washington, D.C.: Acropo-
oks, 1988).

A helpful guide to Robeson's ties with the Soviet Union is Martin Du-
an, *Paul Robeson* (New York: Alfred A. Knopf, 1988).

Slava Tynes, «Negry v Rossii,» *Nezavisimaiia Gazeta*, 31 January 1992.

ELECTED BIBLIOGRAPHY

lakely, Allison. Blacks in the Dutch World: the Evolution of Ra-
Imagery in a Modern Society. Bloomington: Indiana University
s, 1994.

– . Russia and the Negro: Blacks in Russian History and
ight. Washington, D.C.: Howard University Press, 1987.

lebrunner, Hans Werner. Presence and Prestige: Africans in
pe. A history of Africans in Europe before 1918. Basel: Basler
ca Bibliographien, 1979.

launders, A.C. De. A Social History of Black Slaves and Freed-
in Portugal 1441-1555. Cambridge: Cambridge University Press,
1988.

ike, Ruth. Aristocrats and Traders: Sevillian Society in the Six-
th Century. Ithica: Cornell University Press, 1972.

lockhart, James. The Men of Cajamarca: A Social and Bio-
hical Study of the First Conquerors of Peru. Austin: University of
s Press, 1972.

Walvin, James, Editor. Black and White: The Blacks and English
ety 1555-1945. London: Alan Lane the Penguin Press, 1973.

hyllon, Folarin, O. Black Slaves in Britain. London: Institute for
e Relations and Oxford University Press, 1974.

Hall, Kim F. Things of Darkness: Economies of Race and Gender
arly Modern England. Ithica, New York: Cornell University
s, 1995.

Davis, David Brion. Slavery and Human Progress. New Oxford University Press, 1984.

Lorimer, Douglas. Colour, Class and the Victorians. New Holmes & Meier Publishers, 1978.

Gilroy, Paul. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

Phillips, Caryl. The European Tribe. London: Faber and Limited, 1987.

Gerzina, Gretchen. Black London: Life Before Emancipation. New Brunswick: Rutgers University Press, 1995.

Cohen, William. The French Encounter with Africans: White Response to blacks 1530-1880. Bloomington: Indiana University Press, 1980.

McCloy, Shelby. The Blacks in France. Lexington: University of Kentucky Press, 1961.

Stovall, Tyler. Paris Noir: African Americans in the City of Angels. New York: Houghton Mifflin, 1996.

Devisse, Jean. The Image of the Black in Western Art, II, From the Early Christian Era to the «Age of Discovery», 1, From Demonic threat to the Incarnation of Sainthood. Cambridge: Harvard University Press, 1979.

Devisse, Jean and Mollat, Michel. The Image of the Black in Western Art, II, From the Early Christian Era to the «Age of Discovery», 2, Africans in the Christian Ordinance of the World (Fourth to the Sixteenth Century). Cambridge: Harvard University Press, 1979.

Honour, Hugh. The Image of the Black in Western Art, IV, the American Revolution to World War I, 1, Slaves and Liberty. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

Honour, Hugh. The Image of the Black in Western Art, IV, the American Revolution to World War I, 2. Black Models and Myths. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

* * *

Доклад А. Блейкли посвящен тому, как африканцы воспринимали Европу в середине и в конце XX в. Основная идея доклада заключается в том, что надежды африканцев на то, что в Европе им будет жить легче, чем дома, не сбылись.

«АФРОНЕМЦЫ» В ГЕРМАНИИ: СУДЬБЫ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

А. С. Балезин
(г. Москва)

Все знают, кто такие афроамериканцы — этот термин прочно шел уже в мировую научную литературу. Термин «афронем-» известен значительно меньше, им оперируют, в основном, в Германии. Под ним понимают африканцев, временно или постоянно живущих в Германии, а также лиц, родившихся от смешанных браков немцев с африканцами или, что случалось чаще, ебрачных детей.

Надо сказать, что германские власти в Африке с самого начала немецкого владычества выступали против подобных смешанных браков. Еще в 1900 году было постановлено, что «тузицы» не могут жениться на немецких гражданках, но им было дано право ходатайствовать о натурализации — получении немецкого гражданства, что теоретически влекло за собой и право брака с немкой.

Однако после потрясших германские владения в Африке в начале первого десятилетия XX в. восстаний ситуация изменилась. Так, в 1906-1907 годах после Великих восстаний гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке специальным указом бернатора они были категорически запрещены. В 1906 году, после восстания маджи-маджи в Германской Восточной Африке (последствии Танганьике) там разразился целый скандал вокруг попытки заключения брака немецкого коммерсанта с женщиной-африканкой. Губернатор издал специальный циркуляр, в котором писал: «Официальным органам по политическим соображениям дано указание о нежелательности регистрации таких браков. Такая супружеская пара всегда может быть выслана из протектората».¹

Еще ранее, в конце 1905 года, из ГВА обратно в Германию была выслана и другая смешанная пара — немецкая женщина и муж Мторо (по другой версии — Мтото) бин Мвенье Бакари, который до этого времени работал в Восточном семинаре при Фрилинском университете, но был уволен, остался без средств и попытался осесть на родине вместе с женой. Ему это не удалось: он был выслан обратно в Германию со всем скарбом, и германские власти даже пошли на то, чтобы оплатить паровой

компании «Верманн-Линие» убытки из государствен-
средств.²

Надо сказать, что в Германии все возрастало количество
риканцев-выходцев из колоний, и для них находились с-
разные виды занятий. Уже упомянутый Мторо бин Мвен-
кари выступал, как теперь говорят, как «живой носитель яз-
Другой — камерунец Ханс Белл стал музыкантом, пройдя
«обучения инструментальной музыке».³ Бывали случаи,
немцы выказывали специальную заинтересованность в
африканцев на работу. Так, в 1906 году некий владелец п-
летней мастерской Лемке из Дармштадта пишет в Колониаль-
ведомство, что «намеревается нанять к своим детям нянь-
колоний» и «верноподданнейше просит дать справку об
виях и т.д.»⁴

Однако в те же годы, когда в результате восстаний в не-
ких колониях изменилось отношение немцев к африкан-
были приняты меры, усложняющие выезд коренных жи-
колоний в Германию. Так, в 1906 году было принято пост-
ление, согласно которому каждый африканец, выезжающ-
Германию, должен был уплатить залог, составлявший боль-
По тем временам сумму в 500 рейхсмарок, получить спец-
ное разрешение губернатора на выезд и еще одно, если он
без сопровождения белого. Кроме того, на корабле такой
канец должен был находиться под присмотром самого капит-
Понятно, что все эти установления значительно ограничи-
приток африканцев в Германию.

Однако основной проблемой для германских властей о-
не сами африканцы в Германии, а дети от смешанных бра-
или внебрачных связей. Вот что сообщают о таких дет-
Берлин колониальные власти Германской Восточной Африки

«Немногие родившиеся от связей белых с цветными же-
нами, которые имеются в протекторате, по сию пору никак
не проявили. В большинстве своем они чернокожи, воспит-
ются своими матерями как дети туземцев и в последующие
вряд ли сознают свое частично европейское происхождение
сих пор не известно ни одного случая, когда ребенок европ-
и туземной женщины чувствовал бы себя принадлежащим
высшей расе и соответственно пробовал бы приравнять
образ жизни к европейскому. Вряд ли следует полагать, ч-
обозримое время здесь могут произойти какие-либо изменен-

Поэтому мне представляется, что потребность в издании
ких-либо установлений, могущих предоставить определен-

белых <мужчин> и цветных женщин правовой статус, отсутствует».⁶

менее, потребность в определении правового статуса гов все же назрела. В 1910 году кайзер издал специ- поряжение, подтверждающее ранее принятый закон о гах, где говорилось, что дети-мулаты в правовом занимают то же положение, что и "туземцы".

году Министерство колоний дало следующее разъяс- натору Того по вопросу о статусе мулатов:

сле употребления языка и в статистических целях для ющего протектората следует указывать, что соответ- ицо соединяет в себе кровь людей двух рас, белой и днако поскольку основание для исключения полукро- тистического количества цветных состоит главным том, что они составляют особый элемент населения, кобы занимает промежуточное положение между земной расами, то следует также в дальнейшем учи- ь образ жизни Если соответствующее лицо живет бразом как негр, то его в таком случае не следует ски относить к полукровкам, даже если оно несет в их некоторое количество белой крови. В сомнитель- их решающее значение могут иметь не отдельные признаки, как например более светлый цвет кожи, а роверить, указывают ли внешность и поведение в режде всего, жизненные привычки, соответствующего а то, что он ведет свое происхождение от белой

году бурная дискуссия о детях-полукровках и о при- шанных браков развернулась в германском рейхстаге. за то, что имперское правительство однозначно вы- против официального признания смешанных браков, ринял прямо противоположное решение. В его резо- мая 1912 года говорится:

ться к соответствующим правительствам с просьбой попроект, который признавал бы полноправие браков ми и туземцами во всех германских протекторатах и ал бы права тех внебрачных детей, к которым до сих меним свод гражданских законов».⁸

время в письме госсекретаря по колониям от 29 июля на имя губернатора Германской Восточной Африки , что вопрос о правах детей-полукровок затрагивает елого населения колоний, и губернаторам всех не-

мецких владений в Африке предлагалось высказаться по поводу.⁹

В частности, губернатор Германской Юго-Западной Африки сообщал в Берлин, что ландесрат (орган местного самоуправления белой общины протектората) принял некое промежуточное решение: все смешанные браки, совершенные до 1905 года до начала Великих восстаний гереро и нама, рекомендовалось признать законными, а детям от таких браков дать удостоверение, что они считаются белыми.¹⁰

В ответ на письмо госсекретаря губернатор Германской Западной Африки сообщал, что как он, так и местный орган самоуправления поддерживают позицию имперского правительства, т.е. выступают против смешанных браков с «туземцами».¹¹

Интересное свидетельство о положении детей-полукровок Того сохранилось в архиве. Миссионер свидетельствует, что первых, что детей-полукровок в Того в начале 1913 года насчитывалось 240, что при числе мужчин-европейцев на тот период, составлявшем 254 человека, из которых к тому же 4 миссионеры, явно много.¹²

Миссионеры осуждают внебрачные связи белых мужчин с «туземными» женщинами, говорится далее в письме, но выступают за оформление таких связей в браки.

О положении собственно детей-полукровок говорится:

«...мы придерживаемся мнения, что в Того дети-полукровка принадлежат к туземцам. Соответственно эти дети по нашему распоряжению и при содействии наших миссионеров почти всегда воспитываются туземцами. К сожалению, нет недостатка в случаях, когда со стороны отцов заботы о них проявляются недостаточно или не проявляются вовсе. В результате возникают условия, которые вызывают живое возмущение как из-за детей-полукровок и их матерей, так и из-за положения европейцев».

Далее миссионер высказывается о желательности принятия закона, который обязывал бы отцов таких детей-полукровок выплачивать алименты на их содержание.¹⁴

Таким образом, в Рейхе существовал широкий спектр мнений по вопросу о смешанных браках с «туземцами», но победительная точка зрения правительственных кругов, рекомендовавшая смешанные браки не признавать и причислять детей от таких браков и тем более внебрачных связей к «туземцам».

Более того, представитель правительства заявил в рейхстаге в 1913 году, что теоретически мыслимо предоставлять права подданных империи только некоторым полукровкам, ибо «чистокровные туземцы» не обнаруживают того «уровня образованности».

и хозяйствования, А также нравственного уровня жизни, и мог бы оправдать уравнивание их в правах с немцами». В гате немецкое гражданство в кайзеровской Германии «афдам» предоставляли крайне редко и крайне неохотно.¹⁵ Зеймарской республике ситуация с «афронемцами» изменилась в том смысле, что они перестали быть гражданами собственных протекторатов, и в ряде случаев им предоставлялось немецкое гражданство.

Интересен пример с уже упоминавшимся здесь Мторо Бакари. В 1922 году он был вынужден обратиться к германскому консульству с просьбой о поддержке. В письме он рассказывает о своей работе в качестве преподавателя суахили в Восточном Берлине и о том, что в результате потери Германией суахили потерял работу и он. Далее в письме говорится:

«...охотно и дальше послужит ставшему ему милым немецкому народу, если ему будет обеспечена защита и работа. После увольнения без средств к существованию, нижеуказанный пытался заработать на жизнь себе и своей жене преподаванием лекций о своей восточно-африканской родине. Тот интерес, который был оказан его лекциям, а также отзывы преподавателей убедили его в том, что он принес немецкому народу большую научную пользу. Однако в некоторых местах ему пришлось испытать множество неприятностей вследствие недопонимания, так как его принимали за солдата французских колониальных оккупационных войск из Рейнской области, его даже как-то выбросили в первом часу ночи замерзшую улицу из последнего постоялого двора, после того, как во французских ему было отказано в ночлеге, явно по недопониманию.»¹⁶

Бакари просит у правительства не денег, а охранных грамот, которые бы обязывали бы местные власти обеспечивать ему ночлег и проезд — то есть он готов и дальше зарабатывать на жизнь лекциями, если ему будет обеспечена безопасность. В письме и то, что люди с черной кожей в некоторых частях Германии стали восприниматься как солдаты французских колониальных войск, т.е. враги.

История с Мторо Бакари на этом, однако, не кончилась. Министр делам науки, культуры и образования запросил по просьбе письма Семинар восточных языков о личности просителя и что ему ответили:

«Мторо бин Бакари был нанят в Семинар в качестве преподавателя языка суахили при посредничестве бывшего Министра колоний весной 1900 года и вступил в должность в

апреле того же года. Он был превосходным преподавателем с готовностью и усердием отвечавшим всем требованиям, предъявляемым к нему в этом отношении, его служебное и внеслужебное поведение за исключением последних месяцев службы также было образцовым. Зимой 1904-1905 г.г. он сообщил тогдашнему директору семинара, что хочет жениться на немецкой женщине. Директор предостерег его от такого шага с одной стороны из-за трудностей, связанных с религиозными различиями — Мторо мусульманин, а его жена христианка, — с другой стороны из-за препятствий, которые колониальная администрация Восточной Африки стала бы чинить такому браку в интересах авторитета белой расы. Тем временем и колониальная администрация узнала о намерениях Мторо и запретила ему этот брак под угрозой непродления его контракта в Семинаре. Мторо все же заключил брак, ушел из семинара и отправился в Восточную Африку, где ему было разрешено остаться, а его жене — нет. В этих обстоятельствах он вернулся в Германию вместе с женой и, насколько Семинару известно, нашел место в Колониальном институте в Гамбурге как преподаватель суахили. Что стало с ним потом, Семинару не известно. По слухам, во время войны он ездил по стране с лекциями. Данные, приведенные в его прошении, противоречат действительности в том смысле, что он потерял свое место в Восточном семинаре не с началом войны, а уже на Пасху 1905 года, т.е. почти десятью годами ранее...»¹⁷

Таким образом, судьба «афронемцев» складывалась в Веймарской республике непросто. Тем не менее, в бывших немецких колониях находились желающие пополнить собой их ряды. Так например, в 1922 году в бывшее Министерство колоний пришло письмо из Западной Африки, в котором сообщалось, что «двадцать первоклассных парней-тоголезцев, десять из них кузнецы, а десять — слесаря» хотят выехать на работу в Германию.¹⁸

Среди архивных документов мне не удалось обнаружить, какое именно продолжение имела данная история, но полагаю, что вряд ли тут было принято положительное решение. В самой Германии безработица росла быстрыми темпами, и лишние рабочие руки из бывших колоний были не нужны. Более того, германское правительство стремилось выслать обратно в Африку тех «афронемцев», что оказались там на положении безработных. Так, Президент Германского колониального общества Зейтц пишет в Германский МИД 14 октября 1925 года о том, что в Берлине находится некоторое число¹⁹ выходцев из Камеруна,

го и Восточной Африки, не имеющих постоянной работы. Лучше всего, конечно, было бы, — замечает он, — если бы можно было просто отослать этих людей назад в Африку, но у профессионального общества нет на это средств».²⁰

Интересно, однако, что на этом фоне желание нанять на работу африканцев в некоторых специфических секторах, да еще и в хороших условиях, не пропало. Так например, владелец значной фирмы из Герлица в 1926 году делает запрос в Министерство колоний:

«...не можете ли Вы обеспечить мне мальчика-негра в возрасте примерно 14 лет? Мальчик использовался бы мной на тяжелых работах, в частности на посылках. Он жил и питался бы в моем доме. Я могу также гарантировать хорошее обращение».²¹

Надо сказать, что МИД отказал просителю, сославшись на то, что «ему неизвестно учреждение, которое могло бы подыскать мальчика-негров».²²

Интересно, что в те годы еще выплачивалось пособие по безработице «туземцам-выходцам из бывших германских колоний, потерявшим работу». Пособие выплачивалось через Немецкое общество изучения туземцев и составляло 200 рейхсмарок в месяц.²³ Однако уже через два года, в 1928 году, германские власти призывают это Общество максимально сократить выплаты «туземцам»:

«Размер произведенных в последнее время выплат дает повод вновь подчеркнуть, что Германская империя [так в тексте — Б.] не заинтересована в том, чтобы поддерживать и удерживать в Германии туземцев из своих бывших колоний, шатающихся без дела и без работы. Обоюдным интересам значительно более соответствовало бы, если бы подобные туземцы были как можно быстрее препровождены на родину. Я прошу максимально ограничить случаи выплаты пособий...».²⁴

Куда уж яснее высказать официальное отношение властей Веймарской республики к «афронемцам»! Далее в письме — безынтересные детали, касающиеся тех из них, кто прошел в Германии профессиональное обучение:

«Аква, прошедший обучение как слесарь и шофер, женатый немец и имеющий семью, будет и впредь получать пособие в 100 рейхсмарок в месяц, пока он может доказать, что он сам виновен в своем положении безработного.

Всем же остальным туземцам, обученным на ремесленников, торговых служащих (т.е. только тем, кто имеет за плечами законченный срок обучения) пособия следует выплачивать лишь в том случае, если они предъявят доказательства отсутствия соб-

ственной вины в своем безработном положении и дадут постоянное обязательство при первой же возможности отправить на родину за казенный счет. Поскольку подобные туземцы действительно имеют волю к труду и использовали время обучения для приобретения знаний, они с легкостью найдут в родине гарантированные средства к существованию.

Всем же остальным туземцам, в особенности цирковым и казенным статистам, я прошу пособий более не выплачивать, возможным просителям предлагать отправиться домой за казенный счет».²⁵

Таким образом, властями был решительно взят курс на высылку «афронемцев» на родину — проблема состояла в том, что «казенные средства», за счет которых предполагалось сделать это, находилось далеко не всегда.

Интересно, что решение о высылке «афронемцев» на родину влекло за собой ряд юридических последствий, в частности, вынуждало их официально оформить свои отношения с сожительницами-немками, если они собирались выехать в Африку всей семьей. Понятно, что немецкой женщине африканец должен был пообещать в будущей жизни на Черном континенте золотые горы. Вот как описывается такой случай в письме Общества по изучению туземцев от 12 июля 1927 года, подписанном Гатцфельдом:

«...Сегодня берлинская продавщица Марта Леманн говорила со мной без ведома своего мужа. Она просила моего совета. Михаэль сказал ей, что он получит в Камеруне очень высокую должность, что у нее будет европейский дом и слуги и что он как миссионер будет все время путешествовать вместе с нею. Ее в последнее время все предостерегают, и она в нерешительности. После того, как я изобразил ей те обстоятельства, которые ожидают ее, она заявила сегодня, что она твердо решила не выходить за Михаэля замуж в Берлине и не уезжать с ним в Камерун...».²⁶

Интересно, что далее в письме упоминается между делом, что Михаэль уедет в Камерун без жены, но с четырьмя детьми.²⁷ Это значит, что старая точка зрения, выработанная еще кайзеровской Германией — детей-полукровок рассматривать как «туземцев» — сохранялась и в Веймарской республике.

К слову сказать, герой этой истории — камерунец Михаэль Вонья — все же женился на своей Марте Леманн и увез ее в Камерун. Правда, уже в следующем, 1928 году она оставила мужа.²⁸

е сохранился удивительный документ, отражающий
сть положения «афронемцев» в конце 20-х годов.
мо на имя рейхсканцлера от камерунца Вильгельма
г 12 декабря 1929 года.²⁹ В нем затрагивается столько
го позволю себе привести пространные выдержки из

лся 25 июля 1897 года в Дуале, Германская Африка,
инский гражданин рейха, посещал немецкую католи-
сионерскую школу и в 1913 году приехал в Герма-
нством внутреннего удовлетворения, получив возмож-
ность немецкие нравы и обычаи. Я — первопроходец и
немецко-камерунского сотрудничества. Я также являюсь
британским гражданином рейха, который сумел про-
ехать из немецких колоний в Германии и в Камеруне
немецкому государству. Мои устремления направлены
к выводу молодых немецких негров хорошими гражданами

первой мыслью всегда было привозить в Германию
их мальчиков из Камеруна, чтобы духовно и полити-
чески подготовить их для германо-камерунского сближения. Я ду-
маю, что смогу выполнить свой долг и предназначение и сбли-
жусь.

В настоящее время в Берлине живут два человека — г-н Эль-
Миде и г-н Мансфельд в Имперском управлении
делами. Оба в прошлом — низшие чиновники в Дуале,
делами которых направлены на то, чтобы подорвать им-
перскую колониальную дипломатию. Я познакомил обоих
с нашими вышеупомянутыми воспитательными идеями, на
которые они не хотят, чтобы молодые немецкие негри-
станцы открывали в Берлине конторы и прочее. Это
цели немецких негров отчетливо показывают, что
они используют методы, не соответствующие
идеям имперской колониальной политики. Это — явное
упущение имперской хозяйственной и колониальной ди-

30
от теоретический базис, небезынтересный сам по себе,
и автору письма, чтобы оправдать свой проступок. Он
английские пятифунтовые банкноты «из политических
целей», желая создать фонд обучения камерунских мальчи-
ков на священнослужителей, врачей, юристов, коммер-
циантов, чтобы они в дальнейшем облегчили
жизнь негров в Камеруне», за что и получил три года и один
месяц тюрьмы.³¹

В цитируемом письме, написанном в тюрьме, автор от подданнических нот переходит к обвинениям в адрес нем несправедливое отношение к африканцам:

«Бывшие немцы-африканцы [т.е. жившие в африканских колониях — А.Б.] рассматривают нас, немецких граждан — как своих врагов, которые могут повредить их деловым интересам, поэтому они хотят уничтожить всех нем граждан-негров, желающих духовно и физически связаться с немецким народом и произрастать тут... Мы, немецкие граждане-негры, живем с чувством глубокой горечи и разочарования...»³²

Автор письма не теряет надежды найти справедливых высших органах власти Веймарской республики, однако случившийся экономический кризис не способствовал смене отношения властей к «афронемцам». С приходом же к власти Гитлера к экономическим факторам добавились и стали доминировать политико-идеологические.

Это хорошо иллюстрирует служебная записка германского МИДа от 7 ноября 1934 года. В ней говорится:

«Развитие расовой проблемы в Германии привело к негативным последствиям для проживающих здесь негров наших бывших протекторатов.

Трудности, с которыми сталкиваются негры в практической сфере расового вопроса, в меньшей мере следует отнести к официальным мер, в значительно большей — за счет общего настроения населения.

Из официальных мер, по сообщениям пострадавших, наиболее сильное воздействие имело изъятие у них немецких паспортов и замена их на иностранные. Это сделало практически невозможным для негров путешествия за границу. Для живущих в протекторатах негров, относительно большое число из которых принадлежат к музыкальным коллективам, это означает невозможность выезда за границу.

Общее настроение населения в расовом вопросе проявилось в том, что негры часто подвергаются личным оскорблениям и изгнанию, в том, что, учитывая настроения публики, и предприниматель не осмеливается брать их на работу. Таким образом, и внутри страны возможность заработка денег для негров практически закрыта. При этом страдают сильнее всего как раз порядочные элементы среди них.

Само собой разумеется, что при таком положении дел среди негров возникает недовольство. Это недовольство особенно неприятно для нас потому, что оно не ограничивается

здесь неграми, но через связи, которые они естественно имеют с Африкой, распространяется и в Африку неприятное воздействие этих настроений потому основано, что эти негры вследствие своего многолетнего пребывания в Европе и значительно более широких по сравнению с соплеменниками знаний естественным образом имеют большое влияние.

Правительство может возыметь крайне неприятные последствия для Германии, если актуальным окажется вопрос о введении Германии мандатов в Африке. Враждебно настроенные круги за империалистическими устремлениями Германии круги за империализмом попытались бы приобрести на этом капитал, за счет подначивания негритянского населения соответствующих территорий, а частично за счет прессы и других средств в европейских странах.

Следовало бы попытаться по возможности устранить причину недовольства живущих здесь негров <...> Отправку негров в Африку по многим причинам следует считать неосуществимой. Кроме того, имеются политические возражения против отправки негров домой».³³

В то же время МИД по внешнеполитическим соображениям стремится к смягчению положения «афронемцев» в Германии. Об этих внешнеполитических соображениях — возможном возврате немецких колоний — иногда в Третьем рейхе вспоминали, но превалировала другая тенденция — расистская. Отказом от гражданства «афронемцев» Германия последовала — чудовищная по своей жестокости акция — массовая стерилизация «расово неполноценных».

Выплаты пособий нуждающимся африканцам-выходцам из немецких колоний, однако, продолжались. Так, в архиве имеется документ за 1935 год, в котором приводятся списки из числа получавших такие пособия через Немецкое общество помощи туземцев. Указываются различные характеристики людей, самые разноплановые, типа: «женат», «двое детей», «плохая слава» и пр.³⁴

В 1939 году было решено создать «немецкое африканское общество», в котором были объединены оставшиеся без работы африканцы. Сделано это было, конечно, не из гуманных соображений, а в пропагандистских целях — вновь и вновь ставился вопрос о возвращении Германии колоний. Уже в 1939 году в официальном послании МИДа Министерства просвещения и пропаганды Германии от 4 апреля отмечено, что «колониально-пропагандистское значение выступ-

лений туземцев в таком шоу крайне мало» и шоу предлагаю закрыть.³⁵

Интересно рассуждение одного из музыкантов-африканского тоголезца Квасси Брюса, о культурно-исторической роли Германии в судьбах Африки, высказанное в письме в МИД:

«...Мы никогда не приходили в Европу как завоеватели и когда не пытались поставить Европу на колени или эксплуатировать ее. Это Европа пришла в Африку... Европа обстригла Африку Библией миссионера, конторской книгой торговли, сводом законов белого человека. Европа принесла на наш континент свои проблемы и лишила нас нашего внутреннего мира. Нас заставили перепрыгнуть через века культурного развития, ведь не белый человек приспособился к нам, а мы к нему. Из походного гамака мы сделали скачок сразу к железной дороге, зашли здесь так далеко, что в Того задолго до начала войны и путешествии по железной дороге от покупки билета до сдачи в конце путешествия путешественник не встречал ни одного белого человека».³⁶

Конечно, некоторые «афронемцы» выжили в нечеловеческих условиях фашистского рейха. Их (во втором-третьем поколении) можно встретить в Германии и сегодня.

¹ Федеральный архив ФРГ, Берлин-Лихтерфельде (Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde, далее BABL), фонд Reichskolonialamt (далее — RKA) дело 5427, л. (далее -Bl.) 16.

² BABL, RKA 5422, Bl. 29.

³ BABL, RKA 4457/6, Bl. 12.

⁴ BABL, RKA 7562, Bl. 24.

⁵ BABL, RKA 7562, Bl. 28.

⁶ BABL, RKA 5421, Bl. 22.

⁷ BABL, RKA 5427, Bl. 9.

⁸ BABL, RKA 5427, Bl. 24.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., Bl. 24-25.

¹¹ BABL, RKA 5427, Bl. 28-29.

¹² BABL, RKA 5427, Bl. 33.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ История германского колониализма в Африке. Под ред. Г. Штеккера. М., 1983, с. 175-176.

¹⁶ BABL, RKA 5422, Bl. 57-58.

¹⁷ BABL, RKA 5422, Bl. 61.

¹⁸ BABL, RKA 7562, Bl. 39.

¹⁹ В приложенном списке африканцев с адресами в Берлине и Гамбурге указаны 17 человек. — см. RKA 7562, Bl. 42.

- ²⁰ BABL, RKA 7562, Bl. 41-
²¹ BABL, RKA 7562, Bl. 64-
²² BABL, RKA 7562, Bl. 65.
²³ BABL, RKA 7562, Bl. 61.
²⁴ BABL, RKA 7562, Bl. 69.
²⁵ Ibid.
²⁶ BABL, RKA 4457/7, Bl. 42.
²⁷ Ibid.
²⁸ BABL, RKA 4457/7, Bl. 121.
²⁹ BABL, RKA 4457/7, Bl. 212-219.
³⁰ Ibid., Bl. 212-213.
³¹ Ibid., Bl. 213.
³² Ibid., Bl. 215, 216-217.
³³ BABL, RKA 7562, Bl. 88-90.
³⁴ BABL, RKA 7562, Bl. 115-117.
³⁵ BABL, RKA 7562, Bl. 128.
³⁶ BABL, RKA 7562, Bl. 94-95.

* * *

The paper is devoted to the fates of 'Afro-Germans' under rising radical German fascist Eurocentrism. They called Afro-Germans *oese*, who had both German and African origin. A certain number of such persons gradually concentrated in Germany, and their life conditions were quite good. But after the economic crisis and, particularly, during the Nazi rule the state of Afro-Germans became intolerable: they were proclaimed racially inferior and lost German citizenship, the men were even sterilized by force.

AFROCENTRICISM AND EUROCENTRICISM IN THE POLITICS OF THE SOUTH AFRICA'S BLACK ELITE BETWEEN THE WARS

Philip Bonner
(South Africa)

Introduction

Eurocentricism and any overarching sense of a «white» identity have assumed a distinct form, so Said and others have argued, in fiction and contra-distinction to non-European «others» (Said, *Orientalism* 1995). Afrocentric perspectives, in the form of Pan-Africanism, Negritude, The Black Power movement in the United States and the Caribbean, and the like, have developed no less reflexively in response to subjugation and denigration by Europe. Africanisation is unintelligible unless conterposed to Westernisation,

as is the perspective of Afrocentricism if divorced from Eurocentricism. In much the same way, the current preoccupation with African renaissance in South Africa only acquires resonance when it is bounced off a previous history of racial subjugation and humiliation.

Local proponents of the African Renaissance in South Africa have, as Bheki Peterson has recently argued, displayed a surprising reluctance to engage with black political traditions that precede the current interventions («Identity in the Round. Between Whiteness and the African Renaissance»). This paper explores the ways in which the black elite on the Witwatersrand in the late 1920s and 1930s sought to negotiate Eurocentric and Afrocentric perspectives and formulated agendas for African regeneration which synthesized aspects of both. It identifies three different intellectual and political traditions which dominated debate in this period. Each proposed different answers to the central dilemma faced by African intellectuals at this time. How far to react against the hegemony of Eurocentricism and how much and in what way to draw on Afrocentric roots. None of the solutions arrived at were completely satisfactory, which partly accounts for the inability of the African intelligentsia to harness the intellectual and political energies of their political and cultural constituency. This was nevertheless a period of intense political and ideological contestation which has been almost totally ignored in the literature of the period. This paper begins to fill in that gap.

The Eurocentric Left

The late 1920s, and the first half of the 1930s are generally depicted as the nadir of the African political activity in South Africa in general and on the Witwatersrand in particular. Walshe writes them off as «years of anguished impotence» in which the ICU, the ANC and the CPSA were each wracked by internal splits and drained of energy and initiative by the ravages of depression. One part of this characterization is correct. African political organizations were deeply divided in this period and were largely ineffectual in influencing the broader political process. This did not mean nevertheless that they were ideologically or politically inert. The years in question were peppered with ideological and political contestation, but of such an introverted kind, that it paralyzed extroverted political campaigning. The broad alignment of competing forces which cancelled themselves out in *this* fashion, may be described as two currents of Eurocentricism competing with two currents of Afrocentricism.

In the late 1920s the most conspicuous Eurocentric current was set into motion by the CPSA. The CPSA made comparatively little

impact on African politics on the Witwatersrand until the late 1920s. Until the mid 1920s it had failed to secure any sizeable point of entry into black political life, and in late 1926 it was expelled from the ICU which it had tried to use as its vehicle and recruiting base during 1925-1926. Early in 1928, according to South African secret reports it decided on a change of tactic; 'having failed to organize natives as members of the Party they started a trade union for natives'. These unions, which in most cases worked in tandem with the white members of registered unions, proved an instant if limited success. Between 1928-29 37 strikes in which African workers were involved broke out in Johannesburg alone, a number of which ended in success. By invoking Wage Board determinations, and then policing them by means of strikes, African unions were able to register significant improvements in wages as well as to score a number of other gains. By 1928 B Weinbren claimed that the South African Federation of Native Trade Unions boasted a membership of 10 000 strong. This was almost certainly a gross exaggeration, and available evidence suggests that the unions' membership never went up beyond 4 000. This nevertheless was a considerable achievement, and in February 1929, Weinbren was able to address a meeting of supporters 1 000 strong — the largest gathering that had ever been seen in Market Square, Newtown, for many a day. The Federation of Non-European Trade Unions itself began to weaken and disintegrate in the middle of the year as a result of the loss of a number of members, and internal dissension, but the CPSA still had another card up its sleeve. In August 1929 it founded the League of African Rights, under the mistaken impression that it had been given the green light by the Comintern. The LAR soon became its principal point of leverage in African politics and particularly in the Transvaal provincial wing of the ANC.

In July of the same year the more radically inclined Josiah Gumede had been elected to the Presidency of the ANC and had chosen Johannesburg as his political and administrative base. Gumede sought to revitalize both the ANC and its Transvaal Province, and in March 1928, after Ms return from a visit to the Soviet Union, he began to canvass the idea of an anti-pass campaign. Gumede had been hugely impressed by the overthrow of what he perceived to be Czarist tyranny in Russia, which inclined him to work in collaboration with the CPSA. During Ms stay in the Soviet Union Gumede had been given a silver key, to which he made repeated allusions in public meetings after Ms return home to South Africa. For Gumede, the key became a metaphor for the means of unlocking the door to liberation. When the CPSA broached the idea of a united front in the

form of the League of African Rights he was only too happy to take a leading role. For him the key to the door of liberation was being turned slowly in the lock.

The initial objective of the LAR was to collect a million signatures to petition for civil rights and to organize an anti-pass demonstration on Dingaan's Day, 16 December 1928. The program of the League was a curious hybrid of Eurocentricism and Afrocentricism. It was shot through with the Native Republic's pre-occupation with land. In this it resonated strongly with the pre-dispositions of a large section of the Transvaal African Congress. The League's program, which it appropriated from the more militant early days of the African National Congress in 1912-1913, was 'Mayibuye Africa [Africa for African Return or, more specifically let the soil of Africa return to its owners]. On the other hand the main political constituency to which it addressed itself was the black working population of the Witwatersrand which it perceived in mechanistic Eurocentric class-reductionist terms. This somewhat incongruous political concept, however, found a surprising resonance among the Witwatersrand black working poor.

The League stood on more shaky foundations than it had originally imagined. In January 1929 the Comintern ordered it to be dissolved, and in the course of the year increasing disquiet began to be expressed within the more conservative sections of the TAG at this 'coquetting with communism'. The Party leadership's response to the Comintern's directive was to resort to subterfuge. In 1929 the Party proposed a secret joint committee of action comprised of the ICU, the TAC and the SACP, whose central function would be an anti-pass burning campaign. The committee met intermittently, but tapped in, almost fortuitously, into an unexpected insurgent popular spirit. On Dingaan's Day 1929, a march which staged with a minimum of preparation, saw between 5000-9000 protesters parade through the streets of Johannesburg, in an unprecedented expression of popular solidarity.

Even as *this* happened however the League was on the point of falling apart. The Bunting group who were largely responsible for this strategic orientation were soon to be ousted from the leadership of the Communist party and stigmatized as reformists collaborating with bourgeois nationalist elements. Inside the ANC Gumede was also coming under fire. During 1928-1929 Gumede had swung some of the up and coming leaders in the Transvaal into the radical camp. Aaron Kgoathe, Chairman of the TAC Johannesburg branch, emerged as a strong protagonist of the LAR's pass burning campaign as did Daniel Lethoba, a Sophiatown businessman and an increas-

prominent figure in the Western Johannesburg branch, and El Hiakudi, a rising star in Johannesburg's eastern locations. At a meeting held in Western Native Township in April 1930, Lethobale held his audience to 'fight Pirow's (The Minister of Justice's) dirty hands' and expressed himself in full sympathy with the CPSA demonstration planned for May 1. Both Kgoathe and Hiakudi were later publicly chided by the TAC President Sefako Makgatho for 'their radical ideas'. However the most important figure from within the TAC ranks to be drawn into Gumede's orbit was Pretoria branch member, Peter Matseke. Matseke led a successful anti-pass campaign in Pretoria in March 1928, which in large part inspired the subsequent anti-pass demonstrations of successive December 16ths. In the months of 1930 he spoke on a joint ICU, CPSA platform in the East Rand location, Pretoria, to protest against the imposition of the pass on women. Here Matseke delivered a fiery speech, in which he rebuked TAG President and fellow Pretoria resident Sefako Makgatho for criticizing his own association with the CPSA and threatened 'if they have to go for us with their machine guns, we will face them'.

Gumede's increasingly close flirtation with the SACP was howling alarm bells in other sections of the ANC. Gumede responded to these criticisms by putting himself even further out on a limb. He suspended three Provincial Presidents in mid 1929, and in the process probably installed Matseke in the place of the more recalcitrant Makgatho in the Transvaal. As he did this he came to lean ever more heavily on the SACP, who in turn were becoming increasingly unreliable and unreliable allies. His worst blunder, which, to a large extent precipitated his downfall, was to solicit the COMITERN for financial aid and support. This letter was uncovered by fellow TAG executives and Makgatho supporters in late 1929 and was used to such devastating effect by his opponents that he initially refused to put himself forward for re-election as President of the National Executive in April 1930. Before long, however, he was prevailed upon by the action of the communist party leadership that was itself on the defensive, to offer himself as a candidate once again, and was roundly defeated.

A variety of factors explain his defeat. In one sense Gumede had his own death warrant by the Presidential address that he delivered at the April conference in which he observed that, «everywhere the oppressed peoples were being inspired by the ideal of participation which found expression in the Russian revolution' and he claimed that since British justice was an illusion 'We have now to rely on our own strength, on the strength of the revolutionary masses

of the white workers the world over with whom we must join forces».

Gumede's speech was clearly scripted elsewhere, and he was evidently relying on communist support to be re-elected. The tactic badly misfired. As the newspaper *Umteteli wa Bantu* reported, M 'startling speech ... raised a storm of protest' from the majority of the delegates and he was summarily voted out.

Gumede's declamations were not the only reason that Congress conservatives were able to rally the center and even some sections of the congress's left to their support. Even those in Congress's ranks who had felt some sympathy for the militancy and non racialism of the Party were beginning to have second thoughts. In the late 1920s Jewish immigration from Eastern Europe accelerated. East European immigrants came to constitute a larger and larger proportion of the communist Party members and began to coalesce into an oppositionist and highly Eurocentric bloc. In June 1929 this assumed an organizational expression with the formation of the Jewish Workers Club which began to mount a serious challenge to the erstwhile dominant Bunting group. Bunting, whose good faith at least, was not disputed by the more conservative element of the Congress mission educated elite, became increasingly marginalized by this group. This in turn created a growing distance between the SACP and the ANC. Even the editor of the bourgeois and ultra Christian African newspaper *Umteteli wa Bantu* lamented the ousting of a man of his integrity from the communist party ranks after the party purges of 1930 and predicted the total estrangement of ANC radicals from the SACP. The growing prominence of East European Jews in the ranks of the SACP also opened up the Party to other kinds of attack which became increasingly frequent from 1930 onwards. Party functionaries, the likes of Isaac Montoele claimed, were merely 'agent[s] of the poor whites of Russia who want to get room in South Africa after the natives are shot down.

An even more damaging attack on communist party credentials and by extension on those of all fellow travellers, was launched from an entirely different direction. Since its inception the ANC had been closely associated and for much of the time strongly supported by the chiefs. This was especially true of the Transvaal. White communist party militants had little conception of the enduring power of the institution of chieftainship in South Africa, portraying it as an anachronistic and dying institution. Operating from the basis of a totally mistaken analogy, they equated the Romanov's with the chiefs and openly celebrated the abolition of the monarchy in Russia and the physical extinction of this line. Even Gumede himself was surpris-

insensitive on this issue, and publicly applauded the execution of Zjar. The reservations of even congress militants on this subject reflected in Peter Matseke's comments at an ANC conference in 1930, where he observed, «the chief should be particularly careful in regard to the communist Party, as this party has as its aim and object the overthrow of the rules of any land».

Seme and congress conservatives capitalized hugely on this blindness of the SACP. In June 1930, shortly after Gumede's defeat in the 1929 Presidential election the party newspaper *Umsebenzi* reported that ANC officials had «been touring the country spreading the story that the CP wishes to abolish chiefs. This was mistaken, — *Umsebenzi* went on, — and one might have expected it to attempt at this time to counter the canard. Instead it exposed its own distance from African realities and dug itself further into a hole by dismissing the chiefs as a serious political force with the fatuous observation «The chiefs have abolished themselves».

The Neo Traditionalist Center

With Seme's victory the political universe and the ideological framework were transformed. Makghato's provincial leadership was affirmed and it was agreed that no further leadership elections would take place until the provincial memberships had grown. Makghato returned to the Transvaal in buoyant mood and proclaimed at a report back to provincial membership meeting that nobody would now be permitted to be simultaneously a member of the communist party and of the TAC. Matseke barely demurred.

Makghato and Seme now established a close political alliance and subscribed to a more or less common political program. Both were committed orthodox Christians but both revered the institution of chieftainship. Makghato was the son of a Northern Transvaal chief and cemented close political ties with the traditional leadership of the eastern Transvaal as well. Seme's origins were more obscure but he married into the Zulu royal house, and had close connections with the Swazi monarchy as well. Both wished to preserve the integrity of chieftainship, but to establish a supra tribal unity through which an African re-birth could take place. Both had played central roles in the initial formation of the ANC in 1912, which sought to set in place an organizational structure which could accomplish this goal. Both had campaigned to oust John Dube from the Presidency of the ANC in 1917.

Makghato was born into a generation which still remembered the nineteenth century wars of dispossession in the Transvaal. His central pre-occupation was the return of the land. (Mayibuye Africa).

The key precondition for realizing this ambition was to overcome divisions within African society which had allowed that division originally to take place. As he wrote in a letter to *Umtata Bantu* in June 1933.

«The truth is that land as everybody knows is won by conquest on the battle field. This is not new with the whites... It is just that the whites they defeated us with the help of our fellow people... this crying that we hear everyday about the whites who took our land is not true, and it is a useless outcry. The only help is what can be done if we lost our land due to our own differences ...what can we do to bring back the land... let us stop crying. The Congress is a Parliament for Africans. Let all the organizations forget the hatred caused by their differences. Let us meet in the Congress and separate into groups and work under one President ... let us unite into one unity ...Unity is strength (Kopano ke maatia). An old African saying goes «Lions with their horns in unity cannot overcome the injured buffalo».

Once unity had been achieved Makgatho proposed a simple formula for recovering the land; combining their resources to buy back the land (which was still possible in the Transvaal) and freedom through education or more specifically «good quality education without the help of European missionaries».

Seme's vision of unity was in many ways similar. In a new constitution that he drew up for the ANC the basic building blocks would be the tribes. Tribes would be united under a single Council of Chiefs. Affairs would be under the charge of the chiefs. One of the council members would be elected from among them to head the national organisation. To accomplish this end Seme proposed dividing the Cape, Natal and the Transvaal each into three separate provinces. No document exists, as far as I know, which specifies the boundaries between these different tribal blocs, but it may be inferred that the intention with the Transvaal was to split it into Northern, Eastern and Western provinces — a solution remarkably similar to the post 1994 provincial dispensation. To underwrite unity, Seme proposed reserving powers to himself to dismiss Provincial cabinets and if necessary install nominees of his own choice. Finally, Seme proposed a national treasury or national fund («Insitabataba») which would centralize subscriptions paid into the ANC and use these to promote self help business and other ventures.

Seme, in a strikingly contemporary vein, was a firm believer in the future African revival or renaissance. While studying at the University of Columbia in New York he delivered an address on «The Regeneration of Africa» and looked back to the past achievements of Egyptian civilization as evidence of Africa's creativity and genius and

what this could achieve. (Frederickson, *Black Liberation* p. 117). In an interesting variation on the same theme Makgatho expressed a similar confidence in Africa's potential when he wrote «Africa is a land blessed by God because it is Africa which saved *bis* son from the hands of Herod».

Seme's effort to create an efficient, well ordered and in many senses modern organization out of its different pre-colonial parts immediately ran into trouble. As the history of post-colonial Africa attests, colonial boundaries may have been an arbitrary, and from an African perspective senseless imposition, but once laid out they created sets of identities and vested interests which made them highly refractory to change. No sooner had Seme's new constitution been unveiled than it was vociferously denounced by most of the Provincial leadership of the Transvaal. Offended by such effrontery, Seme dismissed all Transvaal based officials with the exception of Makgatho, from the national cabinet appointed at the Congress of April 1930. Seme and his dwindling band of supporters were now accused by the *Bantu World* and leading provincial politicians both of being unreconstructed tribalists and of seeking to impose «unity by dictatorship» (11 Jan 1934). Apparently their particular blend of Afrocentrism and Eurocentrism was both behind and ahead of its times.

These disputes between the Province and the center, and to some extent, in the Provinces themselves, paralyzed Congress activities for two years. No national conferences were held and few signs of life could be discerned in the provincial congress of the Transvaal. Critics accused Seme of «culpable inertia», and less openly, of being incurably addicted to drink. *Umteteli wa Bantu* made much play somewhat earlier of his driving up a one way street the wrong way and colliding with both a cyclist and horse drawn vehicle — «Was He Drunk» (16.2.1929). Makgatho was written off as too advanced in years. Both judgements were in some respects too harsh. Huge impersonal economic forces overtook South Africa in this period, which had massively debilitating and enervating political effects. They also radically redrew the political map among clack elite politicians in the Transvaal and fused together a novel and quite distinct amalgam of Afrocentric and Eurocentric styles of political thought.

Populist Africanism

In September 1931, the Great Depression struck South Africa with vengeance following Britans' belated departure from the gold standard. Mass unemployment followed in its wake. Between 1930 and 1932, the worst drought in living memory overwhelmed South African agriculture. Tens of thousands of white farmers and black

farm-workers abandoned the farms to seek some kind of towns. As poor whites swarmed into the urban areas both central governments tried to absorb some of this vast unemployed by expelling Africans from government jobs and placing them by whites. From early 1932 black newspapers editorialized repeatedly about the desperate plight of the black unemployed on the Rand. This deepened steadily through 1933 and 1934 leading Rand elite socialite Walter Nhlapo to write to the *Bankers* «Go to the Native Affairs Department in Johannesburg [and] thousands of thin hungry young men looking more dead than the scene is pitiful. They look with haggard cheeks and sunken eyes at passers by». By mid 1932 in excess of 20% of the black population were unemployed.

Mass unemployment generated a more introverted and intransigent attitude among the Transvaal's black elite. A mounting sense of grievance and resentment began to be both felt and articulated in respect of «outsider» groups. The most obvious targets of such hostility now were «foreigners» from outside South Africa's borders. Through much of 1932 complaints surfaced in the press about the presence and activities of Makirimane (foreigners, mainly Mozambique and Malawians), with one Pretoria congress official Silas Maleke recommending that they be deported since they were taking black South Africans' jobs. This rising tide of xenophobia was only part of a broader process of ethnic labelling and ethnic marginalisation. This movement was spearheaded by sections of the North-Sotho and Tswana speaking elite of the Transvaal.

The north Sotho elite had for some while harboured a grievance against particularly Nguni speaking immigrants in the Transvaal. Both Xhosa and Zulu speakers were disproportionately represented among the black elite on the Witwatersrand, in the two decades of the twentieth century largely because missionisation established itself earlier and on a larger scale in the Eastern Transvaal and Natal, than it did in the Transvaal. The Johannesburg townships, for example, were dominated by a Xhosa speaking elite. The slumyards of central Johannesburg where some of the black unemployed were able to rent relatively capacious houses was equally heavily weighted in favour of Zulu speakers. Only in Pretoria did north Sotho speakers enjoy an undisputed numerical preponderance. This perception gradually developed among sections of the Transvaal black elite that while the Witwatersrand was situated in the province of the North Sotho and Tswana, its job market was disproportionately peopled by immigrants from elsewhere. These

its obviously heightened with the onset of recession and its accompanying high levels of unemployment.

An allied prejudice was also entertained in the bosoms of some members of the Transvaal's black elite. This was that the only really admitted supporters of the main national political organization, the ANC, were also the residents of the Transvaal. Seloape Thema, Editor of the *Bantu World* put it like this,

«There are some men who try hard to divide the nation trying to lead the nation. They go around saying that Congress in the Transvaal is for Sotho's only. There is no such thing. The Congresses are open to anyone who is an African except those that think they can live as parasites, not through the sweat of their brows. The Congress is meant to be an organization for all Africans but it appears that those who are not Tswana's or Sotho's are reluctant to join the national organization and even their leaders are doing nothing to preach the gospel of unity. Since its establishment most of the people joining the congress are Sotho-Tswana. No person can dispute the fact that all money is used to pursue the hard work of the Congress (from Sotho and Tswana tribes)». (23.12.1933)

Thema was in several senses correct. The Transvaal was home to a large number of heavily populated African reserves. Chiefs from the Transvaal had made very substantial contributions to Congresses between 1914 and 1919 to fight the Land Act and to finance missions to England. The Eastern Cape which enjoyed the Cape franchise and was not subjected to the provisions of the Land Act stood aloof from congress activity at this time. Natal for some time also contributed next to nothing to Congress coffers. In a number of the early years of the ANC, Seloape Thema even went as far as to claim that Makgatho had secured the majority of votes in the Presidential election of the ANC, but had conceded to John Dube from Natal in the interests of cross ethnic unity. For Thema and a large group of Transvaal Congress leaders it was evidently time they should claim their just rewards.

An ethnically inflected version of Afrocentricism had existed since the formation of Congress and before. It became heightened and hardened under the impact of depression. In 1933 it mobilized itself politically in the Presidential election of the Transvaal Provincial Congress. In this Peter Matseke the ex communist inclined leader challenged the incumbent Sefako Makgatho. Matseke was aided in his campaign by newspaper editor and Congress leader Seloape Thema. They mobilized on an explicitly ethnic ticket. The Transvaal congress was the preserve of the North Sotho and the Tswana and it was they who would inspire its regeneration.

Selope-Thema and most of his associated cohort of politicians were strongly Christian in their upbringing and associations. In this respect they differed little from Magatho and Seme. They were also inspired by a similar vision of revival and of the means by which it should be attained. As Thema wrote in an editorial in *The Bantu World* in June 1934.

«Earlier, when the Congress was still strong ... the leaders made the call that «Africa must come back». This call even today can still be heard in the entire country where Africans live. ...Some think when it is said «bring back Africa» it means Africans must return back to the olden days, some think whites must be driven out of Africa.

We understand the call in this way. We see no regression in this call by progress. The coming back of Africa does not mean going back or driving whites out of Africa. But what it means is that Africa must advance, its children progress like other European, Asian and American Nations... There are many ways to improve Africa...through education...through business...Through good behaviour...Even though we can feel the pressure from oppression, through this darkness we can see the light».

Among this group of intellectuals the watch words are still the same — revival, progress, education, self-upliftment. No noticeably different balance of Afrocentricism and Eurocentricism can be discerned.

Where a major difference lies however is in the role of tradition and ethnicity. Both Thema and Matseke represented a new generation of the African elite. Neither was closely connected to the chieftaincy. Both appear to have been brought up on white farms. Both belonged to a new post Boer war generation, to whom independent African chiefdoms were no more than a distant dream. Selope Thema expressed the view to Parliamentary Committees and elsewhere that the new elite and not the chiefs who were the leaders of African political opinion and Seme strongly attacked Thema and his ilk for claiming that the leadership of Congress belongs to the educated classes only. This did not mean however, that Thema and his associates were intent on expunging tradition or traditional identities entirely. Instead they recast narrowly parochial chiefdom based allegiances into a more widely embracing North Sotho identity. This North Sotho identity was fashioned by, and served as the political vehicle of, a new generation of the elite. They crafted their own distinctive Afrocentric response to Eurocentric conceptions and impositions. They did *this* largely through the medium of their own vernacular languages. Hence this development has gone almost entirely unobserved by those who utilized sources written exclusively in European lan-

ges. Their impact on the politics and the wider social life of the od was nonetheless immense.

On 17 June Matseke, Thema and their political allies orchestrated a political coup. After summoning a meeting of the Transvaal African Congress to discuss the revival of the TAC, they held the first election of provincial office bearers to have taken place since 1928. The TAC like the national body, had been almost wholly moribund for the previous two years. The bulk of the delegates present were urban representatives from the Johannesburg and Pretoria branches. No Transvaal chief attended. All indications suggest that there was a preponderance of North Sotho Kgatia delegates present. The meeting was thus dominated by the North Sotho elite. Makghato in a subsequent letter to *Umteteli wa Bantu* recalls his growing realization that «we are here to build a Kgatia Congress» (the Kgatia being a Tseana speaking group in the North, North Western Transvaal closely related to the Pedi) Peter Matseke, a Kgatia ex farm laborer from the Kgatia district was elected President. Thema, the Pedi ex farm laborer was voted in as *bis* deputy. Almost no Nguni speaking «Ndebele» (as the North Sotho labeled them) were elected into office. Makghato and Ms supporters refused to accept the outcome of the election. They claimed that the chiefs had not been properly notified and attacked the exclusion of non Sotho and non Tswana. They organized a rival Provincial Congress and Cabinet which was dominated by long term Xhosa, Zulu, Swazi and South Sotho Congresses on the Rand. Ironically several like Mvabasa had been long Transvaal supporters of Gumedede and the League of African People. Now the radical wing of congress in the Transvaal had split along ethnic lines.

The contestation which ensued between these different combinations of Afrocentricism and Eurocentricism paralyzed African politics in the late 1930s. As a result this period has been characterized by a state of apathy and inertia. In reality, exactly the opposite was the case. Repeated attempts at political revival and regeneration were made, cast in these different and slightly conflicting frames. All were based on the same reef of mutual incomprehension and intolerance. The factors that brought them together once again are the subject of another paper.

Мадчик подчеркивает, что черная элита в Южной Африке в этот период была значительно более сложным явлением, чем это принято считать. Она была носителем многоплановой синтезы традиционного и нового. Ее центральной идеей

была идея «Майибуйе, Африка!» — «Вернуть Африку!», в этом подразумевалось, чтобы Африка вернулась возрожденной, т.е. выдвигалась афроцентричная по сути идея африканского ренессанса.

WITCHCRAFT AND THE STATE IN SOUTH AFRICA

Johannes Harnischfeger
(Germany)

The rebellion of black South Africans against the apartheid regime has been covered in detail by western media. *One* aspect of the rebellion though has not received much attention. The activities of the rebels were not only directed against representatives of the political system, especially in rural areas many supporters of the ANC attacked and killed alleged witches as well. The witch-hunt reached its climax in the beginning of 1990, immediately after the release of Nelson Mandela (Minnaar 1992: XI, 29); but even after the ANC assumed power, witch homicides have not ceased. Especially in northern Transvaal, over the country's nine provinces, the situation is regarded as so critical that in March 1995 the regional government delegated a committee to investigate into the violence against witches as well as into the numerous ritual killings. The committee of nine was directed by Professor Ralushai, a social anthropologist and former vice-principal of the University of Venda. He was assisted by representatives of the churches, the police and judiciary — and as the only white member — a professor of law. The report they presented in 1996 lists many singular cases of persecution of witches, but does not contain exact information about the total number of homicides. Reliable data could not be obtained anyway, as the relatives of the victims usually refrain from reporting to local police stations. Black policemen, who believe in witchcraft just like the overwhelming majority of the fellow citizens, often shy away from helping those accused of witchcraft. In many cases the prosecution refused to investigate the most adolescent suspects, or it simply abandoned the legal proceedings altogether. (Ralushai 1996: 17, 57, 62)¹. The actual number of victims can be at least estimated by looking at single regions, where the persecution of witches has been examined in fairly great detail. In Lebowa for example, a former homeland in the eastern part of Transvaal, police reports state that a total of 312 people were killed between 1985 and 1995 in witchcraft-related violence. The real figures however, seem to be far higher. During one single incident alone,

3 suspects were burned. (Niehaus 1999:1) And in the 1994, right before the elections that brought the ANC to 60 supposed witches were killed here. (Minnaar it not only the murdered can be counted among the persons who narrowly escaped persecution, like those ple, who in May 1990 sought refuge in various police enda, because their houses had been burned down. 2:41)

lity for these eruptions of violence — according to the the government committee — should also fall on the legal machinery» of the old apartheid government. 96:1) The white legislators regarded witchcraft as a nary offense and tried to impose this view on the black he population. Rather than punishing the witches, all ed to defend themselves against witches were threatened n sentences: the socalled witch-doctors, who can «smell as well as ordinary citizens, who accused others of addition to everyone who used violence against alleged he Africans are barred by law from acting against the ches in a legal, official manner, it should come as no i outraged villagers take the law into their own hands, hundreds of suspects burned or stoned to death. The visages only *one* solution in this complicated situation: other countries of Subsahara-Africa, the judiciary should witchcraft as a criminal offense, which can be prose- nary courts and punished with prison sentences of up to (Kalushai 1996:55) Thus, mob justice, with its tendency ssive and arbitrary violence, could be replaced by legal which would protect the rights of the accused in a better

Jurisdiction

critics legitimately reproach the present jurisdiction of . When in 1895 British Colonial officials in Cape Town (the original version of the current law, they followed own sense of justice, without consulting the indigenious but the policy of spreading their own standards of civility part of the empire could not be implemented straight quickly clashed with practical requirements of colonial n. Having to maintain law and order in the conquered ith a minimum of personal and financial resources, it able to keep the given systems of rule. Chiefs and kings d the souveraniry of the British Crown, remained in their

offices and in most cases so-called tribal courts and tradition stayed with them. In some parts of the Empire, as in northern for example, the British authorities adopted the sharia and em until the 1950s. Even Christians and adherents of traditional had to comply with Islamic customs and were sentenced according to its law. Nevertheless the European conquerers were not prepared to tolerate what they regarded as 'barbarous' punishment, especially torture and mutilation, but also the punishing of witches. (Oyal 1991:156) Their own witch-hunts almost 200 years back appear as an incomprehensible aberration of justice, which was not repeated by a modern administration.

From the perspective of Africans, however, the modern, «enacted» legislation presented itself as a perversion of justice. In colonial Africa witches had been expelled frequently or sold into slavery, occasionally wrapped into leaves of grass or banana and burned alive. Or they had been simply forced to pay compensation for the caused damage. All these sanctions were now declared obsolete and threatened with long prison sentences. As a result, victims got the impression they were subjected defenselessly to the pursuits of witches and sorcerers. From their point of view it was completely incomprehensible why the Europeans were particularly eager to protect the most dangerous villains. There is hardly any other regulation that caused more damage to the reputation of colonial authorities, questioning their claim to legitimacy. Already in the early years British district officers, who were confronted with the consequences of the controversial legislation, warned against violently suppressing a tradition centuries old. According to their experience, such a policy was politically unwise and morally reprehensible. (Melland 1935:495; Roberts 1935:490) How could it be justified to imprison people for 10 or 20 years, who felt they were completely innocent, and even were regarded as such by their fellow citizens? To avoid getting entangled in unnecessary conflicts many colonial officials silently tolerated witch trials conducted by «traditional» courts. The civil servants responsible did not even try to intervene, when prophets or healers immunized whole villages by purification rites against witchcraft or else traced suspects during their campaigns and forced them to confess. (Fields 1982:585) In exceptional cases «tribal» courts were even authorized officially to hear charges of witchcraft. (Shaper 1975:109-110) There are reasonable arguments to justify this inconsistent attitude — one could also say: this pragmatism. A legal solution for the problem did not seem to be urgent, as most outside observers expected that the faith in occult powers would decline as soon as Christianity, modern science and health care

ained a foothold in African societies. (Macvicar 1939:20; Wilson 1971:48-49) But exactly this assumption proved to be erroneous. From almost all parts of Black Africa, there are reports about an increasing fear of witches and sorcerers. Already in the late 50ies, when the colonial administration declined, the departing Europeans witnessed a revival of traditional forms of jurisdiction. In the Belgian Congo, for instance, a wave of violence preceded political independence. Suspected witches and sorcerers were forced to undergo a poison oracle by which hundreds of people were killed. (Douglas 1978:141)

Similar to other former British colonies the South African police and judiciary have not strictly complied with the legal regulations. In principle, it is already a punishable offense to accuse others of witchcraft, but only in a very few cases did the courts insist on a legal trial. (Niehaus 1999:303) When it comes to charges of murder against witchhunters, the courts were more willing to prosecute, but even in those cases white judges accepted the fear of witchcraft as an extenuating circumstance, so that the sentences were often rather lenient. In 1991 for example a group of six people, who had executed four supposed witches, was sentenced to imprisonment of five years each, but this verdict was suspended immediately and converted into 100 hours of community work. (Niehaus 1999:304f)

Moreover: to allay the fears of the population, the authorities not only prosecute people hunting witches, but also those who spread fear with allusions to their personal magic skills. People threatening to bewitch others, or giving the impression that they perform malicious forms of magic, have to face imprisonment for up to five years. But so far the authorities have refused to indict those against whom nothing else could be lodged but suspicions of neighbors or the verdict of witch-doctors. Many Africans therefore accuse the authorities of passivity in the face of menacing witches and of even preventing a suitable punishment: «We blacks have witches but when we go to the police to complain that the witches are eating us in the night, the police want to see the pots which they have cooked us in. The witches are happy because the police support them». (quoted in Radler 1996:106)

A New Bill

Even African intellectuals reproach the state for not prosecuting witches. In the new South Africa with its black government there could be the opportunity to leave behind the European legacy, and judge Africans by African norms. Such a reform, however, is not meant to encourage the persecution of witches. According to the bill

as recommended by the government commission, it shall remain a criminal offence to accuse others of witchcraft. The only difference is that a condition has been inserted in the respective paragraph of the current law: accusations of witchcraft are illegal, if there are no reasonable reasons for them. «Any person who — without any reasonable or identifiable cause (...) indicates any other person as wizard or witch shall be guilty of an offence» (Ralushai 1996:54-55). This revision of the law makes sense only if one assumes that witches really exist. And the commission indeed refers to authorities like the professor of Theology John S. Mbiti or the social anthropologist Chavunduka in order to substantiate their claim that witchcraft is not only a means but also an imaginary offense: «no one can now argue that witchcraft is a myth which can only exist in the minds of the ignorant». (Ralushai 1996:56; see also 61).² Following this premise, it seems only consistent to suggest the punishment of witches: «A person who (...) does any act which creates a reasonable suspicion that he is engaged in the practice of witchcraft (...) shall be guilty of an offence and liable on conviction (...) to imprisonment for a period not exceeding four years» (Ralushai 1996:54-55).

There are well-founded reasons for the suggested africanization of legislation. As long as the people's personal sense of justice and their state-imposed law diverge that far, nobody can expect them to gain confidence in the institutions of a democratic state. And as long as the authorities do not regard the people's fears as serious, they encourage the persecution of witches by illegal methods. If on the other hand the state will take up the prosecution, there is reason to hope that the due course of justice may prevent the lynching of suspects. People, who saw no other way but turning against witches on their own, could in the future rely on police and judiciary to deal with the problem, and deport convicted witches or imprison them. Despite these advantages some reservations against the bill have to be conveyed.

If state authorities sanction the belief in occult powers, there will be little prospect that accusations against witches may gradually abate in the long run. It cannot even be taken for granted that arbitrary attacks on suspects would cease, because persons who are convinced that they have been bewitched, would not accept that the culprits may be acquitted by the authorities. It could easily be suspected, that the witches managed to manipulate the court, or even worse: that they are secretly in league with the judge. Rumors of witches and sorcerers having developed magical techniques in order to protect themselves from discernment have already been circulating for a long time. (Krige 1975:245)

Arbitrary conviction can be anticipated, as there are no reliable means to establish the guilt of an accused. The essence of witchcraft is exactly that it happens in obscurity, with the assistance of supernatural forces. Almost every Zulu, Xhosa or Venda in South Africa knows, that witches have the power to send lightning, killing the livestock on the pasture, or burning entire houses including the inhabitants. But how can it be ascertained, that it was exactly the accused person, who caused the fatal lightning? And how does a plaintiff hope to prove that a malicious neighbor «sent» him a disease or a grave accident? Given these difficulties, the report of the investigating committee states plainly, that it is basically impossible to prove witchcraft: «The most vexing problem surrounding witchcraft is that the activities of a witch cannot be witnessed by naked eyes. This means that one cannot be in a position to say that a witch has done this and that». (Ralushai 1996:57) In view of these difficulties it cannot be accidental, that the three hundred pages of the report do not mention anywhere, how an offense can be proved, which shall be punished with up to four years of imprisonment. If the state should insist, despite these basic uncertainties, to sentence alleged witches, integral principles of the western judicial system would be abandoned. (Ashforth 1998:531) Instead of concrete proof — either circumstantial evidence, traces of the crime or direct observations of witnesses — convictions would be based on speculations which are principally disputable. There is by no means any consensus on what sort of crimes witches may perpetrate.³ Professor Chavunduka, who advised the governmental committee, assumes that magic techniques will work «without actual physical contact» (1982:16) in causing harm to persons and objects. He considers it unlikely though, that witches fly at night: «that they keep hyenas for riding on their night excursions may be a myth» (16). But it seems that he is not completely certain in this matter. And if experts like Chavunduka cannot reach a conclusion, how are judges supposed to decide? Shall they believe a plaintiff, who assures them the accused person has reached the scene of the crime in guise of an owl or a bat?

It seems to be less difficult to make a fair judgement, when judges do not have to deal with witches in a strict sense, but with sorcerers, that is persons, who do not carry supernatural powers in themselves, but have simply learned to use magical objects or techniques. A person feeling pursued by sorcerers may be in a position to produce concrete evidence of the aggression directed against him: e.g. fetishes having been buried under his door, or hidden in his house. It is still questionable though, what those objects could prove. Is a bunch of magic herbs a love conjure, aimed at regaining the affection of an

unfaithful husband? Or is it intended to harm or kill him? (Schap 1975:109) Ordinary judges would never be able to determine what power those fetishes possess; in cases of doubt they would have to rely on the statements of other sorcerers.

As witch trials encourage arbitrary judgements, there is a danger of misusing them for personal vendettas. To denounce people as witches and drag them before a court may turn into a convenient means of intimidating one's political rivals or private foes. As the experiences in other African countries suggests, it is usually the local elite who, through their good relations with judges, police and other officials, profits from this. Let us examine briefly, what consequences the persecution of witches through the state had in other African countries.

Witch Trials in Cameroun

Like in other African regions the increase of witchcraft accusations is a modern phenomenon, closely related to the decline of the moral economy and the widening gulf between rich and poor. Businessmen and politicians, who have become wealthy in the urban centers, are easily suspected to have pursued their careers with the help of ritual murders and other obscure methods. And vice versa: their impoverished relatives or neighbors, who have stayed in the villages, are also accused of witchcraft. Since they have not amounted to anything, one assumes that they watch the success of their affluent relatives with an evil eye, and — driven by envy and resentment — try to destroy them. To escape this vicious circle of mutual accusations many of the persons affected call for the state to intervene, where village communities cannot solve their own conflicts any longer. But as a study of court documents shows: state authorities do not act as neutral and independent agencies. The persons they convict are almost exclusively impoverished or marginal people. It is also striking, that in none of the examined cases (where witches were imprisoned for up to ten years) definite evidence was available. (Geschiere 1997:172) The convictions were often based on the statement of a single witch doctor, who established with the help of magical techniques, that the defendant was guilty. And in a few cases the accused could be persuaded to confess. A 20-year-old student for example declared to have entered the house of a village teacher by witchcraft. Together with three other defendants they had operated on the victim, removed his heart and then ate it. Since then, the teacher was living without his heart. The other three defendants disputed this story, but to no avail. The judge determined that the leader of the group, as well as the accomplices,

to «mislead the tribunal with his vain and ridiculous (Geschiere 1997:174) Therefore the accused were sen- prison for up to five years, and even the court of appeal in 's capital confirmed this verdict.

judges have to try offences, committed in an invisible is fashion, they hardly have a choice but to consult ritual who claim to identify witches. In this way, traditional heal- ers and witch-doctors gain a crucial function in administere- e: as intermediaries between judges and the local population trol the access to courts. Only plaintiffs who can gain the of an influential witch-finder will have a chance to succeed r charges of witchcraft. Such backing, however, is not for tchdoctors sell their services to the highest bidder. As a nce, it is almost exclusively the local big men — that is rich teachers, party politicians or businessmen, — who make use trials to terrorize their opponents. (Geschiere 1997:114, 170,

Youth Rebellion in South Africa

outh Africa the persecution of witches is also connected to arrels about influence and political power. But here it is not a ed elite, in alliance with the state and traditional healers, who ; the persecution of witches. The initiative has rather been ince the mid-80ies, by younger people: activists of the anti- id movement, members of the ANC Youth League, pupils — dents — councils. From their point of view the elimination of ; was part of the black emancipation movement. The victims were mostly elderly women in their sixties, who succumbed sly to their persecutors — usually young men between 16 and rs old.⁴ The conflict between the generations can only be ood, considering that the revolt against the apartheid regime om its very beginning the characteristics of a youth rebellion. y 1987:310) It was not only directed against white representa- of the system, but also against the authority of their own par- who were accused of having arranged themselves with the e out of fear or opportunism. After decades of silence and oration only the younger generation, prepared for complete dience, could claim a leading role in the liberation struggle. ig in Soweto and other black metropolitan centers, the revolu- y message was carried into the rural areas, and especially in the lands it was eagerly picked up. Each form of authority had been ing here. While many adults, especially the men, where work- ; migrant laborers on white farms or in the mines, the children

and adolescents were raised by single mothers or grandparents. In Lebowa for example 72% of the total population were less than 20 years old. (Niehaus 1999:242) In addition, the political authorities were instable and thoroughly discredited. The apartheid regime had urged most of the homelands to declare themselves independent. Their presidents and kings acted like sovereign rulers, decorating themselves with the insignia of traditional power. But everyone knew that they owed their offices to nothing but the calculations of white politicians. As they were never subjected to democratic control, nothing stopped them from harassing their own population. Chiefs would for instance operate their own toll gates, in order to extort money from passers-by.

Against such arbitrary use of power resistance could easily be roused. Some of the chiefs had to flee their districts in the mid-80ies; others could only appear in public together with their body-guards. Since the uprising was mainly supported by students or jobless school-leavers the attacks were also directed against educational authorities. Unpopular school principals and teachers were expelled, supposed collaborators, police informants and other «political undesirables» were physically attacked. In the end whole schools had to be closed and the remaining institutions were controlled by student councils. As one of their first measures, the new leadership ordered to abolish the harsh disciplinary punishments; but after some time the activists came to the conclusion that one had to take vigorous action against counterrevolutionary elements. Students who refused to attend political meetings or disregarded the orders of the new authorities had to face corporal punishment again. And yet another offense was punishable: «speaking ill of the organisation» (Delius 1996:190).

Even outside the schools, in most of the settlements, rebels dominated public life. Armed youths patrolled the streets, they kidnapped buses and taxis, threatened store owners and regularly extorted «donations» of money or food from them. When protests lay ahead, groups of adolescents went from house to house and forced the adults to join them. Especially evening assemblies girls had to attend as well: «They would come into the house and tell us we should go. They didn't ask your mother they just said 'come let's go'. You would just have to go with them. They would threaten you with their belts and ultimately you would think that if you refused, they would beat you. Our parents were afraid of them» (quoted by Delius 1996:189). All those opposing the wishes of the young men were reminded, that it was every woman's obligation to give birth to new «soldiers», in order to replace those warriors killed in the liberation struggle. The

safe because I told my Comrades to stop burning them». (Niehaus 1999:265) Some analysts even assume, that a political leadership did not even believe in witches, but exploited the superstitions of the population. (Minnaar 1992:24) The mass killings of elderly, mostly impoverished men and women would therefore be nothing but a cynically chosen instrument to achieve completely different political goals.

But this interpretation has to be considered with some doubt. A detailed study, which tried to reconstruct more than 300 cases of witchcraft in Green Valley, a village in Lebowa, the author did not find any evidence that the witchcraft accusations by ANC supporters were aimed against political opponents. (Niehaus 1993:52) Those affected were mostly persons, who, even according to the judgement of other observers, had shown suspiciously aggressive and antisocial behaviour. The majority of the population therefore would not have approved of the actions against witches in principle, but many complaints about the arbitrary conduct of the persecutors were heard. (Niehaus 1999:274; Peltzer 1999:2) Obviously the adolescents actually try to identify the guilty persons, and for this purpose they often accepted lists with the names of suspects from their parents and other adults. (Minnaar 1992:24) There are therefore numerous arguments for taking the statement of the activists seriously, that they wanted to liberate their villages from the influence of demonic powers. They seemed to be «totally convinced that by witchhunting they are advancing the national democratic struggle» (Weekly Mail and Guardian March 23rd, 1990; quoted by Minnaar 1992:40)

For outsiders it may seem strange, that in the moment of revolution with the long anticipated freedom within reach, a wave of violence should be directed against the most helpless members of society. One of the reasons is certainly, that the teenage killers could count on escaping prosecution since the authority of the state was largely eroded. Even more important may be another aspect: with the end of apartheid a new age, connected with inflated millenaristic expectations, seemed to be imminent. The rebels dreamed of a radical inversion of the established order, of a world in which all wealth would be poured upon Africans while the whites would be forced to work as subordinates for the blacks. (Niehaus 1999:108,128-135) In connection with this utopian order stood the hope of a renaissance of African culture: «With the unbanning of political parties and the release of Nelson Mandela from prison, many people experienced a sense of cultural freedom, including the punishment of witches in a typically African way. This was regarded as reaffirmation of African culture after centuries of colonial and Western suppression». (Dolar

1996:347) The future system, for which the rebels fought, was basically a world without witches and sorcerers. Especially in the homelands, with their impoverished, overpopulated communities, torn by inner conflicts, nothing seemed to be more urgent than the attempt to clean themselves from envy and resentment. Only the extinction of all evil, antisocial elements would create the preconditions for a morally purified society. (Niehaus 1999:254) The utopian vision of a harmonious world was thus based on an act of expulsion: all dissonances could be overcome, if men's diffuse omnipresent aggression could be directed against a common enemy in which all evil, detestable forces were personified.

Essential for this process of self-purification was the idea, that the suppressed masses would constitute a moral community *under the leadership of the youths*. In the past, councils of elders and chiefs had carried the responsibility for the welfare of the community. But after their parents' and grandparents' failure in fighting the apartheid regime the young men claimed all authority for themselves. For mature, prudent men it was a humbling experience to be pushed around and commanded by teenagers. Not only their status was ignored, they were also summoned in front of so-called people's courts in order to be sentenced by 16- or 17-year old kids. In their ambition to effect a radical break with the past, the youthful judges did not hesitate to interfere even with intimate affairs. An adult man, for instance, was ordered to stay at home with his family in the evenings after 7 pm, otherwise he would be whipped by the comrades. The revolutionaries also did not accept divorces and ordered estranged couples to stay together. From the point of view of adolescents, who had grown up in fragmented families of migrants, it seemed to be part of the social renewal to create a sound family world by decree. (Delius 1996:190)

Measured by African traditions the presumptuous behaviour of the youth was a tremendous provocation. They had occupied social ranks, which so far only elders were entitled to fill, and consequently had to find legitimacy for their disputed form of authority. In the past the respect of chiefs and elders had been based on their ability to protect the community from internal and external enemies. The young rebels now claimed to play exactly this role by taking up the persecution of witches. (Stadler 1996:88) May be their decision was also based on the calculation, that party politics and revolutionary slogans would not be sufficient for mobilizing the population. Witch-hunts on the other hand seemed to be a common cause for which one could expect broad-based support. (Niehaus 1993:527) The youths were assisted in their campaign by a general perception that witch-

craft was out of control. Many held the apartheid regime responsible for it, because the white government in Pretoria seemed to persecute witches actively. And their black governors in the homelands openly accused of clinging to power by obscure, magical means. In the summer of 1989, students of the University of Venda disrupted their classes in order to protest against cases of ritual murder allegedly perpetrated by the government. The following year, 3- and 10,000 demonstrators marched against the president in Venda and presented a human skull, which was discovered, they claimed — as a relic of ritual killing. (Minnaar 1992:37) Such attempts to link political enemies with occult practices can simply be dismissed as political propaganda. In Venda — as well as in Lesotho, Swaziland etc. — there is a long tradition of people to produce exceptionally effective forms of «medicine» using parts of their corpses. Already in precolonial times kings and chiefs had claimed the privilege to use those medicines in their fights against powerful rivals. (Evans 1993:27; Booth 1992:266-271) Among modern successors in the homelands, who were engaged in a competition for power and wealth, the use of «witch medicine» appeared to be wide-spread. As more and more incriminating evidence emerged, the government of Venda finally had to give in to public pressure: one member of the cabinet and some other official persons were put on trial for ritual murder and received death sentences. (Ralushai 1996:272; Minnaar 1992:37-39)⁵

Fighting against such gruesome practices was supposed to be the task of the rural communities. The political activists therefore took care that, if possible, everybody took part in the witchhunts. Young men went from house to house collecting «donations» of thousands of Rands to be spent on witch doctors, who were supposed to identify and kill witches. Or they collected ransom money to put up bail for comrades arrested for killing witches. (Minnaar 1998:192; Ralushai 1996:31, 50) Even when it came to militant action, such as the execution of witches, the adults were urged to participate. Parents and political activists for example had to carry rocks, with which the victims were stoned. (Minnaar 1992:24) And young women, who otherwise rarely took part in political operations, were forced to collect firewood to burn gasoline down their mother's throats, having to put tires around their mothers' necks and set them afire with their own hands. (Delius 1996:198) Like this the initiators of the violence clearly wanted to prevent a vicious circle of blood revenge: sons, who executed their mothers, cannot hold others responsible for homicide.

the ruthless fight against witches the adolescents wanted to circle of mutual suspicions forever. Only when nobody had instruments to harm others, would people be able to trust her again and start creating a common future: The «youth had to bring 'real freedom' (...) saying that there would be no left in the new South Africa» (quoted by Delius 1996:211). attempt to overcome the nightmare of fear, hate and envy was to fail, because the activists did not fight the *belief* in but the witches themselves. Their persecution of social did not unify the village communities, but stirred whole and clans against each other. Each homicide left a group of sized relatives, who desperately disputed any accusations the victim. In their helplessness they appealed to supreme functionaries to stop the killings, or they turned to the police — without results. In the end there were no impartial agencies which they could expect justice. Whoever sought revenge, had with it by himself. For this reason militias were formed, trying to the terror of the youths by picking out individual opponents executing them. (Niehaus 1999:251)

order to understand why some families fiercely fought accusations of witchcraft against their relatives, we have to take into consideration that according to common belief witchcraft is hereditary in mother's line. As soon as a person is denounced as a witch, the immediate relatives become suspects as well. Because you cannot deny anyone of that family, many argue in favor of extinguishing the group of potential witches, including the children: «All snakes are the same, whether small or big». (quoted by Ralushai 1996:16)⁶

interventions of the ANC leadership

The reaction by leading ANC politicians, when commenting on archaic violence of the youths, was ambivalent. In the beginning 1990, immediately after the legalization of radical oppositional politics, Winnie Mandela and Chris Hanu travelled through the crisis in Transvaal and praised the rebels for making the homelands unmanageable. (Minnar 1992:50) The militancy of the young activists strengthened the ANC functionaries' path to power: first to the negotiable with the white government, then into ministerial posts and state offices. Therefore it was absolutely in their interest, that the spark of the revolt went around the world. All forms of collective violence — be it arson attacks, school boycotts or the plundering of — were regarded as part of a common struggle, for which the party claimed responsibility. The party leaders always declared to be responsible for all of the rebellious crowds; the truth was, that even after

many of them had returned from exile, they had little influence among angry young men in the townships. The phrase «ANC's liberation struggle» was rather misleading as it covered up for the different interests, articulating themselves in strikes, boycotts and mass militancy. The party functionaries were mainly interested in convincing the Western-European and US-American public, that the ANC was trying to create a modern, liberal democracy — acceptable for all parts of the population, black and white alike. With a public commitment to human rights, separation of powers and racial tolerance, Nelson Mandela and other speakers of the party presented themselves as responsible politicians, who followed the tradition of European enlightenment. The witchhunts did not fit this portrayal of the ANC. When journalists first reported the lynching of ANC leaders (as well as human right advocates and other supporters of the ANC) denied any connection with their organizations: the murders were rather initiated by witch doctors and other traditionalists. (Delius 1996:192) Later, when the executions began to increase, ANC cadres appealed to the youth not to contact acts of arbitrary violence: the burning of witches was declared a grave mistake, because it «diverted the struggle from the real enemy» (Niehaus 1999:257). A functionary of the ANC Women's League, who condemned the atrocities in a radio program, even stated that she did not believe in witches. But in a private interview she admitted not having spoken her true opinion. Rather she had wanted to prevent an escalation of violence. (Niehaus 1999:274)

Western media, when reporting on the rebellion against apartheid, usually followed the public declarations of ANC leaders. Everything incongruent to these declarations — the murder of political dissidents as well as the images of burning witches — was usually left out. For a long time it was not even possible to talk about the ethnic-cultural traditions, which influenced the thoughts and actions of the township rebels. «During the years of struggle (...) it became practically impossible to speak or write of social difference other than the obvious differences of rich and poor, oppressor and oppressed. Reference to other forms of difference — be they 'cultural', 'social', or, more especially, 'ethnic' — would be condemned as pandering to the purveyors of apartheid». (Ashforth 1996:1189; McAllister and Sherrin 1993) But the motivations of the rebels can not be understood by looking exclusively at the public self-portrayal of their political representatives: «the understanding of the objectives of organization and action was almost as diverse as the membership and evolved according to local experience and circumstance. And a particular danger for analysts in this instance — as in many others — is

empt to read off popular consciousness from the pronouncements and subsequent reflections of the most articulate leaders». (Delius 1996:187)

Besides the considerations of the Western public there is another reason why the ANC leadership attempted to distance themselves — at least partially — from the rioting youth. From 1990 onwards, when it became clear, that the ANC would dominate the future government, more and more chiefs and civil servants in the homelands tried to join the ranks of the freedom-fighters. The party functionaries appreciated this increase in support, because in negotiations with the white government the ANC acted as advocate for all blacks, trying to present a united front against the apartheid regime. That is why Nelson Mandela sought the alliance with representatives of the homeland-establishment, who had been considered traitors in the eyes of the young ANC followers. Now, at joint public appearances, he did not want to remind of the bitter rivalries in the past. Instead he called a common struggle, which had never existed: «chiefs had a long and proud history of association with the ANC» (quoted by Delius 1996:207).

After the political transition in 1994 close contacts with the new political elite have become even more important for chiefs, local politicians and businessmen. Many of those who had once sided with the apartheid regime are today members of the governing party. The role of the freedom-fighters on the other hand lost their influence. Their political activity is no longer needed, because under the new, black government it is not considered heroic any more to boycott schools, or to destroy state property.

The Rehabilitation of Traditional Healers

After the years of rebellion with their uncontrollable violence the government wants to direct the persecution of witches into controllable channels. A new bill has not been presented to parliament yet, but the ANC leadership organized a conference on the subject of witchcraft and ritual killings in September 1998, at which the delegates approved most of the suggestions of the Ralushai-Commission. (Natal Post, 11.9.98) If the courts do take over the prosecution of witchcraft cases, it can be expected, that — like in Cameroun — ritual experts will retain influence on the criminal proceedings. The report of the Ralushai-Commission does not actually mention, which experts the courts shall consult; but together with the new Witchcraft Control Act an additional law is suggested, which is supposed to officially recognize the status of traditional healers (among whom witch hunters can be counted). Such a reform is considered necessary,

because former legislators failed «to draw a clear line between called witch, the sorcerer, and the witchfinder». (Ralushai 1996)

Critics of the old, colonial legislation have — for a long time — reproached the Europeans for demonizing all kinds of African magic and punishing them indiscriminately. Like this, the positive for magic, existing side by side with witchcraft and malicious magic, gone by unnoticed. Especially the so-called witchdoctors show themselves exempted from the usual prejudices, as they see their responsibility in protecting their fellow people from pernicious influences: «Confronted with the powers of good, they were working against what they believed to be the powers of evil» (Davidson 1978:147).

The government commission certainly knows, that traditional healers and especially witch-doctors are often suspected of being witches themselves. Court documents show for example their involvement in many ritual killings. On their advice clients try to cut up parts of corpses in order to produce special «medicine». (Ralushai 1996:48, 256, 269, 271) One could object, that those cases are only individual aberrations, which do not support anything about the whole profession sees its vocation. «Genuine» traditional healers, as Simeon Mesaki says (1995:174) — would reject such unscrupulous methods, because they understand themselves as spiritual guardians of the community. But the problem is less one of personal integrity. The crucial point is, that the powers used by healers are themselves ambivalent. They can heal or kill. Especially witchcraft experts are expected to possess in principle the same abilities as their opponents. How else are they supposed to break the power of witches and sorcerers? (Geschiere 1997:64, 196) The distinction between good and evil in this struggle of occult power is mainly a question of perspective. Everybody involved has to protect himself from the aggression of others, and, if possible, gain influence on his opponents, that is to weaken and ultimately destroy them. Since the power of magic can be used for the most different purposes, it becomes almost impossible to draw a clear line between healers and witches: «'professional witches' are virtually indistinguishable from legitimate *inyangas*. Anyone can go to them and purchase deadly herbal weapons». (Ashforth 1998:518)

The government commission ignores all those reservations, and they suggest acknowledging traditional healers officially and organizing them in one national association. It would be the responsibility of this organization to verify whether the candidates possess «sufficient skill» in order to practice in the field of magic. (Ralushai 1996:75) Whoever obtained membership could then call himself a healer, depending on the respective specialisation — «registered healer».

red spirit medium». But the professional association would have to pay attention to root out quackery in their own persons who turn out to be «grossly incompetent» would lose license and with it the privilege to practice. (Ralushai 1996:76) The crucial question would be, how the professional qualification of a spirit medium or a witch-doctor can be established. In order to judge the competence of their members, the association would have to agree on generally accepted standards and a «code of ethics». (Ralushai 1996:49) It is however an illusion to believe, that the world of the occult could reach an agreement determining which rituals or magic formulas are effective and how they are to be used. Local associations of healers which already exist seem to be caught in endless quarrels and «mud-slinging». (Ralushai 1999:49) Members usually practice in obscurity and keep their precious knowledge to themselves, making it impossible to establish an effective control. In addition, it is more disputed today than in pre-colonial times, which magical techniques are legitimate and which are not. Christian healers, who claim the right to identify and defeat evil spirits as well, usually confine themselves to expelling evil influences with prayers, laying on of hands or unction with oil and holy water. From their point of view all other magical or religious practices are diabolic. Therefore it can be foreseen that many followers of traditional churches would not accept it, if South Africa's courts follow the verdicts of «heathen» witchdoctors. (Niehaus 1999:314) The possibility of cooperation between state institutions and ritual experts is problematic for yet another reason. It could lead to an increasing association of state representatives with occult powers. Today now many South Africans have the impression that the authority of the political caste is founded in obscure, spiritual forces, especially if talking about white politicians or their ANC successors. (Ralushai 1996:184) This view reflects the experience, that only a small minority of former freedom fighters managed to gain from the post-apartheid transition, while the large majority still finds itself excluded from the arcana of power. It seems as if the really important decisions are made in exclusive circles, to which one only would gain access through secret, esoteric means. The authority of politicians is therefore not really based in democratically founded institutions or in the will of the people. Whoever will rise into supreme political offices and will not know how to defend himself against his rivals, seems to have the necessary spiritual protection at his disposal. In other African statesmen encourage such speculations by surrounding themselves with diviners, sorcerers or islamic marabouts. The aura of occult or cultic power serves not at least to intimidate their own

population and in particular the opposition. (Ellis and 1998:189; Kohnert 1997:40-45) Similar developments could occur in South Africa, if it is correct what Peter Geschiere (1997) predicts: that with the africanization of the state, rumors about witchcraft will penetrate into the heart of political institutions.

Africanization

In order to justify their draft of a Witchcraft Control Act, the government commission calls on the tradition of the country: «Our forefathers regarded witchcraft as an integral part of our lives». (Ralushai 1996:13) With those forefathers, whose cultural self-definition is supposed to be relevant for future legislation, only Africans are meant here. The Europeans, who have lived at the Cape for more than 300 years, are, without mentioning it explicitly, excluded from the collective «we». In a different place the government reports on the own premises even more clearly: «The African (...) implicitly in witches, indeed his very society approves of the punishment for witches». (Ralushai 1996:269) What is remarkable in this formulation is the use of the singular, as if there were only one thing as *the* model African and *his* society. From an academic point of view such an expression does not make any sense, because among Africans one can find, like anywhere else in the world, believers as well as non-believers. And even looking into the past, one encounters African cultures where witchcraft was apparently of little relevance. (Jones 1970:325) The reference to «the African» makes sense only in a political context, where group identities have to be constructed. In this belief in witchcraft then appears to be an essential characteristic of African identity, as an integral part of a common cultural heritage which links all Africans with each other and sets them apart from the world of the Europeans. (Niehaus 1999:299) The moment one's self-definition is determined that way, it only seems consistent to view a legislation coined by Europeans, condemning every form of accusation of witchcraft, as an «insult» to one's own culture. (South African News, 19.1.86)

The discussion around the Witchcraft Control Act shows, that it is an illusion to believe, that Europeans and Africans could agree on general legal and moral principles. What has been held up by the Western world as universally valid norms are only their own culturally determined ideas. As soon as members of other cultures claim their traditions, it would seem impossible to administer life in multicultural societies by common legislation. In South Africa the attempt to revive the «African» heritage is an especially delicate matter. During the negotiations about a peaceful transition, when the

of a new, non-racist constitution was to be laid, the ANC had adhered to principles of Western law. The plea for human rights liberal constitutional principles was a pivotal element of the party's strategy since the end of the 80ies: not only in order to find political and financial support abroad in Western countries, but also to be accepted by the apartheid government as a partner in negotiations. ANC leaders of the liberation movement had come to realize at latest after the Harare Declaration in 1989, that the white supremacy would be overthrown by military means. Especially the revolts in the 1970s, with their thousands of casualties had made it clear to all those involved, that only negotiations could bring an end to apartheid. (Mee 1995:85; Friedman 1995:548) But the regime would only make concessions, when important parts of the white population demanded to press for an end of race segregation. Political groups like the Africanist Congress, who strictly maintained their claim for «Black Power», would not have been able to break down the solidarity between Europeans. The ANC, by contrast, formulated a policy of «non-racialism», in order to convince the privileged parts of the population, that there was an acceptable alternative for them to the apartheid regime. In all their talks with the white establishment, with trade unionists and church representatives, business executives and farmers, the ANC leaders tried to communicate their central message as clearly as possible: that even under a black government, legislative principles like the ones established in Western-Europe and North-America would remain valid.

Now, two or three years after the political transition, as the ANC does not feel obliged to show consideration for the European minority anymore, there is talk about the Africanization of the country. The concept of a «rainbow-nation», with its precarious multi-racial co-existence, is questioned. In an ANC strategy paper from 1997 the party is called for a «continuing battle to assert African identity (...). It is debatable whether the popular imagery of a 'rainbow nation' is useful in this respect. (...) it used to express the heterogeneity of South African society as one made up of black Africans who pay allegiance to Africa, whites who pay allegiance to Europe, Indians who pay allegiance to India» (ANC 1997: Thesis 7). Whites are not expected to abandon their close ties to Europe. It is disputed among ANC supporters though, how far the Western culture should be pushed back. Representatives of the Africanist wing claim that the Africanization of the country demands a far-reaching psychological change among all parts of the population. Especially the Whites, if they want to remain in South Africa, have to part from their ideological ties to Europe, so that they can assimilate without reservations to

the African culture of the country: «that will lead to the genuine liberation of the Whites and Blacks in this part of the continent. For the Whites it will *unchain* and *decouple* them from their romanticism, the preoccupation with Europe as the source of ideas and values and finally bond them permanently to Africa» (Makgoba 1996:180).⁷

But until now it remains unclear, how far the European law will comply with African ideas of legislation. The Ralushai Commission for example avoids the question, if its suggestion for a new witchcraft act shall affect whites as well. Specialists say, that the law should only prosecute, where the fear of witches has especially destructive results, that is in Venda and other parts of Transkei, maybe in Zululand and Transkei. For the citizens of South Africa different legislations would exist again, like in the times of apartheid. Another disadvantage would be that the rights of ethnic minorities would remain unclear: would it be possible to indict Europeans, who live or work in Venda, of witchcraft? Or should it be declared by law that there are no witches among whites? This question may sound a bit hypothetical, because Europeans so far were rarely suspected to be witches. (Niehaus 1996:106-111) Other minorities however, like the Indians, often attract suspicion. There are frequent accusations against Indians selling human fat, with which black sorcerers then produce 'medicine'. (Ralushai 1996:24, 26) In Livingstone, a city upon the Zambezi, Indian businessmen were chased by an angry mob, because of rumors, that in one of their shops the heart of a child and other body parts had been discovered. (Guardian, 21.11.95)

In discussions with jurists and social scientists one gets the impression, that nobody can offer a convincing solution for the problem. Even critics of the government commission have to admit, that they are at a loss on how to prevent the persecution of innocent people. The existing regulation is certainly unsatisfactory, because it subjects the majority of the population to foreign European standards of jurisdiction. But the objections against the new bill are substantial as well: if the state convicted supposed witches, it would affirm that the monstrous accusations against them are well-founded. (Gesché 1997:21) And further: the suggested law would not only introduce a new offense, that of witchcraft, but also question long established principles of the present Western-based legal system, especially where the admission of evidence is concerned. How can a defendant prove his innocence if a «reasonable suspicion» (Ralushai 1996:5) is accepted as sufficient ground for a conviction? These risks of new legislation would be easier to put up with, if there were the prospect that beliefs in occult powers might fade away with time.

of Western education. But there is little indication for it. The persecution against witches started to escalate after the school leavers' residential areas had been extended massively. In 1970 there were only 122.000 Africans attending secondary schools; later the number had increased to a million. (Bundy 1996:187) It is also remarkable that those who took part in witch hunts were primarily students of secondary schools, sometimes under the supervision of young teachers or civil servants. Illiterates or people with only a rudimentary school education on the other hand were excluded. (Delius 1996:187)

In the hope remains, that the persecution of witches is remote in rural areas. From Soweto, the center of urban black townships, it is reported that the inhabitants are more and more concerned about the supposed increase of witchcraft.⁸ Voices demanding state intervention of the state multiply: each quarter — one ward — should elect a committee of traditional healers, in cooperation with the police had the task «to oversee the elimination» of witches. (Ashforth 1998:523) The mayor explained, that for her witchcraft presented indeed «the problem»; but the administration could not do much about it, because the existing law would restrict their abilities to act. (Ashforth 1998:523) A traditional healer practicing in Soweto, expressed those concerns a bit more crudely: in the days of king Shaka one simply persecuted witches. «Now they have these human rights, so you can't just persecute them». (quoted by Ashforth 1998:523).

A German version of this paper has been published in *Anthropos*, 99-112.

The final report also assumes, that local police authorities have not made available all of their documents about witchcraft to the investigation commission. (Delius 1996:57)

On this central question the committee seems to have been divided in opinion. According to Prof. van den Heever he is the only one of the members of the committee who does not believe in witches.

In the past, people distinguished between witches and sorcerers, and in the present between day witches and night witches. Such distinctions, however, have been blurred. Especially in urban areas where members of different cultures meet, there are no persons or institutions that could determine with authority what a witch is and how he or she operates. People talk about agents of evil who cause harm by invisible, mystical means, but the definitions remain vague and often contradictory: «There are evil forces at work in the world which everyone must fear, but the signs of their activity are ambiguous and their potency uncertain. (...) There is no system. On the contrary, there are only fragmentary schemes that people make use of to get through life in a world where conflict and meaning are

mediated by uncertain and conflicting authorities». (Ashforth 1996:1184, 1221) One might add that the uncertainty surrounding all notions of witchcraft is crucial to the terror they spread. The threat of witchcraft is as insurmountable as one feels exposed to some intangible forces, not knowing how they work and whence they originate. This feeling of inability to explain the desperate attempts to reveal the hidden machinations that expose the culprits forcing them to confess what nobody could have done directly.

⁴ Among the murderers, there were ten- or eleven-year olds as well. But the average age was — in Lebowa for instance — about 1996:199; Ralushai 1996:268; Minnaar 1998:175, 185)

⁵ Ritual murders are, however, not restricted to the ruling circles. They occur «fairly regularly» in the townships of KwaZulu-Natal. According to a study based on court files and police records, twelve to fifteen ritual murder corpses from Umlazi, a black township, were received in Durban's courts each year. And in Umbumbulu, south of Durban, there were about 20 reported cases per month. But the real number of ritual murders seen is far higher: «All the officials involved in the judicial process agree on one thing: that the number of cases reported to them is probably far less than the number of incidents that actually occur». (Evans 1991:46) The situation is similar in parts of northern Transvaal: «ritual murder (...) is so ingrained in V Venda society that it will take quite some time to fade away». (Barnes 1996:271)

⁶ According to poll results from northern Transvaal, the majority of interviewees indicated that all family members should be burned together with the witches. (Peltzer 1999:7)

⁷ compare Filatova 1997; Louw 1997:87,88; Maré 1996:325

⁸ White social scientists who always wrote as outsiders when analyzing township riots were not aware to which extent daily life in Soweto or Umlazi is burdened by mistrust and mutual suspicions: «I could never have imagined the degree of fear which people endure on a daily basis regarding the threat of witchcraft and sorcery, the constant threat of evil forces being unleashed by jealous neighbors, relatives, and acquaintances to cause them harm. There is no one living in a black township who has not experienced witchcraft». (Ashforth 1996:1184, 1221)

Literature

[African National Congress]. 1997. «Nation-Formation and Nation-Building. The National Question in South Africa» <<http://www.anc.org.za/ancdocs/history/conf>> [ohne Paginierung]

Ashforth, Adam. 1996. «Of Secrecy and the Commonplace: Witchcraft and Power in Soweto». In *Social Research* 63: 111-1234.

Ashforth, Adam. 1998. «Witchcraft, Violence, and Democracy in the New South Africa». In *Cahiers d'Études africaines* 38: 505-531

- h, Alan R. 1992. «'European Courts Protect Women and': Colonial Law Courts as Redistributors of Power in Swaziland, 1920-1950». In *Journal of Southern African Studies* 18: 253-270.
- dy, Colin. 1987. «Street Sociology and Pavement Politics: Youth and Student Resistance in Cape Town, 1985». In *Journal of Southern African Studies* 13: 303-330.
- vunduka, G.L. 1982. *Witches, Witchcraft and the Law in Zimbabwe*. ZINATHA Occasional Paper No.1. Harare.
- idson, Basil. 1978. *Discovering Africa's Past*. London: Longman.
- us, P. 1996. *A Lion amongst the Cattle: Reconstruction and Change in the Northern Transvaal*. Randburg: Ravan Press.
- amo, R.T.H. 1996. «The Escalation of Crime in the Northern Cape Province: a Challenge to the Church». In *Ned. Geref. Tijdschrift* 37: 345-351.
- nglas, Mary. 1978. «Techniques of Sorcery Control in Central Africa». In *Witchcraft and Sorcery in East Africa*, ed. John Middleton. London: Routledge & Kegan Paul.
- s, Stephen, and Gerrie ter Haar. 1998. «Religion and Politics in Sub-Saharan Africa». In *Journal of Modern African Studies* 36: 1-21.
- ns, Jeremy. 1993. «'Where Can We Get a Beast without Medicine Murder in Swaziland from 1970 to 1988'». In *African Studies* 52: 27-42.
- ns, Jeremy. 1991. «Muti Murders. Ritual Responses to Witchcraft». In *Indicator South Africa* 8: 46-48.
- lds, Karen E. 1982. «Political Contingencies of Witchcraft in Central Africa: Culture and the State in Marxist Theory». In *African Journal of African Studies* 16: 567-593.
- itova, Irina. 1997. «At the Rainbow's End». In *Focus* 8: 14-16.
- edman, Stephen. 1995. «South Africa: Divided in a Special Way». In *Politics in Developing Countries. Comparing Experiences with Democracy*, ed. Martin Lipset [a.o.], 531-581. Boulder/London: Rienner.
- schiere, Peter. 1997. *The Modernity of Witchcraft. Politics and Culture in Postcolonial Africa*. Charlottesville/London: University of Virginia.
- io mee, Hermann. 1995: «Democratization in South Africa». In *American Science Quarterly* 110: 83-104.
- ies, G.I. 1970. «A Boundary to Accusations». In *Witchcraft, Sorcery & Accusations*, ed. Mary Douglas, 321-332. London: Duckworth.

Kohnert, Dirk. 1997. «Zum Einfluß des Okkulten auf Legitimität und Demokratisierungshilfe in Afrika». In *Soci...* 24-50.

Krige, J.D. 1975. «The Social Function of Witchcraft». In *Witchcraft and Sorcery*, ed. Max Marwick, 237-251. Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin.

Louw, Eric. 1997. «Nationalism, Modernity and Postmodernism: Comparing the South African and Australian Experiences». *Politikon* 24: 76-105.

Macvicar, Neil. 1939. *Side-Lights upon Superstition*. [London: The Lovedale Press.

Makgoba, Malegapuru W. 1996. «South African University Transformation: an Opportunity to Africanise Education». *Perspectives in Education* 17: 175-186.

Maré, Gerhard. 1996. «Swimming against Many Currents: Nation-Building in South Africa!». In *Ethnicity in Africa. Roots, Myths and Implications*, ed. Louise de la Gorgendière [a.o.], 30-40. Edinburgh: Centre of African Studies.

McAllister, Patrick, and John Sharp. 1993. «The Ethnic Tapestry of South Africa». In *Indicator South Africa* 10: 7-10.

Melland, Frank. 1935. «Ethical and Political Aspects of African Witchcraft». In *Africa* 8: 495-503.

Mesaki, Simeon. 1995. «The Evolution and Essence of Witchcraft in Pre-Colonial African Societies». In *Transafrican Journal of History* 24: 162-177.

Minnaar, A. de V., D. Offringa, and C. Payze. 1992. *To Live in Fear. Witchburning and Medicine Murder in Venda*. Pretoria: Humanities Sciences Research Council.

Minnaar, Anthony, Marie Wentzel, and Catherine Payze. 1993. «Witch Killing with Specific Reference to the Northern Province of South Africa». In *Violence in South Africa: a Variety of Perspectives*, ed. Elireza Bornman [a.o.], 175-199. Pretoria: HSRC.

Niehaus, Isak. 1999. *Witchcraft, Power and Politics: Exploring the Occult in the South African Lowveld*. [unpublished Ph.D. Thesis, University of the Witwatersrand].

Niehaus, Isak A. 1993. «Witch-Hunting and Political Legitimacy: Continuity and Change in Green Valley, Lebowa, 1930-91». *Africa* 63: 498-530.

Oyakhione, James A.A. 1991. «The Customary Courts in Bend State, Nigeria and the Belief in Witchcraft». In *Journal of Constitutional and Parliamentary Studies* 25: 156-163.

- eltzer, Karl. 1999. *Boloi (Witchcraft) Beliefs in a South African Community: Psycho-social-legal Implications*. [unpublished typograph].
- alushai, N.V. [a.o.] [1996]. *Report of the Commission of Inquiry on Witchcraft Violence and Ritual Murders in the Northern Province of the Republic of South Africa*. Submitted to the MEC for Education and Security, Northern Province [unpublished].
- adding, Sean. 1996. «Sorcery and Sovereignty: Taxation, Witchcraft, and Political Symbols in the 1880 Transkeian Rebellion». *Journal of Southern African Studies* 22: 249-270.
- oberts, Clifton. 1935. «Witchcraft and Colonial Legislation». In *Journal of African Studies* 8: 488-494.
- chapera, Isaac. 1975. «Sorcery and Witchcraft in Bechuanaland». In *Witchcraft and Sorcery*, ed. Max Marwick, 108-120. Harlow, Middlesex, England: Penguin.
- adler, Jonathan. 1996. «Witches and Witch-Hunters. Witchcraft, Generational Relations and the Life Cycle in a Lowveld Village». In *African Studies* 55: 87-110.
- the Guardian (Lagos)
- the Natal Witness (Pietermaritzburg)
- the Sunday News (Harare)
- ale, Peter, and Siphon Maseko. 1998. «South Africa and the African Renaissance». In *International Affairs* 74: 271-287.
- Wilson, Monica. 1971. *Religion and the Transformation of Society: A Study in Social Change in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.

В докладе освещаются проблемы сосуществования традиционных колдовских верований и государственного законодательства в Южной Африке. Здесь подчеркивается, что существующие в ЮАР законы о колдовстве были приняты около ста лет назад. Официально считалось, что колдовства не бывает, поэтому власти всегда защищали лиц, обвиненных в колдовстве. В настоящее время специальная комиссия по расследованию преступлений ведьм и колдунов подвергла это старое законодательство критике. Выяснилось, что большинство жителей страны по-прежнему верит в колдовство. Поэтому комиссия предложила считать колдовство подлежащим наказанию.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ТОТАЛИТАРИЗМА С ПОЗИЦИЙ ЕВРО — И АФРОЦЕНТРИЗМА

В.И. Евсеенко
(г. Киров)

Сопоставление далеко не идентичных позиций афро- и евроцентризма в исследовании проблем Африки актуально сейчас в свете острых дискуссий об одно- и многополярной ориентации мирового развития. Накануне XXI века речь идет о борьбе основных тенденций:

глобализации исторического процесса с полным освоением всеми странами доминант западной (главным образом «атлантической» или «англо-саксонской») цивилизации и построением унифицированного однотипного сверхобщества;

регионализации или автономизации — стремления различных сообществ сохранить собственную цивилизационную идентичность; эта вторая тенденция выражается в протесте против насильственной вестернизации и американизации.

На состоявшейся в мае 1991 г. в столице Намибии Виндхук конференции, организованной Африканской ассоциацией политических наук (ААПН), были обсуждены итоги 30 лет независимости Африки. Констатируя почти повсеместные неудачи национального государственного строительства, участники конференции возложили главную вину за углубление экономического и политического кризиса в Африке на авторитарные режимы, установившиеся в большинстве стран континента. Поэтом актуальность изучения условий, порождающих авторитаризм, способствующих внедрению демократических начал в африканском обществе, не вызывает сомнения.

Отечественные африканисты видят сложность проблемы перехода к политическому плюрализму и гражданскому обществу еще и в связи с тем, что в некоторых африканских государствах реакционные военно-диктаторские и однопартийные авторитарные режимы приобрели черты тоталитарной, считавшейся недавно времени нерепформируемой системы властвования. Занимая верхнюю ступень в иерархии авторитаризма, тоталитарные государственные образования являются не только антиподами демократии, но и антигуманными, террористическими, разрушительными, не способными к самосовершенствованию формами общественно-политического устройства.

В российской политологии можно найти немало упоминаний о существовании в Африке в недалеком прошлом тоталитарных

режимов. Так, например, А.П.Цыганков относит режим Кваме Нкруме в Гане начала 60-х годов к разновидностям левого коммунистического тоталитаризма (Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. С. 193).

Г.А.Белов отмечает отдельные признаки тоталитаризма у режимов генерала Мобуту в Заире в 60-е-80-е годы и Менгисту Хайле Мариаму в Эфиопии в 70-е-80-е годы (Белов Г.А. Политология. М., 1994. С. 127). Г.О. Витухина считает, что в конце 60-х гг. в Мали и Того были установлены «тоталитарные военные режимы», которые действовали до начала 90-х годов (Г.О.Витухина. Политические и экономические аспекты проблемы перехода к свободному рынку на примере Мали и Того. В сб.: «Африка в меняющемся мире. Тезисы докладов VII-ой Всероссийской конференции африканистов». Выпуск 11. М., 1997, с. 33-34). Д.Г.Соколов называет Камерун 70-х-80-х годов «тоталитарным государством» (Соколов Д.Г. Кризис в Камеруне — урок для России. В сб.: «Африка в меняющемся мире. Тезисы докладов VII-ой Всероссийской конференции африканистов». Выпуск 1. М., 1997, с. 69). А. Саватеев напоминает трагический опыт Уганды 70-х гг., когда ислам стал идеологией тоталитарного режима генерала Иди Амина (Саватеев А. Знамя ислама в небе тропической Африки // Азия и Африка сегодня. 1997. № 6, с.80).

Проявления тоталитаризма можно при желании найти и среди других однопартийных режимов, ориентировавшихся на «африканский» или «марксистско-ленинский социализм», в частности в Бенине в период с конца 70-х до начала 90-х годов, в Мозамбике 70-х — 90-х гг., в Кении 70-х-80-х гг., в Гвинее-исау 80-х — 90-х гг. Наиболее же классическим примером африканского тоталитаризма следует признать его гвинейскую разновидность, связанную с правлением А.Секу Туре в 1958-1984 гг. Гвинейский эксперимент стал темой исследования многих французских, американских и немецких африканистов.

Мнения российских и западноевропейских критиков африканского тоталитаризма не всегда разделяются автохтонными учеными-обществоведами. Выходец из Гвинеи Секу Траоре в своей работе «Социалистическая Африка», написанной еще в 1979 году, утверждал, что «труды, касающиеся Африки и написанные европейцами, обладают тем недостатком, что они анализируют африканские проблемы сквозь искажающую призму лжи европейских особенностей жизни. Вот почему вопросы африканской революции должны решаться самими африканцами, ибо

только они способны правильно понять свои собственные цели». (Traore Sekou. Afrique socialiste. Paris. 1979, p. 11).

Африканский исследователь М. Овусу в книге «Мятель: революция и традиция: повторяющиеся перевороты в Гане» (Owusu M. Rebellion, revolution and tradition. Reinterpreting the Ghana. Cambridge-N.Y., 1989, vol.31, n.1, p.376) выдвинул интересную идею о традиционалистских истоках африканских авторитарных режимов, далеких, по его мнению, от подражания европейским образцам. Он высказал предположение о том, что прототипом политической системы, созданной в стране Квеме Нкрумой, в определенной мере послужила политико-культурная модель империи Ашанти XIX века. Правильно понимая республиканской независимой Гане Народная партия первоначально опиралась на комитеты развития, состоявшие из деревенских вождей и старейшин. Они-то и обеспечивали в стране обстановку всеобщего повиновения, сохранения традиционного привилегий и почитания властей.

Овусу объясняет многочисленные военные перевороты на континенте также влиянием исправительно-реформистских традиций «асафо» — организации воинов у племен Западной Африки. Этот патриархальный институт выражения протеста армией против неугодного вождя оправдывает насильственную смену власти и в современных политических ситуациях, когда она выступает в виде проявления народного недовольства.

Мало кто из европейских африканистов обратил когда-то внимание на сообщение мандатной комиссии VI-го съезда Демократической партии Гвинеи о составе его делегатов. Дело в том, что именно на этом историческом форуме был провозглашен курс социалистической ориентации молодого независимого государства, а проголосовали за него партийные функционеры, 80 % которых были в прошлом кантональными и деревенскими вождями.

Несмотря на произведенную в 1957 году указом Секу Туре замену этого архаического вида власти выборными органами, он сохранил свое влияние в крестьянской среде Гвинеи, как и в Гане. И некапиталистическое развитие понималось народами того и другого тоталитарных государств поначалу как возвращение к моральным и нравственным традициям африканской солидарности и крестьянского общинного образа жизни, чуждым в целом культу индивидуализма и накопительного прагматизма западного индустриального общества.

По иному трактуют африканцы и понятие демократии. Гвинеец Баба Какэ — продюсер издательства «Мемуары континен-

та» — в книге «Секу Туре: герой и тиран» (Baba Kake Ibrahima. Sekou Toure: Le heros et le tyran. Jeune Afrique livres, n. 3, Paris, 1987, p. 226) приводит суждения достаточно влиятельных африканских политических деятелей: Мамаду Диа и Мадейра Кейты, лично знавших лидера гвинейской революции. В оценке этих двух высокопоставленных свидетелей, как и ряда других опрошенных респондентов, Секу Туре предстает не только Великим Африканцем, но и большим демократом.

Европейские обществоведы проигнорировали выдвинутую в конце 30-х- начале 40-х гг. революционерами — бирманцем Аун Саном и китайцем Мао Цзе-Дуном — идею «новой демократии», представленную как власть всех сил, выступающих с антиимпериалистических позиций за экономический и социальный прогресс деколонизированных стран. В Африке же она нашла понимание и вызвала многочисленные попытки создания государств единого патриотического фронта.

Не случайно поэтому гвинейский лидер, признав комплексное воздействие на свое мировоззрение африканской культуры, восточных учений и теории марксизма, заявил во всеуслышание о стратегической цели национальной внутренней политики: преобразовать в будущем Партию-Государство в Народ-Государство — самую демократическую, по его словам, форму общественно-политического устройства.

Другой известный африканский политический деятель Муамар Каддафи в 1977 году официально упразднил государство и правительство и провозгласил свою страну Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией. Принятая тогда же Декларация об установлении народовластия фактически заменила конституцию, и в Ливии реализовался по-восточному понимаемый принцип прямого народного правления.

В отличие от правовых и личностных приоритетов западной гражданской демократии в африканских политических системах продолжают оставаться влиятельной силой религиозные, коллективные, этнические и родственные связи. Их изучением занимается политическая социология, и в этой сфере без помощи местных ученых, являющихся одновременно знатоками национальной культуры, народных традиций и умелыми интерпретаторами инокультурных ценностей, не обойтись.

Малагасийский культуролог Н. Кофеле Кале справедливо замечает, что такие понятия западной цивилизации, как равенство, закон, свобода, демократия, должны быть осмыслены и поняты на базе уже имеющихся традиционных эквивалентов

(Kofele-Kale N. Tribalisme and Patriots: Politic culture in an ethnic States. Wash., 1984, p. 8).

Камерунский историк и антрополог Бетоте Дика-Ак Бонамбела обвиняет современных африканистов (и мест евроамериканских) в том, что они, чрезмерно увлекаясь пической историей государств и народов континента, не зам их «сакральной истории», религиозных верований, философ систем миропредставлений, духовного наследия поко. составляющих неотъемлемую часть африканского об (Betote Dika Akwa Nya Bonambela. Problemes de l'anthropo de l'histoire africaine. Yaounde. 1982, p. 352).

Зулусский «сануси» (Верховный врачеватель, Непремый толкователь религии и Главный хранитель истории) мазулу Кредо Мутве — автор знаменитых произведений «ба, дети мои» и «Африка, мой свидетель» — в интервью рскому корреспонденту журнала «Эхо планеты» Сергею Кул горечью заявил о том, что его беспокоит то будущее, ко навязывает планете евро-американская цивилизация.

«Я вижу много проблем на пути развития человечеств торое все дальше отрываясь от природы, все больше упова кибернетику и генную инженерию. Надеяться на то, что потомки смогут построить свое счастье на оскопленно отцами планете, опасная утопия. Культ новых идолов (ав билей и электроники), который создали белые и теперь на вают черным, не дает душе погрузиться в мир добра» (Кул Сануси, предсказавший гибель Дианы // Эхо планеты. 1998. с.32).

По мнению Кредо Мутве, взаимное непонимание предстелей черной и белой расы объясняется тем, что они не друг в друге себе подобных, не пытаются разобраться в сути тех моральных, конфессиональных и этических н которые предопределяют их поведение. И если африк овладевшему иностранным языком, достаточно для изуч западной цивилизации просто стать посетителем ближай библиотеки, то африканская глубинка, как правило, закрыта европейцев, поэтому в их исследованиях континента вс присутствует немало ошибок и нелепостей.

Необходимость учета африканской специфики при вы пути модернизации и интеграции в современное мировое с щество уже понята рядом западных историков и политологс гуманитарных научных кругах США в настоящее время ш кое распространение получила разработка теории разви африканских стран. Одним из первых ее солидных трудов с

нига С. Хантингтона «О новом политическом порядке в трансформирующихся обществах». В ней автор рекомендует применять сочетание либеральных и авторитарных режимов и считает, что надо поддерживать авторитаризм и жертвовать демократией ради экономического прогресса, ибо цель развития не свобода, а порядок.

Накопленный за последнее десятилетие опыт мирного, эволюционного перехода от тоталитаризма к демократии в ряде стран Африки с промежуточным использованием сильной авторитарной государственной власти подтверждает такую точку зрения. Если в 1982 году президент Франции Франсуа Миттеран вынужден был констатировать, что «Африка не созрела еще для демократии» (Hamid Barrada. *Le jugement des Africains // Jeune Afrique*, n 1828, 18 au 24 janvier 1996, p. 74), то уже в 1995 году французский Сенат вручил президенту 2-й Гвинейской республики Лансана Конте золотую медаль за успехи в посттоталитарных преобразованиях страны, а в 1996 году Л.Конте было присвоено звание Почетного доктора права университета штата Огайо (США) за личные заслуги в построении в Гвинее демократической модели государственного устройства с национальной спецификой.

Сегодня, в связи с обсуждением методологических подходов афро- и евроцентризма хотелось бы напомнить о положениях, высказанных российским историком, проживающим в США, А.С.Ахиезером в капитальном исследовании «Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск. 1997».

Прежде всего, он обращает внимание на тот очевидный факт, что центральным объектом современной истории человечества является проблема отношений двух основополагающих цивилизаций: традиционной и либеральной, и интеграция мира может состояться лишь в результате диалога народов, взаимообогащения разных культур, в процессе совместной выработки общих ценностей.

Во-вторых, традиционализм постоянно наряду с локализмом рождает авторитаризм, важнейшими условиями для реставрации которого являются незрелость демократии, отсутствие гражданского общества, предрасположенность массового сознания, менталитета народа к сильной власти и слабая общественная рефлексия — социальная способность к самоизменению, к восприятию утилитаризма и рациональности.

В-третьих, вовсе не экономика, не техника и не технология (как учит западный технологический детерминизм или мар-

ксизм), а нравственность лежит в основе развития общества, не является статичным началом нашей жизни, а способна динамично развиваться вместе с культурой. В этом направлении сотрудничество евро- и афроцентристов должно строиться на паритетных началах.

Из вышеприведенных рассуждений вытекает вполне определенный вывод о том, что интегративная методология диктуется необходимостью, как веление времени, позволяющее избежать односторонность и необъективность оценок, выработать практические рекомендации, не нарушающие главный девиз реформы «Не навреди!». Категория «мера» должна противостоять разрывной философии и практике крайностей, манипуляторскому отношению к миру, обществу, к людям, к безответственно экспериментаторству с цивилизационной самобытностью.

* * *

Using a number of examples of totalitarian regimes in Africa (first of all Sekou Toure's in Guinea), the author points out the differences in approaches to Totalitarianism in Africa and outside the Black continent.

ASSUMPTIONS, RESULTS AND REVERBERATIONS OF THE TRUTH AND RECONCILIATION COMMISSION IN SOUTH AFRICA

Otakar Hulec
(Czech Republic)

1. Introduction

In the southern part of the globe, a government, in which one race «chosen by God» subdued another, collapsed in the early 90s without any bloodshed.

Modern South African history has been known for its efforts to enforce thorough racial segregation and for its violent army and police clashes with various political and civil organisations of black South Africans who endeavoured to achieve equality with the whites. Political organisations, that had been banned altogether and that consisted (not only but) mostly of black activists, were involved in underground activities against that country's government, military and police structures. Certainly, some black militant circles had not only fought «to overthrow the rule of the whites», but to also «drive them into the sea» (Davenport: 388; Thompson: 211).

In 1994, the first non-racial parliamentary elections took place in the country and were won by the African National Congress (ANC) headed by Nelson Mandela, a long-term political prisoner. It was mainly through his doing that the political situation in the country did not acutely lead to a bloodthirsty retaliation. On the contrary, it was the idea of cooperation and peaceful coexistence of all races that won the victory, by thoroughly applying democratic principles and the policies of the Charter of Human Rights.

2. The Truth and Reconciliation Commission

There were endless numbers of traumas of the previous centuries and particularly the past several decades marked by inequality, oppression and mutual bloodshed. The new South Africa had decided to come to terms with the cruel past without violence and therefore created the Truth and Reconciliation Commission (TRC).

As the Commission's title itself indicates, a «break» with the past was not to be undertaken. All the wrongdoings, i.e. political murders, long-term imprisonment and the pursuing of political opponents were to be *clarified*. *Light* was also to be shed on all the bloodthirsty acts aimed against the promoters of apartheid and/or *traitors and informers* from the ranks of Africans.

Only after having heard the complete and in the majority truthful testimonies on the committed crimes could there follow an act of amnesty, rehabilitation or, at least, a partial indemnification for the victims, and could judgement be delivered as to whether a crime had been committed by someone independent of others political convictions or upon the instructions of the top politicians.

Thus, the Commission's main task was to thoroughly unveil the dark side of the South Africa past and to point to the attempts to obstruct the prevention of even greater hatred and also a breakout of massive and uncontrollable retaliation.

According to a 1995 ruling that helped create the Commission, it was to focus on the period starting March 1, 1960, a month marking the bloody events in the Johannesburg suburb Sharpeville, until May 10, 1994, the day that Nelson Mandela was elected president of the republic.

Justice Minister Dullah Omar explained the importance of such an act in the following words: «The Commission is a necessary exercise to enable South Africans to come to terms with their past on a morally accepted basis and to advance the cause of reconciliation» (Background inf. TRC:1)

Appointed to head the Commission was Archbishop Desmond Tutu, an uncompromising fighter against apartheid and at a man

devoted to democracy and non-violence and to mutual understanding between peoples. For his activities Tutu was awarded the Nobel Peace Prize as early as 1984. Prior to the start of the Commission work, Tutu proclaimed, *inter alia*: «Only by revisiting the traumatic past can people look to a better future — but with the truth as a pain and a reminder that reconciliation may still be a distant goal for the new South Africa» (Barrow 1989: 3).

In South Africa, there are various views concerning the evaluation of the TRCs work with respect to its way of coming to terms with the past. It is up to each individual to make up his or her mind on the basis of his or her lifelong experiences and information. Personally, I think that the establishment and work of the TRC is one of the best solutions. It should be possible to compare the South African way with adequate ones in Central and/or East European countries after the collapse of communist rule. But it is no time to do it here. (See: Skalník (ed.) 1999 and Coetzee, Hulec, Ustinova 1999)

3. What mission and main problems are associated with the Truth and Reconciliation Commission?

The TRC did not have the right to condemn the various crimes committed in the apartheid or post-apartheid past but only to call attention to them. It did have the right to grant an amnesty and provide partial compensation.

The commissioners and subcommissioners members were lawyers, judges, priests and well known personalities of all colours, both men and women.

By July 31, 1998, when the four-year activities of the TRC had officially come to an end, more than twenty five thousand people had come up with their testimonies, more than seven thousand of whom requested the granting of an amnesty. Of those claimants, some four and a half thousand were turned down due to their improper requests and only one hundred and twenty-five of the remaining three and a half thousand were granted an amnesty, some of whom just partially. Such an amnesty concerned political/criminal proceedings and the terminating ongoing procedures.

Since the Commission has not managed to close all the inquiries and requests, it will continue its unfinished work until probably the end of this year.

A Register of Reconciliation has been drawn up, whereas every one who has expressed the wish to admit his or her personal guilt in public is given the opportunity to express his or her views in writing to the address of the Commission. The author of the respective program and TRC member, Mrs. Mary Burton, justified the drawing

the above list as follows: «The register has been established in response to a deep wish for reconciliation in the hearts of many South Africans — people who did not perhaps commit gross violations of human rights but nevertheless wish to indicate their regret for failures in the past to do all they could have done to prevent such violations, people who want to demonstrate in some symbolic way their commitment to a new kind of future in which human rights abuses will not take place» (Register:1). Every single declaration of which several thousand were received (mostly from whites) have been made publicly accessible, published in the press and in the media in general and completely compiled in the website set up by the TRC. It is remarkable to note that less than ten of them were anonymous.

Various views have been heard within South African society as to whether the Commission has or has not been successful and whether it has or has not fulfilled its goals — or even stirred up conflicts in the country even more.

Before we try to summarize this evaluation, let us describe the Commission's work in greater detail with the help of several concrete cases», enabling to draw one's own conclusions.

In 1997, without any hearing, the TRC gave amnesty to 37 of the highest representatives of the ANC including their current President Thabo Mbeki and Joe Modise, the new government's Minister. This act was justified according to a paragraph of a respective ruling. In other words, the respective category enabling the possible granting of an amnesty includes every single crime committed within the political struggle between the previous political and national organisations of apartheid and their opponents from the ranks of the liberation movement (a Law on the Proclamation of National Unity and Reconciliation of the year 1995, §20, point 2).

Nothing comparable happened for the leaders of former apartheid state.

The proceedings conducted against Mandela's ex-wife Winnie attracted great attention (Levy 1988; Russel 1998). She had been accused of maltreating and murdering Stompie Seipei, a young ANC activist, an apparent traitor and South African Secret Service collaborator. This murder occurred in the 1980s in her home and in her presence. This case ended without the granting of an amnesty. The summoned perpetrator had denied all the accusations the way she had done as early as in 1991 before the court that had sentenced her to six years imprisonment. Having appealed this case, her verdict was altered to a fine imposed upon her amounting to 50 thousand Rand (some \$8300). The TRC heard a number of witnesses and then proclaimed that Winnie Madikizela-Mandela had lied again and

could not want to cast any light on this serious case. In brief, she had not fulfilled the basic purpose in whose name she had been called to appear before the Commission. On the contrary. The pleading given by both of Winnie and her bodyguards could be judged as a part of the fight against apartheid and therefore be pardoned.

Many ANC and Pan-African movement activists were pardoned even though in the 80s they had punished and murdered (mainly by necklacing) various apparent traitors from within their own ranks.

These particular cases had occurred prior to the year 1990 and before the abolishment of apartheid. Soon afterwards, there began a difficult but hopeful cooperation between the previously banned political opposition parties and the White government. The preparation of the first general and non-racial elections did not happen without tension which also affected the black parties themselves, especially the relation between the ANC and the Zulu Inkatha Freedom Party.

Lately, the TRC has dealt with those cases including the many violent acts committed particularly during that preparatory period, both by blacks and whites.

«General» Nico Prinsloo, member of the Afrikaner Weerstandsbeweging (AWB), testified, among others, to the violence aimed at enforcing the creation of a Volkstaat — an independent Afrikaans state. Twenty people were killed in a bomb attack and many others were injured. The TRC was particularly interested in who had ordered the attack and had directed it. Other Afrikaaner participants also testified to this terrorist act and they even gave the names of those responsible for it. The courts had already previously condemned several of the offenders guilty of this crime, the perpetrators and organisers of which were currently not being granted an amnesty by the Commission since it did not consider these testimonies to be complete and truthful. Therefore, the verdicts were not abolished (Amnesty Decisions: No. 1004/96).

However, the case of C.J. Lottering was of a different nature. This man had shot a black taxi driver only to prove that he was ready to fulfill every single order that he was called upon to fulfill by the leaders of the extremist Order of Death, a white organisation of which he was a member. Mr. Lottering was sentenced on charges of murder, theft and his subsequent escape from confinement. The TRC amnestied him only for his escape from prison. The corresponding number of years in detention was thus shortened respectively.

Until now, the ratio of the total number of amnestied persons has amounted to one white person versus three blacks.

1993, I must mention the amnesty of three black youngsters who were stoned to death. The American scholarship student Amy Mokoena in the black township of Gugulethu near Cape Town caused a stir. Amy was on her way to the township by car at a time when many young people in a highly excited state were on their way following a stormy meeting of the Pan-African Student Union. The participants were chanting what was a very popular slogan: «settler, one bullet». Two out of four killers were university students. Everyone of them had been amnestied because in the Commission's view their act had been perpetrated due to the «spirit of the times» and had therefore been «under the direct influence of the corresponding agitation of their political organisation» (Amnesty Commission — Holger:1-2). Consequently they were released from prison.

The dead girl's parents also attended the Commission's proceedings. They did not agree with the act committed by the black students but they declared that they understood the situation in the Republic of South Africa. They even established a foundation in the USA bearing the girl's name whose purpose is to help educate young South Africans so as to prevent other similar cases from occurring (Amnesty Commission: No.3734/97). I believe that this case is a nice show-piece for the understanding of whites (Europeans or Americans) to African problems of these days.

In 1996, former President de Klerk also stood before the TRC. On his behalf and on that of his ministers representing the last apartheid government, de Klerk apologised for the «pain and wrongdoing that certain fellow citizens had suffered under the previous National Party policies» (Barrow: 1989). The hearings of these top figures were criticised at obtaining admissions from those bearing personal responsibility for acts of violence committed during police raids and for the consequent loss of health and lives of their political opponents, before 1990 and during the tense pre-election period.

Certain high ranking ANC representatives were also summoned together with its armed forces Umkhonto we Sizwe (MK). They were to explain, for instance, the deaths of many of their comrades in the training camps of Zambia or in Angola that were due to rough handling of their subordinates and to the settling of personal accounts.

The TRC then began dealing with the various acts of horror ordered, among others, by the white general Johan Van der Merwe and aimed at innocent victims including women and children — the sole reason being to spread fear among South Africans black society prior to the non-racial election. This general had been previously properly sentenced whereupon the Commission had refused to give him an

amnesty on the grounds that this «was a politically motivated, a far too cruel one» (Shilowa 1998:1).

In that same year, three black men received amnesty as members of the Azanian Peoples Liberation Army (APLA), a part of the militant political party Azanian Peoples Organization (AZAPO), even though they caused the deaths of three whites and one person in a terrorist attack in December 1993 on the coffee shop Heidelberg Tavern in the Western Cape, and I do not mention the serious injuries of other people. The survivors and relatives of those who died did not agree with the Commission's decision, but the Commission gave the following explanation: «Even though the attack was rejectable and although the coffee-house had both white and black guests ... the attackers were quite clearly acting on behalf of APLA, a publicly known political organisation and liberation movement which was engaged in political struggle against the State at that time... We also hold that the applicants did not act for personal gain or out of personal malice, ill-will or spite directed against the deceased and the victims» (WOZA: July 17, 1998:1-3.). The panel which made the decision included Mr. Justice Hassen Mall, Justice Andrew Wilson and Advocate Ntsiki Sandi. The survivors and relatives of those who died were compensated with reparations by the Committee on Reparations and Rehabilitation.

One of the last cases dealt with by the TRC right before the official termination of its work was that of P.W. Botha who was summoned. Mr. Botha had held the post of President in the 70s and 80s and was made responsible for many of the wrongdoings committed against various black organisations and their members. Although the former President had submitted his opinion to the TRC in the form of several hundred pages, he refused to appear in person. Therefore, the TRC turned him over to the court who subjected him to a 10 000 Rand (\$1660) fine in June, 1998 or to a one-year prison term for his refusal to testify before the Commission. Among other things such a verdict amounts to half the maximum possible punishment (Gilmore 1998:1).

4.Reverberations on the TRC's work

With this case, the decision of the court helped split the white and black parts of South African society into his supporters and critics. Stormy discussions took place in the press, on TV and the internet to whether such a punishment was just or insufficient.

The black part of the population was mostly satisfied that the long-time enemies had «confessed» to their cruelties. Having consecutively studied the public repercussions and with regard to the

nal experiences with several particular cases in South Africa, it is clear that only a small percentage of black inhabitants with radical views who had suffered losses and cruelties within a large family, under the establishment and decisions of the respective Commission to be needless.

Most of the proceedings in the presence of relatives or survivors take place on a reasonable but psychologically tense level. It is not easy to come to terms with the traumas brought by life during the apartheid era although most people considered such a step to be more profitable as soon as all the truths about the evils are no longer a secret.

In this respect, the case in mind was symptomatic concerning the proceedings against the torturing to death of Steve Biko in 1977, a well-known South African student, poet and activist involved in the Black Consciousness Movement. Various things were known about the death — nevertheless, only the testimonies of the participating witnesses and even of the offenders helped cast light on all the circumstances.

Many white South Africans consider the efforts of the TRC to be manipulated and unseemly. Most of them point out that this Commission has been unfair to the whites and that it had patronised the TRC's exponents as well as other elements of black political organisations for having «protected black diversionists». One of the latest statistics showed that perhaps just 18 % of the whole population had welcomed the TRC's effort. Thus, stormy disagreements seemed to loom on the horizon, yet further statistics showed that the opposite was true. It actually depends on how the questions are put forward. (Masson 1998)

Those who considered the establishing of the TRC to be an aberration mostly point out that the degree of mutual malice had festered even more in spite of the proclaimed emotional relaxation.

To this day, some black South African radicals are convinced that apology does not suffice and that all of those who were guilty in the past should be punished, that is, the representatives of the State, the army, police and extremist white organisations.

The South African Institute of Race Relations published at June 1999 a book *The Truth About the Truth Commission*. It criticizes the work of TRC. SAIRR chief executive John Kane-Berman states in a word *inter alia*: «The Commission was required to tell the truth in full. Instead it told some of the truth, but far from all of the truth... the TRC approach was selective rather than comprehensive».

The Final Report of TRC was finished and handed to President Mandela at the end of October 1998 (TRC Final Report:1998). It

seems, it contains many views opposing each other. It was published in 5 volumes on more than 3 500 pages and — to remind its weight — it is 8 kilograms in full.

The main conclusions of that Report are:

1. Both sides of political rivals, apartheid regime and national movements, are guilty of gross human rights violations.

2. The Report includes a list of some 200 people and organisations that are expected to be accused of gross human rights abuses. They are to be contested in court.

3. The members of the TRC are sure that their work was the best way to achieve lasting peace in South Africa for the future. In Archbishop Tutu's words «...just by telling of the story people have experienced catharsis and healing. You need something to go beyond the spiral, to break through. You need forgiveness». (Perella 1998).

There were first serious responses of disapproval:

Ad 1: It is interesting that both, representatives of former apartheid governments and heads of national movements, were strongly against this conclusion. They were also against the publication of the TRC Final Report. Former Presidents P.W. Botha and F.de Klerk brought the case to the court. ANC and IFP were prepared to do the same. In this connection, M.G. Buthelezi characterized the whole TRC as «an institution that may best be described as a circus». (WOZA: October 30, 1998). Some journalists reported on a conflict between President N. Mandela and his deputy T. Mbeki. The President accepted the Final Report in spite of its flaws. Both said, that «...war against apartheid could no be compared with similar violations by the apartheid state». (Infoseek News: November 1, 1998). But T. Mbeki backed an unsuccessful last minute court challenge to prevent the publication of the document. Perhaps political analyst David Welsch was right to say that «...while there were differences of opinion between Mandela and Mbeki over the party's objections to the Report, it was a storm in a tea cup». (op. cit.).

Some comments ad 2 are very interesting. Archbishop D. Tutu reacted to the voices asking not to put some people or organisations to court in future: «We have not removed it permanently. It is going to be contested in court. That is how strongly we feel». (Infoseek News: October 28, 1998). There were calls, not only from some ANC and IFP members but also from the white political parties, for a general amnesty for all human rights violators. President N. Mandela strictly rejected it: «Only individual amnesty appeals would be considered». (The Times and the Sunday Times: December 7, 1998). We hear in his words the voice of true democracy, so needed not only for South Africa of these days.

And as to the feelings of TRC members (ad 3) to find the way from so dishonest past. There were also opposing opinions. Some we have already mentioned. I am sure we can find the right conclusions in the same sentence which the leader of the Democratic Party, Peter Dinko, wrote: «Commission told no more than the truth». (WOZA: November 10, 1998).

The truth was the main target of TRCs effort. «People, whites in particular, had expected that TRC would whitewash the ANC», wrote political analyst D. Welsh (Russell 1998:2). What more can we ask from such a commission? If Justice Minister Dullah Omar was mentioned regarding the founding of the TRC, I should like to remind us of his words when the TRC finished its work: «The TRCs investigations were done in the national interest. We must establish accountability ... for the future. We must establish the rule of law». (op.cit:1).

On the other side, the TRCs work and its Final Report didn't satisfy strongly the South African Trade Union (SATU). Archie Palane, head of the National Union of Mineworkers, openly said: «Reconciliation cannot be a paper apology. It must be seen to be happening». It was his reaction to the Chamber of Mines, which declined to comment officially on the *Final Report*. The Chamber was strongly against recommendations of the TRC to create a special tax to help black workers who were discriminated in the past. Willie Breytenbach, a political scientist at Stellenbosch University is against this effort. «It could open a Pandora's Box of legal claims and clearly the industry would be unwilling to issue an apology that could draw lawsuits». (Schuettler 1998:1) On the contrary to this recommendation, Archbishop Winston Njongonkulu Ndungane of Cape Town said at August 1999: «There should be a one-off reparations tax». (Woza.co.za /reuters/ aug99/apartheidtax4htm)

I hope that the work of TRC had and will help to bring real reconciliation to South Africa and that recommendation to continue with court cases will not stop on the eve of 21st century as has happened in the Czech Republic.

References

- Amnesty Decisions (<http://www.truth.org.za>)
- Background information to the TRC (<http://www.truth.org.za>)
- Barrow, Greg. 1998, Africa coming to terms with the past (<http://www.bbc.news.africa>, 31.6.)
- Coetzee, Jan and Hulec, O. and Ustinova, Mara. The Price of Resistance. Fragments of the Experiences of Survivors of Longterm

Political Imprisonment in South Africa, the Former Czechoslovakia and Russia. *Archiv orientální* 66(1):55-69

Davenport, T.R.H. 1991, South Africa. A Modern History. London: Macmillan

Gilmore, Inigo. 1998, Hope and Fear — Reflections of a Democrat. Pretoria

Holder, Jensen. 1989, South African truths are horrific, healing (<http://www.nandotimes.com>, 1.9.)

Infoseek News (<http://www.infoseek.co.za>)

Jeffery, Anthea. 1999, The Truth About Truth Commission. Pretoria: SAIRR (see also <http://woza.co.za/forum2/Jul99/trc28.htm>)

Levy, Tony. 1998, Commentary (<http://www.woza.co.za>, 3.11.)

Perella, Dominic. 1998, The Associated Press, November (<http://www.nandotimes.com>)

Register of Reconciliation (<http://www.truth.org.za>)

Russel, Clyde. 1998, Commentary (<http://www.woza.co.za>, 9.11.)

Schuettler, Darren. 1998, Infoseek News (<http://www.infoseek.co.za>, 10.11.)

Shilowa, Sam. 1998, Van der Merwe lied (<http://www.woza.co.za>, 23.5.)

Skalník, Peter (Ed.). 1999, Transition to Democracy. Czech Republic and South Africa Compared, Prague, Set Out The Times and The Sunday Times, Johannesburg

Thomasson, Emma. 1989, Reuters, Cape Town (<http://www.woza.co.za>, 31.7.)

Thompson, Leonard. 1990, A History of South Africa, New Haven and London: Yale University

TRC Final Report (<http://www.truth.org.za/final/index/htm>)

WOZA (<http://woza.co.za>)

* * *

В докладе говорится о том, что АНК привела к победе на выборах именно идея сотрудничества и мирного сосуществования всех рас на основе применения демократических принципов Хартии прав человека. Главной задачей Комиссии правды примирения было снятие покровы тайны с темных сторон прошлого Южной Африки и препятствование попыткам роста враждебности и перехода к массовому и неконтролируемому возмездию. Докладчик выражает надежду, что работа Комиссии внесла и еще внесет вклад к достижению полного примирения Южной Африке и что ее рекомендации продолжить рассмотрение судебных дел останутся в силе и накануне XXI века, отличие от того, как это случилось в Чешской республике.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ЮАР В ЗЕРКАЛЕ НЕДАВНИХ ПУБЛИКАЦИЙ

В.Г. Шубин
(г. Москва)

Когда я начал готовиться к участию в конференции, то первоначально мне захотелось назвать свой доклад «The Lies and Truth about Thabo Mbeki», то есть «Ложь и правда о Табо Мбеки». Спровоцировала меня на эту мысль недавно вышедшая в ЮАР книга Адриана Хадланда и Джовиала Рантао «The Life and Times of Thabo Mbeki»¹ — уж слишком много неточностей и прямых искажений правды она содержит.

Не будет преувеличением сказать, что, хотя успешное становление демократического государства в Южной Африке не вызывает сомнений, оно сопровождалось ростом культа личности — пусть личности действительно выдающейся — Нельсона Манделы. Даже трезвомыслящие ученые и журналисты, например, Аллистер Спаркс в своей книге «Завтра — другая страна»² объясняли успех ликвидации апартеида в рамках политического урегулирования в Южной Африке прежде всего личностью Манделы, которого они изображали в виде «спасителя», тем самым преуменьшая и значение многолетней борьбы АНК и его союзников, и роль тех, кто стал своего рода «посредником» между АНК и властями Претории. Достаточно сказать, что в упомянутой книге, где много внимания уделено именно «переговорам о переговорах» даже не упомянут профессор Х.Фан дер Мерве, своими поездками в Лусаку для встреч с руководителями АНК проложивший тропинку, пусть первоначально и узкую, которая в конечном счете, расширяясь, привела к политическому урегулированию в ЮАР.

А после достойного, благородного (и, что немаловажно, постепенного) ухода Манделы от руководства страной на роль «спасителя» некоторые южноафриканские авторы тут же выдвинули нового президента АНК и страны — Табо Мбеки. Если Мандела изображался ими в качестве «спасителя» от апартеида, то Мбеки — в качестве человека, «спасшего» АНК от превращения в «марксистско-ленинскую партию» и «спасшего» Южную Африку от возможного массового «восстания» против режима апартеида, повернувшего АНК на путь переговоров.

При этом Табо Мбеки подается как человек, который был «предназначен» для роли лидера, якобы еще с молодых, а то и с

детских лет. Те же Хадланд и Рантао пишут, ссылаясь на званных ими «наблюдателей», что «королевский круг» АН Уолтер Сисулу, Оливер Тамбо и Нельсон Мандела — на деле решил, возможно, еще в 1970-х годах, что Табо один станет президентом». (Напомним хотя бы, что в то время такты между Тамбо и находившимися в тюрьме на остр. Роббен Манделой и Сисулу были крайне ограничены — В. Более того, они вполне серьезно приводят слова южноафриканского журналиста Лестера Фентера, что «пакт с целью сделать Табо президентом был заключен между Манделой и Гован Мбеки (отцом Табо Мбеки — В.Ш.), в то время как Табо еще «коз»³ в родной деревне.

Особо часто искажаются отношения между нынешним южноафриканским лидером и нашей страной. Так, отъезд Мбеки на политическую (а затем и военную) учебу в Москву подается лишь как его стремление «улучшить свою репутацию как босса»⁴. Однако, несомненно, несколько месяцев учебы в Институте общественных наук в Москве были проведены Мбеки отнюдь не напрасно: кроме занятий по ряду гуманитарных дисциплин слушатели Института имели возможность познакомиться с представителями десятков стран с различных континентов, расширяя тем самым свой кругозор и понимание ситуации в мире.

Далеко не бесполезной была и последовавшая за этим учеба Мбеки в советском военном учебном центре Приобретенные там знания и навыки явно помогли ему затем действовать в фактически подпольных условиях в Свазиленде и Ботсване, да и участвовать в качестве ведущего члена руководства АНК в определении стратегии и тактики вооруженной борьбы.

Не может не вызывать улыбки и описание условий жизни Мбеки в СССР. Хадланд и Рантао, очевидно, не удосужились посмотреть на карту Подмосковья и пишут о том, что Табо Мбеки добрался до «отдаленного военного лагеря возле города под названием Сеходя», о его блуждании во главе взвода бойцов вооруженного крыла АНК — «Умконто ве сизве» «часами по русскому дикому месту»⁵, хотя до Сходни, если этот пункт имеется ими в виду, можно добраться из Москвы минут за 40 на электричке и найти «дикую местность» в ближнем Подмосковье совсем не так легко...

Авторы упомянутой книги, стараясь как бы «оторвать» Мбеки от вооруженной борьбы АНК, рассматривают его пребывание в военной среде чуть ли не как случайное, полагая, что «он был слишком образован» для того, чтобы проходить в СССР такую подготовку. Но в той самой группе, в которой учился Мбеки,

были, по свидетельству находившегося вместе с ним нынешнего посла ЮАР в Москве С. Маканы, то не только еще несколько выпускников вузов, но и два или три кандидата наук.

В целом эти авторы крайне необъективно относятся к состоянию АНК в годы эмиграции, преувеличивают имевшиеся в его рядах разногласия, говорят даже о «фракциях внутри фракций». Стремясь, вероятно, показать, с какими трудностями Мбеки приходилось сталкиваться, они пишут: «И Табо осторожно вступил в эту трясину».⁶ «Табо обладал знаниями и люди из-за этого боялись его»,⁷ — продолжают авторы, грубо искажая характер отношений между членами этой организации.

Более серьезное впечатление оставляет серия статей, опубликованная недавно в газете «Санди Таймс» южноафриканским журналистом Марком Гевиссером, но и в ней есть неточности и передержки. Например, он утверждает, что Т. Мбеки смог убедить президенты АНК О.Тамбо в 1979г., при подготовке документа по политической и военной стратегии АНК, который стал известен как «Зеленая книга», отказаться от якобы навязанной тому Джо Слово идеи о прекращении существования АНК в качестве национально-освободительного движения и превращения его в движение «марксистско-ленинское».⁸ Однако, хотя дискуссия о целесообразности выдвижения социализма в качестве цели АНК действительно имела место среди членов группы и все они, включая Мбеки, выступили за социалистическую перспективу, они единодушно высказались за сохранение АНК именно как национально-освободительной организации.⁹

Следуя за некоторыми другими авторами, Гевиссер раздувает «противоречия» между Табо Мбеки и Крисом Хани, проявляя при этом, мягко говоря, некоторую небрежность. Он ссылается на эпизод из моей книги по истории АНК, в котором говорится, что в 1988 г. Хани и Мбеки по разному ответили на вопрос, когда АНК добьется победы: первый заявил, что для этого потребуется еще 10 лет, а второй сказал: «Мы будем на родине в 1990г.».¹⁰ Гевиссер обрывает мое повествование, ограничиваясь констатацией якобы имевшейся разницы в подходе этих двух руководителей освободительного движения, хотя за этими словами в тексте книги следовала такая фраза: «Хотя на первый взгляд эти ответы весьма различны, по существу же оба они были правы: руководители АНК действительно смогли вернуться «домой» в 1990 г., но даже после всеобщих выборов 1994 г., в соответствии с согласованной в ходе переговоров конституцией, АНК должен был делить посты в правительстве с Национальной партией в течение еще пяти лет. Таким образом, «полной победы» он мог

добиться только после парламентских выборов 1999 г., т.е. д более чем через десять лет после того разговора». ¹²

Сходные позиции занимает Гевиссер и при описании отношения руководителей АНК к объявленному в речи тогдашнего президента ЮАР Ф. Де Клерка 2 февраля 1990 г. снятию запрета на деятельность Конгресса и ЮАКП. Он подчеркивает, что в день Мбеки, который был активным участником предварительных «переговоров о переговорах», готовился к конфиденциальной встрече с руководителями спецслужб Претории в Швейцарии, а Хани, услышав о заявлении де Клерка во время заседания секретариата Политико-военного совета АНК, сказал: «Для ничего не изменилось. Необходимо направить в страну (ЮАР В.Ш.) больше кадров». ¹³ Но опять же, противоречие здесь многом искусственное, правильной было бы говорить о распределении ролей в руководстве АНК: естественно, что для Хани и его коллег, непосредственно отвечавших за вопросы вооруженной борьбы, декларация Де Клерка, еще не подкреплённая конкретными действиями, отнюдь не была «приказом о демомобилизации».

Вряд ли обоснованы и утверждения автора о постоянных противоречиях между Мбеки и Слово. Создается впечатление, что Гевиссеру, как и другим авторам, не принимавшим непосредственного участия в освободительной борьбе, трудно понять и оценить обстановку товарищества, которая господствовала в руководстве АНК в те трудные годы.

К сожалению, и некоторые российские авторы далеко уходят от реальности, описывая исторические события и нынешнюю ситуацию в ЮАР. В этом отношении весьма примечательны «беглые заметки» о поездке в Южную Африку популярного в некоторых кругах писателя Виктора Ерофеева, опубликованные им (прямо скажем, к сожалению) в еженедельнике «Аргументы и факты», имеющим наибольший в России тираж. Если не считать автора, то его «лирический герой» (заметки опубликованы под заголовком «Рассказ») предстает в них не только как алколик и эксгибиционист, но как расист, с удовольствием цитирующий рассказы тех, кто настроен против АНК и его нынешнего лидера.

Ему явно импонируют слова своего собеседника (автор называет его имени, но сообщает, что это — писатель, издавший книгу «Мое сердце предателя», а в ЮАР вышла только одна книга с таким названием — Райана Малана) о том, что, оказывается, апартеид был ликвидирован отнюдь не в результате многолетней самоотверженной борьбы, позволившей начать проце

итического урегулирования и успешно довести его до конца. I. заметил, — пишет Ерофеев, что гибель апартеида была массово произведена из Москвы чиновником международного дела ЦК по фамилии... на букву «Ш» или «Щ».¹³ (Это что-то вое: предшественники М. говорили о «кознях Кремля», о планах, разработанных в Москве), но никто из них еще не договаривался об «осуществлении» их прямо из Москвы!)

Хуже и опаснее то, что подобные бредни Ерофеев от имени I., который почему-то вдруг заговорил на «чисто русском языке» распространяет и о нынешнем лидере ЮАР: «Новый резидент Южной Африки, у которого нет морального авторитета Манделы, не в пример русским правителям, безукоризненно бразован: цитирует Гоголя! Он производит впечатление вменяемого человека, хотя властный прищур красноватых глаз оборит сам за себя. Если он возомнит себя жандармом всей Африки южнее экватора, я готов ко всему».¹⁴

Нужно ли говорить, что такая «оценка» президента ЮАР, распространяемая популярной газетой почти в трех миллионах экземпляров, вводит в заблуждение российских граждан и тем самым наносит немалый ущерб развитию отношений между нашими двумя странами.

Что же касается «роли жандарма», то, Мбеки относится весьма сдержанно к возможности использования южноафриканских войск в операциях в других странах. Отнюдь не являясь сторонником полицейским методов в отношении других африканских государств, он, напротив, активно поддерживает идею «африканского ренессанса» — гармоничного развития континента. Представляется, что эта идея не только является ответом на «вызов глобализации», о чем говорилось на нашей конференции, но и направлена на «возвращение в Африку» ЮАР — страны, которая из-за режима апартеида была на континенте во многом изолирована.

В целом можно сказать, что перемены в высшем руководстве ЮАР, приход Табо Мбеки на пост президента вызвали повышенный интерес к истории национального-освободительного движения и его авангарда — АНК. Важно только, чтобы этот интерес был удовлетворен путем глубокого и объективного ее изучения.

¹ *Hadland A. and Rantao J. The Life and Times of Thabo Mbeki. Zebra Press, Rivonia, 1999.*

² *Sparks A. Tomorrow is Another Country: The Inside Story of South Africa's Negotiated Revolution. Struik Book Distributors. Sandton, 1994.*

³ *Hadland A. and Ranthao J. Op.cit. c. 63.*

⁴ Ibid. с. 37

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. с.33

⁷ Ibid.

⁸ Sunday Times, Johannesburg, 6 June 1999.

⁹ The Green Book. Report of the Politico-Military Strategy Commission of the ANC National Executive Committee. August 1979, с. 5. Сайт АНК в Интернете <http://www.anc.org.za>.

¹⁰ Sunday Times, 13 June 1999.

¹¹ В.Г. Шубин. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., 1999, с.345.

¹² Sunday Times, 13 June 1999.

¹³ Аргументы и факты, №36, 1999.

¹⁴ Ibid.

* * *

Having used a number of examples from mass-media, including Russian, the author demonstrates, that the information about Tabo Mbeki (the new President of South Africa) could be incorrect and even directly forged.

АФРИКАНСКИЙ РЕНЕССАНС: ВЗГЛЯД ИЗ ЮЖНОЙ АФРИКИ

Нейл Ределинхейс
(ЮАР)

В академических кругах бытует хорошо известная шутка, что списывание у одного автора — это плагиат, а списывание у нескольких авторов — это уже исследование. Первое делается довольно легко, но, как я установила во время первых лет моей учебы в университете, плагиат довольно легко можно обнаружить. «Списать» из многих источников и прийти к новой осмысленной интерпретации или выводу, как это делается в исследовании, — гораздо более трудная работа, но, по крайней мере, она вознаграждается. И, действительно, научные степени получают те, кому удастся это успешно сделать при том условии, что они сумели найти в архивах то, что представляет интерес для списывания, и что еще не было никем скопировано раньше!

Самая тяжелая работа — это написать что-то новое и оригинальное на какую-либо тему, особенно если она является предметом широких дискуссий, как, например, тема африканского Ренессанса в настоящий момент. Подчас становится трудно определить, кто кого цитирует, что является действительно

новым, а что представляет собой синтез уже имевших место дебатов, поскольку в это обсуждение вовлечены представители всех академических дисциплин. Как бы то ни было, данная тема имеет огромное значение, и возможность выразить различные и подчас противоположные точки зрения будет необходима для того, чтобы — как мы надеемся — прийти к той черте, когда дебаты перерастут в действие, или, по крайней мере, определить, возможно ли, вообще, какое-либо действие. Было бы интересно узнать, насколько будут соответствовать действительности в будущем, через одно поколение, труды, которые пишутся сейчас по теме африканского Ренессанса.

Века человеческой истории видели много хорошо исследованных и подтвержденных документами событий и обстоятельств, которые признаны во всем мире поворотными пунктами истории. Это древнегреческая и древнеримская цивилизации, великие африканские цивилизации, Ренессанс, Реформация, две мировые войны и событие недавнего времени — Перестройка. Действительно, за период приблизительно в пять лет, с середины 1980-х до начала 1990-х годов, никакое другое историческое событие не вызвало такой поток публикаций, как Перестройка.

В случае африканского Ренессанса мы можем стоять на пороге еще одного из таких важных событий в нашей истории. Только время покажет, станет ли этот «второй» Ренессанс реальностью или останется предметом академических дискуссий и исчезнет до того, как сможет принести конкретные плоды. Слово «перестройка» больше не используется в широком обиходе, но ее последствия, несомненно, значительно изменили ход мировой истории, поскольку они привели к распаду бывшего СССР, концу «холодной» войны и к возникновению совершенно новой ситуации в Восточной Европе.

Если африканский Ренессанс, или точнее говоря, идеалы африканского Ренессанса, смогут вызвать те перемены, которые в настоящий момент ожидаются на этом континенте, а, следовательно, и во всем мире, он, несомненно, станет одним из важнейших событий нового тысячелетия. Африканский Ренессанс интерпретируется по-разному, но в своей сути он предполагает существование «новой» Африки, где будет господствовать дух самоопределения, который отбросит негативный образ прошлого и позволит стать ей политически стабильным, экономически устойчивым и морально здоровым континентом, гордо красующимся среди других. В действительности это новое популярное слово означает одновременно и смелую перспективу, и геркуле-

сов труд. Если они будут воплощены в жизнь, то это, без сомнения, изменит ход мировой истории.

Вопрос заключается прежде всего в том, насколько жизнеспособен африканский Ренессанс. Если объективно и эмпирически проанализировать существующую ситуацию в Африке, реалии континента сопоставить с целями призыва к африканскому возрождению, то можно сразу увидеть, что Африка еще очень далека от идеалов Ренессанса, может быть, на расстоянии многих световых лет. «Провозгласить Ренессанс» — это одно, сделать его действительностью в контексте существующих реалий — это совсем другое.

Сам термин «африканский Ренессанс» уже дает повод для дискуссий. Понятие «африканский» совершенно очевидно относится к континенту и народам, населяющим его, но на континенте находится 53 государства, и практически единственным, что объединяет эти страны, является их расположенность на одном континенте. Различия между отдельными странами в отношении состава этнических групп, структуры нации, языка, религии, культуры, традиций, социальных условий, политических систем и уровня экономического развития настолько велики, что говорить в широком смысле об африканском Ренессансе в настоящее время представляется просто нереалистичной и недостижимой целью.

В Африке господствует политический хаос: она фактически пребывает в постоянном состоянии кризиса. Из 53 государств континента, по крайней мере, в 15-ти происходят вооруженные конфликты. Гражданские войны, межплеменная вражда, военные перевороты, диктаторские режимы, геноцид, этнические чистки, очевидная неспособность правительств к поддержанию стабильности и к проведению демократического объединения страны, притеснения со стороны собственных «освободителей» которые, считая себя избранниками бога, претендуют на пожизненное правление... все это существующие реалии настоящей жизни. Даже ОАЕ, организация, целью которой является объединение континента, оказалась не в состоянии предотвратить или разрешить ни одного конфликта на континенте.

Конечная цель Ренессанса включает в себя достижение политической стабильности, но, с другой стороны, реализация его идеи тоже немыслима без наличия стабильности. Постколониальная Африка настолько нестабильна, что она едва может служить стартовой площадкой для реального воплощения Ренессанса. Анализ периода с 1952 по 1997 годы показывает, что он, прежде всего, характеризовался насильственной сменой прави-

тельств на континенте. Со времени революции в Египте в 1952 году на материке произошло не менее 85 насильственных или неконституционных смен правительства, а также около 90 правительственных лидеров были смещены с своих постов. И далеко не всегда эти насильственные меры приводили к реальным изменениям в правительстве. С 1960-х годов 25 президентов и премьер-министров были лишены жизни, будучи жертвами политического насилия.

Эти политические перевороты сделали практически невозможным развитие стабильных демократических систем, и к концу 1989 года однопартийные системы стали нормой политической жизни на континенте. За исключением Судана (1964 г.) и Сейшельских Островов (1977 г.), где перевороты были инициированы гражданскими лидерами, развития обычно развиваются по следующему образцу: военные или вооруженные мятежники свергают существующее правительство и устанавливают военный режим. После захвата власти они, как правило, создают свою единственно разрешенную политическую партию, преобразуя таким образом военный режим в однопартийную диктатуру.

Экономический климат Африки еще более далек от режима благоприятствования воплощению идей Ренессанса. У большинства людей континент все еще ассоциируется в сознании с образом нищего, стоящего с протянутой кружкой для милостыни, а не работника, который сам себя может прокормить. Голод, устрашающая нищета, упадок, явное неумение создать здоровую экономику, неспособность успешно вести дела, получая одновременно огромные суммы иностранной помощи, коррупция среди официальных лиц — все это является реальностью во многих странах. Образ бедности выступает на первый план при создании истинной картины Африки. Для того чтобы ее экономика стала на один уровень с остальным миром, потребуется не только Ренессанс, а настоящее чудо. И это чудо должно свершиться не только в осуществлении реально возможной экономической стратегии, но и, что более важно, в развитии самомотивации людей, необходимой для достижения данной цели.

В реально обозримом будущем перспективы экономического развития Африки в лучшем случае весьма скромны. Политическая независимость не принесла с собой ожидаемых изменений, а скорее, напротив, привела к ухудшению экономической ситуации. Существование этого мрачного экономического профиля Африки объясняется несколькими причинами.

Повсеместно распространенная нищета и быстрый рост населения в Африке привели к истощению почвы и уничтожению лесов, что вызвало перебои с продовольствием. Учитывая, что потребность в пищевых продуктах должна утроиться в ближайшие 30 лет, можно сделать очевидный вывод о том, что нехватка продуктов вызовет еще большие экономические, социальные и политические проблемы. Сильная зависимость экономики Африки от экспорта сырья и невыгодные условия торговли так отрицательно сказываются на развитии континента.

Большинство африканских стран все еще находится в сильной экономической зависимости от иностранной помощи, и постоянное уменьшение ее размеров делает их еще более уязвимыми. Развитые страны уже больше не связаны обязательствами по предоставлению помощи Африке, как это было в годы борьбы за ее независимость. После распада СССР и окончания «холодной» войны Африка не имеет больше прежнего стратегического значения для Западного мира, и поэтому размеры предоставляемой помощи подвергаются более строгому контролю, чем в былые времена. И, откровенно говоря, условия, господствующие в большинстве африканских стран, также не способствуют росту прямых инвестиций.

Трудное финансовое положение, в котором оказались многие африканские правительства, тормозит и развитие человеческих ресурсов, этого важнейшего фактора, без которого немислимо никакое возрождение. Наблюдается сокращение затрат на образование, здравоохранение и другие социальные нужды. Прекращение дотаций на основные продукты питания и другие товары первой необходимости оказывает отрицательное влияние на положение быстро растущего городского населения, особенно на его беднейшие слои. Это порождает ситуацию замкнутого круга, поскольку экономические лишения и отсутствие духовного роста населения вызывают политическую нестабильность.

Политическая нестабильность и отсутствие жизнеспособной экономики на континенте отразились, естественно, на положении народов Африки. Социальные условия, вызванные указанными выше факторами, привели к дегуманизации континента. Создается впечатление, что Африка потеряла саму свою душу. Это утверждение может показаться очень безрадостным, но оно не лишено основания. Представление об истинном положении в Африке подкрепляется некоторыми недавно опубликованными Всемирной Организацией Здравоохранения статистическими данными, характеризующими условия жизни африканского населения.

Из 600 миллионов человек, живущих к югу от Сахары, 100 миллионов страдают разного вида умственными расстройствами. Причины этого бедствия: геноцид, гражданские беспорядки, войны, уничтожение семейных и общественных традиций, урбанизация и, конечно, нищета.

Данные причины можно воспринимать как черты более глобальной реальности нынешнего переходного периода в Африке. Очевидно, что постколониальная борьба и разочарования последних 40 лет оказали такое же, если не более сильное влияние на наш континент, чем предшествовавший им ужасный период рабства и колониализма, оставившие глубокую травму в душах людей. Такое понимание нынешней ситуации отрицается многими из тех, кто предпочитает видеть корни современных проблем Африки где угодно, но только не в вышеперечисленных обстоятельствах, но, с другой стороны, его нельзя и полностью проигнорировать. Кого бы мы ни пытались обвинить — а необходимым условием возрождения Африки является отказ от «синдрома перекладывания вины», — ясно одно: старая Африка с присущими ей крепкими семейными и общинными узами и глубоко заложенной духовностью постепенно исчезает. Складывается впечатление, что все народы Африки находятся в состоянии переходного периода. К этому следует добавить, что нестабильность государств и целых регионов ложится тяжелым бременем на каждую отдельную личность. По данным ВОЗ, данная проблема усугубляется нехваткой денежных средств, а также нерешительными действиями безвольных политиков. Боль, потери и травмы, вызываемые всеразрушающими преобразованиями, оказывают непреодолимое воздействие на людей. Статистика, опубликованная ВОЗ, красноречиво свидетельствует о том, что человеческое лицо Африки полностью обезображено.

На эмпирическом фоне современной Африки — на фоне картины политической нестабильности, экономических лишений и страдающих от духовных и умственных недугов людей — редлагается идея африканского Ренессанса или, в лучшем случае, его идеалы. Принимая во внимание этот мрачный аспект африканской действительности, можно с полной уверенностью ожидать, что у циников будут все основания для скептического отношения к этим идеалам.

Использование термина «Ренессанс» вызвало такие же споры, как и «африканская» часть этой фразы. Многие граждане Южно-Африканской Республики и других стран считают, что призыв к возрождению континента должен был прозвучать гораздо раньше, в то время как другая, не менее многочисленная

часть населения относится к нему с большим скептицизмом и цинизмом. Высказывания в прессе и даже в академических кругах изобилуют негативными и уничижительными комментариями. Для подобных скептиков само сочетание является терминологическим противоречием. Те, кто не знают или отказываются признать ту Африку, которая в прошлом была с Европой на равных или даже опережала ее некоторыми достижениями, прямо заявляют о том, что, поскольку не было рождения, то не может быть и возрождения. Их довод: народы, которые были неспособны письменно зафиксировать свою историю, неспособны изобрести колесо или, по крайней мере, проложить трубы в своих жилищах, не имеют права использовать термин «Ренессанс». Такого рода критики считают, что данное понятие относится исключительно к великому Возрождению Европы, этому уникальному явлению в европейской истории, и для них его использование в африканском контексте является абсолютно неприемлемым.

Естественно, выбор этой фразы в некоторой степени неудачен, и история его возникновения тоже не совсем обычна. Понятие «африканский Ренессанс» «запустил в оборот» Табо Мбеки, будучи еще вице-президентом Южно-Африканской Республики. Это тот самый человек, который выступил с известной речью «Я — африканец» и при этом не смог найти африканского эквивалента для выражения своего видения будущего Африки. В историческом отношении был бы очень важным выбор типично африканской фразы с тем же самым значением, но которая все же подчеркивала бы отличие от европейского Ренессанса и содержала бы нечто новое, присущее только Африке. Можно дать следующее логическое объяснение использованию фразы, взятой из латинского языка: ни в одном из десяти главных языков негритянского населения Южной Африки нет эквивалента слову «Ренессанс». Причем отсутствует не только слово, но и само понятие. И если его нет в Южной Африке, то это дает нам полное основание предположить о том, что нигде в Африке, при всем вышеупомянутом многообразии ее языков и культур, просто не существует африканского лингвистического эквивалента для понятия «Ренессанс».

Для африканской интеллигенции, которая находится в первых рядах этого движения, понимание данного термина не представляет собой никаких проблем, поскольку большинство ее представителей получило образование на Западе. Но для неграмотных и неоднородных по составу масс сельского населения во многих странах африканского континента потребуется очень

долгое время, для того чтобы они смогли постичь суть этого понятия и, что более важно, осознать, что оно подразумевает и их сопричастность.

При обсуждении вопроса, возможна ли реализация идеалов африканского Ренессанса, рассматривается прежде всего эмпирический аспект положения в Африке. При этом учитываются только его худшие стороны, и в результате получается далеко не самая радужная картина. Но существует второй, еще более важный аспект, который необходимо принять во внимание при ответе на вопрос, может ли Ренессанс стать истинно африканским, ведь сам термин предполагает, что он должен быть африканским, а значит и идеалом для всего континента. Его можно сформулировать так: в какой степени разнообразные страны Африки охвачены коллективным стремлением к общей идеологии, в данном случае, к идеологии африканского Ренессанса?

Может ли общая идеология африканского Ренессанса быть воспринята в таких совершенно различных странах Африки, как, например, Египет, Берег Слоновой Кости, Конго, Эфиопия, Тунис и Сьерра-Леоне? Или в любых других шести странах из 53 африканских государств? Можем ли мы уже говорить о наличии коллективно осознанного стремления к возрождению континента или констатировать, что национальные, и, что еще хуже, узко этнические интересы имеют все еще приоритетное значение для большинства стран?

Рассматривая проблему на эмпирическом и функциональном уровне и учитывая существование разнообразных идеологий, пока еще очень трудно, а скорее даже невозможно узреть коллективную увлеченность африканских стран идеалами Ренессанса. Упомянутое разнообразие является пока еще разъединяющим фактором, который затрудняет осознание необходимости единства целей при достижении идеала.

Вышесказанное вовсе не означает, что поставленная задача вообще не разрешима, однако для многих стран само понятие не приобрело пока еще первостепенную важность, и всеобъемлющая перспектива африканского Ренессанса не проникла еще во все уголки огромного континента. Было бы преждевременно полагать, что все страны материка с одинаковым энтузиазмом воспринимают и разделяют предлагаемые идеалы Ренессанса, так широко обсуждаемого в настоящий момент в Южной Африке. В противном случае это свидетельствовало бы об уже достигнутом единстве целей, о котором пока еще очень рано говорить. Всякого рода попытки искусственно привить общую систему ценностей, заложенную в призыве к африканскому

Ренессансу, не стали бы объективным и честным отражением подлинных процессов в Африке. Может быть, Табо Мбеки и другие сторонники идеи Ренессанса и хотели бы, чтобы он носил всеафриканский характер, однако их желания еще не являются действительностью.

Пока Ренессанс будет провозглашаться лишь отдельными личностями и его публичное обсуждение ограничится академическими кругами и представителями интеллигенции, а также, пока его роль будет сводиться только как к панацее от всех бед для беспокойного континента, ни о каком реальном его воплощении не может быть и речи. Идеалы африканского Ренессанса невозможно претворить в жизнь, следуя чьему-то приказу или желанию, или законодательным путем. Невозможно также за счет манипулирования эмоциями людей делать его орудием для достижения определенной цели, какой бы благородной она ни была.

Означает ли это, что африканский Ренессанс следует воспринимать как мертворожденное дитя, а точнее, как историческое событие, заведомо обреченное на неудачный исход? Надеемся, что нет. Менее чем полвека тому назад нельзя было представить себе, что человек когда-нибудь ступит на поверхность Луны, что будет возможна пересадка человеческого сердца, что мир станет одной деревней глобального масштаба, и, что, возможно, самое удивительное, правительство в Южно-Африканской Республике будет избрано демократическим путем. Однако все это стало реальностью. Поэтому и африканский Ренессанс не должен быть исключением, а, напротив, привлекать самое пристальное внимание к себе. Будучи еще в зачаточном состоянии, он уже сдвинулся с нулевой точки. Наблюдаются некоторые позитивные изменения в политической, экономической и культурной области на африканском материке. Они могут показаться совсем незначительными и не достойными внимания, если сосредоточиться на рассмотрении только негативных аспектов. С начала

1990-х годов в Африке четко прослеживается тенденция к демократизации. Смены правительств мирным путем становятся все более частым явлением, а число насильственных переворотов, характерных для периода с 1960-х до конца 1980-х годов, напротив, идет на убыль. Этот переход к демократической выборности власти произошел где-то в конце 1980-х годов после перенесенных людьми экономических лишений, которые были вызваны существовавшими тогда авторитарными режимами. Свою роль в этом сыграло и окончание «холодной» войны, поскольку у иностранных инвесторов появилась возможность

оказывать давление на африканские правительства с целью либерализации экономической и политической системы их стран.

Начало этому «второму освобождению» Африки, когда однопартийная монополия власти сменилась многопартийной выборной системой, было положено выборами в Намибии в ноябре 1989 года, которые состоялись до провозглашения независимости, а также самим фактом провозглашения независимости этой страны в 1990 году. Это оформилось в четкую тенденцию, и к декабрю 1997 года в 45 странах были проведены многопартийные выборы. Однако некоторые из этих стран вернулись позже к военному правлению, затем снова к гражданскому, и существование многопартийной системы, в целом, находилось под угрозой исчезновения вследствие отсутствия стабильности и вспыхивания военных конфликтов. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на определенные перемены, демократические системы во многих странах пока еще очень неустойчивы. Демократия находится там пока еще в зачаточном состоянии, и первые попытки ее укрепления не всегда приводят к успеху. Как бы то ни было, Африка нуждается в максимально возможной помощи и поддержке в достижении стабильности, являющейся жизненно важной для нее и создающей основу для ее возрождения. Африка должна будет сама решить, что для нее наилучшим образом подходит, и придать этому конкретные формы.

Адам Михник из Польши сказал как-то репортеру, бравшему у него интервью: «Демократия — это ужасный способ правления. Она дорога и требует много времени. Но никто не предложил пока еще лучшей идеи». Этот урок придется выучить и Африке. И она учится по мере того, как отдельные страны разрабатывают для себя наиболее приемлемые системы, от которых не требуется полное соответствие идеям Западной демократии.

Одновременно с развитием демократических систем, какими бы хрупкими они ни были в данный момент, африканские страны совершенствуют также в определенной степени и свою экономику. Уже имеются положительные примеры того, как отрицательные тенденции начинают развиваться в противоположном направлении. Возможно, наиболее положительным моментом является тот факт, что в регионе к югу от Сахары формируется новое поколение прагматически мыслящих политических лидеров. Все большее количество стран разрабатывает свой собственный тип реформ, который подразумевает усовершенст-

зование административных и правительственных структур. Результаты таких изменений ощутимы уже сейчас.

В настоящее время большинство африканских стран стремится к привлечению иностранного капитала, и это побуждает их предпринимать конкретные меры по либерализации своей экономики. В результате данных процессов изначально очень низкие экономические показатели стали медленно расти вверх в различных регионах Африки. К 1998 году ежегодный экономический прирост в государствах, расположенных к югу от Сахары, составлял около 5%, и в большинстве стран наблюдалось также незначительное повышение дохода на душу населения.

Эти перемены дают нам основание утверждать, что уже положено начало возрождению Африки. Однако их незначительность пока еще исключает возможность всестороннего воплощения идей Ренессанса. Реалии жизни и отсутствие коллективного стремления к общей идеологии африканского Ренессанса — все это факты, с которыми нужно непременно считаться. Но идеалы Ренессанса слишком величественны, чтобы ими можно было просто пренебречь: даже, несмотря на возникающие проблемы они достойны того, чтобы стать реальностью.

Поскольку «родиной» идеи Ренессанса стала Южно-Африканская Республика, то именно отсюда должен идти призыв к остальной части Африки. Также как и европейский, африканский Ренессанс имеет свою отправную точку, и таковой является Южная Африка. Мбеки глубоко убежден в том, что Ренессанс должен зародиться в глубине Африки, и он непоколебим в своей уверенности, что поставленная задача посильна для нее. И, действительно, повсеместно преобладает мнение, что появившаяся на международной арене Южно-Африканская Республика, уже признанная мировым сообществом, окажет глубокое и, в целом, положительное влияние на южный регион Африки, а следовательно, и на весь континент. Но судьбы африканских стран находятся, в конечном итоге в руках их собственных народов, чья решимость и станет определяющим фактором в построении лучшего будущего. Южно-Африканская Республика взяла на себя руководство этим движением. Но она должна вести за собой силой примера, а не силой команды. Ей следует сначала привести в порядок свой собственный дом, прежде чем брать на себя роль лидера всего континента.

Процесс демократизации нашей страны и нахождение международно признанных лидеров у руля власти дает нам в настоящее время некоторые политические и моральные преимущества перед другими странами. Но это само по себе не порождает

Ренессанса. Эйфория 1994 года уже постепенно проходит в ЮАР, и, как совершенно справедливо заметил Мбески, настало время действовать. Мандела сделал первый шаг: он добился примирения между различными слоями южно-африканского общества, каким бы хрупким оно сей час еще ни казалось. Теперь должен быть сделан следующий шаг: обеспечить по-настоящему хорошее управление страной.

Представляется, что Южно-Африканская Республика лучше всех подходит для роли лидера африканского Ренессанса, однако многоукладность, типичная для всего континента, накладывает отпечаток и на нашу страну. Процесс политической демократизации не разрешил в один миг все внутренние политические конфликты и не привел пока к ускорению экономического развития, а экономические трудности, как показывает жизнь, являются самым главным препятствием для реализации идей Ренессанса как в ЮАР, так и во всей остальной части Африки.

Некоторые экономические проблемы ЮАР типичны и для других африканских стран, но есть и специфические южно-африканские проблемы, как, например, отрицательное влияние на экономику альянса между АНК, Косату и КПОА, при всей несхожести их экономических платформ. Но существует еще один аспект, негативно сказывающийся на нашей экономической ситуации и делающий невозможным полный расцвет Ренессанса в Южной Африке. Это тот факт, что многие принимаемые экономические законы и проводимый политический курс имеют расовую подоплеку. Данное обстоятельство часто наводит многих на мысль, что вся экономическая ситуация не сильно изменилась с того времени, когда слово «белокожий» было синонимом богатства, а слово «чернокожий» — синонимом бедности.

Подобная политика отвращает от себя многих представителей белого населения, которые хотят и стремятся помочь перестроить страну в государство с нерасовой демократией и процветающей экономикой и готовы поделиться своими знаниями и опытом ради достижения этой цели. В действительности все выглядит довольно печально: их эмиграция из страны постоянно увеличивается, и не только из-за утраты ими политической власти, финансовых потерь, политики «аффирмативного действия» (т.е. политики благоприятствования лицам, ранее ущемленным в своих правах) или из-за постоянно растущей преступности. Самой главной причиной является то, что цвет кожи не позволяет больше белому населению воспринимать страну как свою родину. Всем экономическим трудностям приписывается

расовый характер, и их причина интерпретируется как наследие апартеида. Вина полностью возводится на белокожих, включая молодое поколение, которое не проявляло ни политической, ни экономической активности в годы апартеида.

Для быстрого подъема экономики ЮАР необходимы серьезные преобразования. По-южноафрикански это означает перераспределение богатств, причем не обязательно между бедными и богатыми, а, главным образом, между чернокожими и белокожими. Мбеки, будучи специалистом в области экономики, резюмировал свое понимание причин наших бед в речи «Две нации», где он заявил, что мы все еще являемся двумя нациями: богатой белой и бедной черной. С одной стороны, это высказывание пока еще в значительной степени соответствует действительности, но, с другой стороны, оно является значительно упрощенным изображением сложной ситуации. Точка зрения, изложенная в заявлении Мбеки, не отражает современной реальности и тех перемен, которые произошли в ЮАР за последнее время.

Самым большим социальным изменением в Южной Африке с 1990 года является тот факт, что наиболее состоятельная верхушка населения, составляющая 20% от общей численности, стремительно пополняется представителями чернокожей расы, и в настоящее время последние даже численно доминируют в данной группе общества. Таким образом, по сравнению с периодом до 1990 года, различие в доходах не носит более расового характера, а является скорее классовым, и вышеупомянутое 20-процентное население с самыми высокими доходами представляет собой скорее многорасовую элиту. Многие белокожие, обедневшие в результате всякого рода преобразований, перераспределения доходов, политики «аффирмативного действия» и массовых увольнений, считают, что подобные акции направлены не на то, чтобы помочь бедным чернокожим или белокожим, а на то, чтобы заменить средний класс белокожих на средний класс чернокожих. По-настоящему объективный анализ причин всего происходящего отсутствует и по сей день.

Разработка экономической политики ЮАР является задачей для экономистов и не входит в цели, поставленные перед данной статьей, но, поскольку в ней излагается южно-африканский взгляд на Ренессанс в Африке, я хотела бы более подробно остановиться на освещении некоторых проблем с точки зрения представителей белой части населения страны. Белокожие, так же как и их чернокожие сограждане, полны энтузиазма в отношении реализации идеи Ренессанса, но они в некоторой степени

чувствуют себя исключенными из этого процесса. Чтобы процесс возрождения протекал успешно, он должен носить всеобъемлющий характер. Каждой личности требуется особая мотивация для участия в нем. На уровне правительства активно разрабатывается политика управления страной, а на уровне отдельной личности следует признать тот факт, что вклад каждого конкретного южно-африканца в дело экономического процветания нации пока еще недостаточен, потому что далеко не каждый работает с полной отдачей и стремится к повышению производительности своего труда. Сначала нужно достигнуть данной цели, усвоив при этом нормы рабочей этики, которую нельзя привить никакими правительственными указами, а потом уже выступать с требованиями о повышении заработной платы.

Хорошим способом зарабатывания денег стала в нашей стране преступность. У нас имеется целое поколение молодых людей, которое выросло в тот период, когда неуправляемость страны была политической целью, политической акцией протеста против незаконного правительства. И сейчас пожинаем плоды этого прошлого в экономической области, имея такой уровень преступности, который почти достиг некогда поставленной политической цели.

Данное поколение выросло в условиях такой культуры, где люди, бывшие образцами для подражания у молодежи, считали не обязательным платить за оказанные им услуги. Теперь мы живем в условиях демократии, но наследие той прежней культуры уничтожить не так просто. Мы имеем обанкротившуюся систему, в которой местные и региональные законодательные органы больше не в состоянии обеспечивать население товарами и услугами, а устоявшаяся инфраструктура просто распадается на отдельные части. В результате длительной политической борьбы против несправедливого правительства и его ошибочного правления, отвечавшего эгоистическим интересам определенной группы людей, страна оказалась под бременем огромного экономического дефицита. Непрекращающаяся коррупция на всех уровнях власти также проедает большую дыру в нашей экономике, уже достаточно расшатанной некомпетентностью чиновников, не сумевших пройти соответствующую подготовку, но тем не менее назначенных на свои должности вследствие политики «аффирмативного действия».

В своей речи «Я — африканец» Мбеки коснулся очень болезненной темы для представителей белого населения ЮАР. Несмотря на то, что в этой вдохновляющей и ученой речи он объединил термином «африканец» всех жителей страны, эта

идея не укоренилась еще в сознании широких масс. О каком единстве целей на континенте может идти речь, если на заре Ренессанса все еще обсуждается вопрос, кто африканец, а кто нет? И до тех пор, пока все жители Южной Африки не будут считаться африканцами, идеалы Ренессанса останутся пустыми словами на бумаге. Первостепенным условием его успешного развития является единство духа и целей африканцев, а следовательно, и южно-африканцев. И поскольку в нашей стране до сих пор существует разделение по расовому признаку, я хотела бы закончить доклад размышлением на тему, кого можно назвать африканцем.

При определении понятия «африканец» полезно обратиться к истории нашей страны за ответом на вопрос: когда это слово, содержащее название континента, было впервые намеренно использовано с особой целью — с целью обозначения национальной принадлежности?

Почти за три столетия до вышеупомянутого заявления Мбек его применил в отношении себя с точно такой же многозначительностью один из представителей белого населения континента. В 1707 году он включил это понятие в свое политическое заявление, как это сделал Мбеки в 1996 году. Этот белый житель сказал: «Африка — это моя родина. Я не европеец. Я нахожусь здесь не по чьей-то милости, а по праву».

Его звали Хендрик Биболт, и произнесенная им фраза была сделана в то время, когда голландцы, гугеноты и африканеры объединились в своем протесте против погрязшего в коррупции губернатора Капской провинции Вильяма Адриана ван дер Стела. После того как судья Стелленбоша приговорил четырех молодых людей, одним из которых был Биболт, к наказанию хлыстом, он сказал: «Ik ben een Africaander, al slaat den lamddros mijn dood, of setten hij mijn in der tronk, ik sal nog wil niet st swijgen». Приблизительно это можно перевести так: «Я африканер, даже если по воле судьи меня забьют до смерти или посадят в тюрьму, я не буду молчать». Говоря современным языком, он потребовал свободы слова в своей собственной стране, не думая при этом о последствиях. И он назвал себя по имени своей родины, Африки. «Африканер» и «африканец» являются грамматически и семантически в двух разных языках одним и тем же словом.

Этот случай надолго запечатлелся в истории, поскольку он произошел в определенном политическом контексте. Следует при этом заметить, что слово «африканер» стало употребляться еще раньше, в конце 17 века, когда им называли детей, родившихся

щихся в Африке в семьях выходцев из Европы. Оно прослеживается в именах, которыми крестили детей в то время. Например, Аполония Африкана Берг (род. 08.09.1688 г.), Дирк Африканус де Бир (род. 09.02.1686 г.), Махиль Африканус Хейнс (род. 1697 г.). Это не оставляет никакого сомнения в том, какой стране изъявляли свою преданность родители, давшие своим детям такие имена.

Со времени образования колонии свободных граждан, считавших Капскую провинцию своей родиной и называвших себя африканерами, эта группа людей превратилась в группу населения с особым национальным самосознанием. К началу 19 века их численность составляла около 25 тысяч человек. Они полностью отождествляли свою национальность с континентом, ставшем для них родиной.

Это отождествление себя с местом своего рождения и позже осознание себя как нации африканеров накрепко связало их с континентом. Считая Африку своей родиной, они выбрали самостоятельный путь развития и создали независимое политическое государство с целью сохранения своего языка, культуры, моральных норм и ценностей. Данные обстоятельства в значительной степени определили ход истории в Южной Африке, отразившись в таких событиях, как Великое Переселение, образование двух Бурских Республик и ведение двух войн против Британской Империи.

Учитывая эти особенности истории африканеров и их отношение к Африке как к единственному родному дому, заявление Мбеки о том, что наша африканская сущность не должна определяться расой, цветом кожи, полом или историческим прошлым, звучит вдохновляюще и убедительно.

К сожалению, не все представители чернокожего населения Южной Африки разделяют такую глобальную точку зрения на то, кто является африканцем, а кто нет, и выступают против присваивания белокожими, особенно белокожими африканерами, себе права называться африканцами. Для них единственным критерием определения африканца является цвет кожи, при этом только черный становится синонимом понятия «африканец», и никакие исторические события не в силах изменить этот статус кво. Даже на пороге 21-го столетия они воспринимают белокожих все еще как захватчиков. Спорить по этому вопросу с некоторыми чернокожими согражданами не имеет смысла, потому что они относятся к нему почти как к религиозной догме и поэтому не делают его предметом своих дискуссий. Фраза «независимо от расы, цвета кожи и религиозных убеждений», которая

так часто звучит в *демократической* Южной Африке, пока не стала установившейся нормой социальной и политической жизни страны.

В завершение я хотела бы четко сформулировать мысль, которая проходит через весь мой доклад. Ренессанс станет реальностью для Африки только тогда, когда континент прекратит политику эгоцентризма и разногласий, когда преследование узких интересов определенных групп населения уступит место цели достижения благополучия всех африканцев, независимо от их цвета кожи, религиозных убеждений, пола и исторического прошлого, когда знаменитая фраза Табо Мбеки «Я — африканец» сможет стать истинным выражением чувства всеобщей солидарности.

* * *

The author points out, that the very terminology of African Renaissance, is already highly contentious: the term 'Renaissance' was borrowed from European cultural context. Nevertheless the reality of Africa's revival, which could be defined as Africa's Renaissance will only become actuality when the continent ceases to act in a self interested and divisive manner; when it ceases to stress narrow sectarian interest at the expense of the greater good of all Africans, irrespective of colour, gender, or historical background.

THE TRANSFORMATION OF THE AFRICAN NATIONAL CONGRESS (1979–1985): FROM AFROCENTRISM TO EUROCENTRISM?

PG Eidelberg
(South Africa)

Apartheid South Africa and the Soviet Union, while ideologically and politically very different, and existing geographically far apart, have shared the curious misfortune of both having disintegrated roughly at the same time — around 1990. While much has been written on the decline of both these systems, particularly during the 1980s, relatively little has been written about how these simultaneous declines converged upon each other, particularly within a general ideological framework. This is partly because little has been published in terms of ideological analysis, dealing with South Africa during this period. The African National Congress (ANC) of South Africa provides an obvious starting point for such an analysis since

was for several decades closely supported by, and thus involved with, the Soviet Union, at a time when official relations between Moscow and Pretoria were virtually non-existent.

By earlier rejecting international capitalism (for example through its 1955 Freedom Charter), the ANC had hoped to transform South Africa into a so-called «non aligned» Third World country. It was hoped that its relative economic independence would permit it to simultaneously enjoy political independence, which, as the movement's name implied, would have been strongly Afrocentric. This paper will argue that the ANC, particularly during the period 1979 to 1985, was forced fundamentally to begin to reorientate its foreign policy, from being an ally of the Soviet Bloc to increasingly becoming a willing partner, albeit a small one, of the international capitalist world. There were perhaps two fundamental reasons for this foreign policy change, one domestic and the other, international.

Domestically, under the growing pressures of economic stagnation from about 1975, the South African state began systematically to dismantle its costly apartheid controls, while still hoping to preserve white rule. In particular, homeland, including influx controls, over the African townships began to be loosened. This change of policy would provide the ANC with the opportunity to infiltrate these townships and once again establish zones of influence there, as it had originally done prior to 1960 — but now to do so in conditions of greater political opportunity. In 1979, in a basic document known as the «Green Book,» this policy was officially endorsed by the ANC leadership. While guerrilla warfare, in operation since 1961, would continue and perforce still rely on Soviet aid, this aid, itself would become a smaller part of the picture. For, along with newly launched urban guerrilla tactics, the ANC now allied itself to political front organisations, such as the United Democratic Front (UDF) and township civic organisations, themselves not directly linked to Soviet support.

Internationally, the Soviet Union, itself a committed patron of the ANC since at least the early 1960s, was likewise beginning to reconsider its own foreign policy towards the Third World. Like the ANC, during the early 1980s, the USSR was becoming disillusioned with its heavy commitment towards anti capitalist allies in Africa, Asia and Latin America. Its own worsening economic problems, moreover, were drawing it to increasing accommodation with the ever more rapidly growing economies of the capitalist West. Thus Moscow would ultimately tacitly condone the ANC's foreign policy reorientation towards the West, during this same period, if only because this reorientation was actually paralleling her own.

1. The watershed of the 1970s: apartheid and South African economic decline

South African apartheid policy was distinguished from the previous, early twentieth century policy of racial segregation by its systems of homelands or «bantustans» — allegedly politically autonomous or even independent states, each with its own apparent ethnic identity. After 1948, these were created from «reserves», or segregated land in the countryside, set apart earlier for Africans. All Africans, including those domiciled in the townships of the South African heartland (outside the homelands) were automatically obliged, at least legally, to belong to one of these homelands according to the particular individual's ascribed ethnic or «tribal» origins. A key function of the homelands thus was to control the urban townships. The Group Areas Act of 1950 provided for the first time an effective, state controlled system of urban segregation. Its corollary was the Native Laws Amendment Act of 1952, itself providing for effective influx control for Africans moving between homelands and townships.¹

With the development of large-scale manufacturing, made possible by a massive domestic steel-and-electricity industrial revolution from the 1930s,² many Africans had been attracted to the new urban job markets. Manufacturing, furthermore, permitted a relatively permanent and residentially stable African labour force, involving not only the workers themselves but also their families.

It was in fact the rapid growth of the urban African population and its consequent political radicalisation during the second half of the 1940s, with its potential long-term threat to urban stability, which would bring about apartheid. In particular, the radicalisation of the ANC during the late 1940s, in conjunction with the activities of the South African Communist Party (SACP), appeared to provide leadership for any potential mass urban insurrection,³ at least in the long run.

The new form of urban planning which group areas and influx control represented, revealed a growing government preoccupation with the need to control urban revolt. Townships were segregated to isolate the inhabitants so that any riot or rebellion could easily be cordoned off. Streets were built in rigid parallel and perpendicular formation to make them easily accessible to armoured cars in case of insurrection.⁴

From about 1975, however, there began a sudden and ever more rapid loosening of homeland controls over the African urban townships, symptomising the erosion of apartheid.⁵ Apartheid became

discredited, even among its most ardent supporters, and not only because of its alleged «internal contradictions». ⁶ More to the point, it could not adapt to South Africa's suddenly noticeable long-term economic decline ⁷ as a result of unexpected long term changes in the world economy. Temporarily higher prices for gold were more than outweighed by the oil price rise of 1973 (which would last thirteen years) and the general stagnation in western imports and investment for the rest of the decade. ⁸

In the long term, steadily worsening terms of trade for primary products and greatly increasing competitiveness for high technology imports would cause growing pressure, already during the 1970s, for a free-market economy no longer restricted by costly apartheid controls. In particular, the need for skilled manpower in manufacturing became far more acute than before. ⁹ The black labour force had to be trained and, parallel with this, a black middle class allowed to grow. Both requirements were incompatible with institutionalised racial segregation and an economy based on cheap, and therefore regimented black labour.

However, the political price of removing apartheid controls would be high. If the homelands until then had served to insulate the townships from ANC influence, so the growth of township independence as a result of the erosion of home-land controls would be accompanied by a resurgence of the ANC as a force in the townships. The state's attempts to continue banning the ANC could not but be undermined by its simultaneous dismantling of the very apartheid infrastructure needed to keep the movement under control. Apartheid, in other words, could not be «reformed». It could only be undermined and with it, ultimately white rule, itself.

2. The transformation of the ANC (1979-1983)

The ANC's turn to guerrilla warfare in 1961, itself a reaction to the organisation's banning one year earlier by the apartheid National Party government, made it necessary for the organisation to establish strong diplomatic and military ties with the Soviet Bloc. ¹⁰ From the beginning, it had been decided to wage guerrilla warfare from bases located outside South Africa and whose terrain of operations would be primarily in the South African rural areas. Not before 1979 at the earliest, with the gradual loosening of apartheid controls, would the ANC be able to change its policy to one of launching guerrilla war primarily in the townships and general urban areas.

The sudden and dramatic Portuguese decolonisation of Angola and Mozambique in 1974, was followed by the rapid installation of pro Soviet governments in both countries. For the first time, it be-

came possible to infiltrate with some degree of success, guerrillas into South Africa. Simultaneously, Umkhonto we Sizwe (MK), the ANC guerilla wing, began to develop urban guerrilla cells. However, the ANC still saw this as largely an extension of rural guerrilla warfare,¹¹ with the towns still playing an ancillary role.

Similarly, although the 1976 Soweto uprising appeared as a challenge to MK's traditional predominantly rural and military orientation, in fact, there was to be no attempt on behalf of the ANC to change strategy for more than another two years. Soweto, like the earlier Portuguese decolonisation of Mozambique and Angola, was interpreted by MK as serving primarily to increase its opportunities of launching more guerrilla incursions into South Africa. Urban incursions, themselves, were meant to be short term and seen by the ANC in military rather than in political terms.¹² The ANC's fundamental outlook would in fact only begin to change as a result of the decline of apartheid controls over African townships, during the second half of the 1970's.

It was not until 1979, in a report to the ANC National Executive Committee (the so-called «Green Book»), that a definite change in policy would occur. Firstly, guerrilla warfare was from now on to assume a predominantly urban township orientation. Secondly, instead of being primarily a military concept, guerrilla warfare would now emphasise a much broader spectrum of insurgency, including most notably links to legal and semi-legal mass organisations.¹³

The ANC sought in particular to identify itself with the newly formed township civic associations which appear to have been strongly influenced by their middle class constituents.¹⁴ It has been suggested in fact that «civics were seen as representing the 'community', which meant the stronger, more articulate and educated, less cautious township residents».¹⁵ The civics not only formed a natural opposition force to the government but also represented the most influential grass roots township organisations.

The long term significance of this new alliance can not be over-estimated. Such an alliance would entail the ANC's transformation into an organisation of predominantly middle class, as opposed to multi-class, orientation. The effect would be the scaling-down of the ANC's institutional ties with organised labour. These ties, predominantly through the South African Congress of Trade Unions (SACTU), had, for the previous quarter of a century, been so close as to be symbiotic, forming an organic whole.

The founding of the UDF in 1983 would be the result of the alliance between the ANC and the township civics. This, in turn, would entail a far reaching reinterpretation of the original ANC Freedom

Charter, a document in many respects comprising the basic tenets of the ANC's ideological outlook for the quarter of a century after 1955. The original Freedom Charter had supported a multi-class alliance between the black middle classes and black organised labour.¹⁶ It will, on the other hand, be argued that by 1983, the UDF would be interpreting the Freedom Charter in a direction more relevant to the middle classes and less to the needs of organised labour. In turn, this would make the ANC's own position increasingly less incompatible with that of international capitalism. The alliance of interests with the Soviet Union, so evident for the past twenty years, would as a result lose its original *raison d'être*.

3. The ANC's transformation and the reinterpretation of the Freedom Charter

The Freedom Charter has been described as non socialist and as moderate on economic issues. And yet it in fact advocated a far reaching, radical restructuring of the South African economy at the expense of large scale domestic white and foreign capitalist interests.¹⁷ This policy, involving widespread economic nationalisation, would have removed competition from both domestic and multinational interests and as such have benefited small African entrepreneurs, and not just the working classes. Politically, it would have also meant the substantial loosening of ties between South Africa and (western) international capitalist economies.¹⁸ In marked contrast, the ANC's strategy of overthrowing white rule, from the 1980s, would be greatly facilitated by the support of international and also national capitalism. The coming to power of ANC rule, by this scenario, could only serve to reintegrate an increasingly beleaguered South Africa into the international capitalist world.

The Freedom Charter envisaged joining the so-called «non aligned» bloc of countries, such as Egypt India, Indonesia and Ghana.¹⁹ All such societies maintained multi-class societies, including their native bourgeoisie. In particular, they subscribed to foreign policies pursuing economic independence from the capitalist great powers, most notably the United States and the United Kingdom. Although they championed multi-class, non socialist societies, their foreign policies implicitly supported the Soviet Bloc more often than not,²⁰ in sharp contrast to the predominantly middle class outlook which the ANC later began to assume during the 1980s.

After 1961, and the turn to armed struggle supported now also by the Soviet Bloc, the ANC continued its hostility towards American and British imperialism. Likewise, it continued to support Afro-Asian non alignment,²¹ now qualified, of course, by the movement's new

dependence on Bloc military support. The issue of guerrilla warfare was itself interpreted as a natural evolution of 1950s ANC policy. It was argued that the Freedom Charter had itself, after all, provided a revolutionary long term policy. The ANC and its allies were thus simply carrying out this revolution by armed struggle — the only way possible, in view of the Nationalist government's own unyielding attitude.²²

This thesis of continuity between the formulation of the Freedom Charter and post 1961 policy can further be illustrated. For example, Joe Slovo, who played a key role in writing the Freedom Charter, would subsequently be appointed by the SACP in 1961 to set up the MK guerrilla organisation. Slovo's ANC counterpart in setting up MK, Nelson Mandela,²³ had likewise been involved in writing the Freedom Charter²⁴ and had written an authoritative commentary on the Charter, shortly after its original appearance.²⁵ Likewise, the ANC's policy of nationalising major industries, as outlined in the Freedom Charter, would continue after 1961.²⁶

Only with the 1979 Green Book, committed to redirecting guerrilla warfare to the townships, would the Freedom Charter's multi-class outlook begin to be questioned. The embryonic concept of what would, four years later become known as the UDF can already be found in the Green Book's appeal for the creation of legal and semi-legal organisations, leading to a broad national «popular front».²⁷ The UDF, itself, would encourage mass participation, regardless of any particular ideological outlook. Prospective members were expected only to subscribe to a national liberation struggle opposing white domination, and to seek a unified state based on the principles of equal and universal suffrage.²⁸ It has often been assumed that the UDF directly supported the Freedom Charter, but did not dogmatically impose it,²⁹ or, alternatively, that the UDF was «non-ideological,» avoiding controversial aims for the sake of unity and mass mobilisation.³⁰ It can, however, be argued that this spirit of «compromise» itself indicated a sign of a new ideological outlook at variance with the Freedom Charter, and thus a retreat from confrontation with large scale domestic, as well as with international capitalism.

The UDF in fact was subscribing to a predominantly urban middle class, petty bourgeois agenda, rather than simply pursuing «a fundamentally non-ideological target of strategic unity».³¹ The UDF's leadership, for example, like that of the civics, consisted mostly of professionals, white collar workers, and students. Much less represented were business people or industrial workers.³² To be sure, the UDF was hardly closed to business people, as indicated by the

subsequent affiliation of the National African Federated Chamber of Commerce (NAFCOC) in 1985.³³ Many members of the UDF, of course, appear to have professed a strong preference for socialism.³⁴ Yet this must have reflected an ideal rather than an expectation in practice. Indeed, none of the major independent unions within the Federation of South African Trade Unions (FOSATU) ever seem to have joined the UDF. In similar fashion, the Congress of South African Trade Unions (COSATU), would commit itself, from 1985, to a similar policy of non participation in the UDF.³⁵ For their part, the UDF and the civics were active in the townships rather than in the factories.³⁶

The decline of apartheid, as reflected in the removal of homeland controls over the townships from 1975, therefore, was removing controls over two apparently incompatible interests. On the one hand, black business and the black middle classes in general, were gradually able to benefit from the removal of apartheid restrictions to black commercial activity³⁷ as well as gain local political representation, at first through community councils³⁸ and then through township civic associations. On the other hand, the ANC, through these same civic organisations and ultimately through its legal counterpart, the UDF, was rapidly acquiring political hegemony in the townships. While this meant the radicalisation of the township middle classes, it also would mean the gradual identification of the ANC primarily with these same middle classes, and only secondarily with the poor or with organised labour — in effect a moving away from the multiclass ideals of the Freedom Charter.

This increasingly capitalist-oriented direction of the ANC, as already suggested, could not but have important implications as to the ANC's ties with the outside world. Any improved ties with the West after all, could only be at the expense of the very close ties developed with the Soviet Bloc during the previous twenty years. And yet, as we shall see, Moscow, by the early 1980s was itself having second thoughts about the desirability of continuing its extensive commitments to Third World regions such as southern Africa.

4. Southern Africa and Soviet economic decline (1975-1985)

Like South Africa, the Soviet Union, itself appears to have begun a long term economic decline from about 1975, falling from its previous (1960-1975) growth rates by some 50%.³⁹ Simultaneously, there occurred a general world economic stagnation, itself aggravated by sharply rising oil prices from 1973. This in itself should have acted as a stimulus to the Soviet economy, itself to a considerable degree dependant on oil exports. The fact that even this advantage

was not enough to prevent the Soviet economy's further decline, confirms again the severity and long term character of that decline. Similarly, while South Africa was affected by the world economic decline of the 1970s, that, in itself could not have been her main problem. Not only did the rise of gold during that period act as a partial compensation, but South Africa's decline, like the USSR's, would continue even after the end of the world recession, around 1982.

A more fundamental cause of decline, in the Soviet Union in particular, although probably, to a lesser degree in South Africa as well, was to be found not so much in the challenges posed by world economic stagnation, but, ironically, in the challenges of economic growth. A heavily bureaucratised society and command economy such as the USSR could not easily adapt to the new technology of electronics, beginning to seriously penetrate the international business world during the late 1960s and 1970s. «It was possible to command the replication of steel mills, based on a known technology, in the 1930s; it was not possible to order into existence a computer industry, based on a new and rapidly evolving technology, in the 1970s».⁴¹

Both the Soviet Union and Apartheid South Africa were in fact faced with the dilemma of removing bureaucratised political controls so as to adapt to a market economy. Only such an economy would be flexible enough to cope with the new electronics technology in which increasingly rapid innovation was no longer the exception but the rule and which therefore defied any further attempts at central planning. However, while South Africa, did face the necessity of dismantling apartheid, apartheid controlled only a part of her economy, almost «coexisting» with the free market sector. Because prospects of reform were less total and therefore, less daunting, reform could begin more easily and did so, as we have seen, already beginning from the mid 1970s.

On the other hand, because prospects of Soviet reform were so far reaching and thus so demanding and risky,⁴² fundamental reforms there were postponed and did not get under way for a further ten years. In the meantime, however, a serious reevaluation of foreign policy objectives, particularly in the direction of reducing economic and military commitments towards Africa and other Third World countries, would begin, as if to pave the way for more basic, internal reforms later on. This might help explain why the ANC's own ideological concessions to capitalism already during the early 1980s do not appear to have met any resistance from Moscow.

5. Southern Africa and the question of Soviet disengagement (1979–1985)

The ANC's reinterpretation of the Freedom Charter from 1979 was paralleled, albeit on a far broader scale, during this same period, by a reevaluation in Soviet circles of the theory of the «National Democratic State». This theory had originally evolved during the second half of the 1950s to justify the USSR's suddenly increased interest in supporting anti imperialist national movements in the Third World. Like the Freedom Charter, it particularly emphasised the expulsion of foreign multinationals from Third World national economies.⁴³ By the early 1980s, this theory was falling increasingly under criticism.

It has been suggested that one major cause of this reassessment, along with increasing problems in the Soviet economy, was due to the USSR's recent disappointments in the Third World, particularly the rise of anti Soviet Moslem fundamentalism in Iran and Afghanistan during this period.⁴⁴ In fact, the two concerns were interrelated and reinforced each other. Mounting domestic economic problems would in any case reduce Soviet tolerance for any setbacks overseas, while, in the long run, the unsuccessful war in Afghanistan would greatly compound domestic economic problems. Both concerns would serve increasingly to call into question the wisdom of continued involvement in Third World national liberation movements in general, including also those in Southern Africa.

The first official high level indication of this general reassessment of Soviet relations with the Third World was made by Leonid Brezhnev's immediate successor as General Secretary, Iurii Andropov, in 1983 emphasised that Third World «socialist-oriented» regimes had to view Soviet aid as only secondary and rely primarily on their own economic efforts.⁴⁵ An obvious corollary of this new policy was also to accept the fact that, as a result, many Third World states, including the more politically radical ones, would have to maintain their ties with the international capitalist world order, and accept the necessity of foreign capitalist investment.⁴⁶ Within this context, the increasing tendency of the ANC (and UDF) to identify predominantly with the township middle classes, during the early 1980s, was obviously in step with the new outlook of the Soviet Union itself and thus could only be condoned by the Soviet Bloc.

A former Soviet African specialist, A. Makarov,⁴⁷ looking back to this period of the early 1980s, emphasised what he saw as a shift from an «ideological» Soviet world view of confrontation between socialism and capitalism to a more pragmatic, international «non-ideological» position — in particular concerning Africa.⁴⁸ He re-

vealingly pointed to this transformation as having occurred «on the border line between the 1970s and 1980s».⁴⁹ In fact, what he described illustrates only too well the shift in policy, by both the ANC and the Soviet Union, from Afrocentrism to Eurocentrism.

¹ For further discussion, see PG Eidelberg, «South African apartheid: The homeland-township nexus, 1948-1986,» *South African Historical Journal* 36 (May, 1997), 92-95.

² Ultimately, of course, the South African industrial economy depended on its mining sector, developed already during the late nineteenth century. Manufacturing, itself, would remain dependent upon mining as a source of foreign exchange, and thus be controlled by the mining interests. See, for example, J.Natras, *The South African economy: Its growth and change* (Cape Town, 1981), 143-148, 270; D.Yudelman, *The emergence of modern South Africa: State, capital and the incorporation of organized labor on the South African goldfields, 1902-1939* (Cape Town, 1984), 242, 276-278, 284; B.Fine and Z.Rustomjee, *The political economy of South Africa: From minerals-energy complex to industrialisation* (Johannesburg, 1996), 5, 8-9, 71-118.

³ J.Lazar, «Conformity and conflict: Afrikaner nationalist politics in South Africa, 1948-1961» (PhD, Oxford University, 1987), 343-344; D. Posel, *The making of apartheid, 1948-1961: Conflict and compromise* (Oxford, 1991), 36-38, 264, 270.

⁴ P.Maylam, «The rise and decline of urban apartheid in South Africa,» *African Affairs*, 89, 354 (1990), 69-70, 80; D. Posel, «Curbing African urbanisation in the 1950s and the 1960s,» in M. Swilling, R. Humphries and K. Shubane, eds., *Apartheid city in transition* (Cape Town, 1991), 26.

⁵ For further discussion, see PG Eidelberg, «Guerrilla warfare and the decline of urban apartheid: the shaping of a new African middle class and the transformation of the African National Congress (1975-1985),» *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, forthcoming.

⁶ Maylam, «Rise and Decline,» 70-73, 79.

⁷ On this, see D.Hindson, *Pass Controls and the Urban African Proletariat* (Johannesburg, 1987), 4-6; T. Moll, «'Probably the best laager in the world': the record and prospects of the South African economy,» in J. Brewer, ed., *Can South Africa survive? Five minutes to midnight* (Bergville, 1989), 146-147, 153; Idem, «From booster to brake? Apartheid and economic growth in perspective,» in N. Natras and E. Ardington, eds., *The political economy of South Africa* (Cape Town, 1990), 78-79; Idem, «Output and productivity trends in South Africa: apartheid and economic growth» (PhD, University of Cambridge, 1990), 8, 11-12; Idem, «Did the apartheid economy 'fail'?», *Journal of Southern African Studies*, Vol. 17, No. 2 (June, 1991), 285-287, 290-291.

⁸ Moll, «Output and productivity,» 8, 11.

⁹ M.Lipton, *Capitalism and apartheid: South Africa, 1910-1986* (Aldershot, 1986), 145-149, 240-242, 251-252; Moll, «Best laager in the World,» 153; Idem, «Output and productivity,» 124, 144-148.

¹⁰ V. Shubin, 'The Soviet Union/Russian Federation's relations with South Africa, with special reference to the period since 1980,' *African Affairs*, 95, 378 (Jan., 1996), 5; Idem, *ANC: A view from Moscow* (Bellville, 1999), 39-43. See also N. Mandela's own role in this, during early 1962: «Statement during the Rivonia trial, by Nelson R. Mandela, April 20, 1964,» in Karis and Carter, eds., *From protest to challenge: a documentary history of African politics in South Africa, 1882-1964*, Vol. 3: T. Karis and G. Gerhart, eds. *Challenge and violence, 1953-1964* (Stanford, 1977), 792.

¹¹ University of the Witwatersrand, Africana collection. Karis/Gerhart collection. Interview with Joe Slovo, 12-16 August, 1989, 964-966.

¹² H. Barrell, «The turn to the masses: The African National Congress' strategic review of 1978-79,» *Journal of Southern African Studies*, 18, 1 (March, 1992), 72, 74-76, 79; Karis/Gerhart collection. Interview with Joe Slovo, 977.

¹³ «Report of the Politico-Military Strategy Commission (the 'Green Book') to the ANC National Executive Committee, Parts One and Two with Two Annexures, August, 1979, in Karis and Carter, Vol. 5: T. Karis and G. Gerhart, eds., *Nadir and resurgence, 1964-1979* (Pretoria, Unisa Press, 1997), 302-304, 720, 729-730, 733-734; Karis/Gerhart collection. Interview with Joe Slovo, 977; Barrell, «Turn to the Masses,» 88-89.

¹⁴ J. Seekings, «Why was Soweto different? Urban development, township politics and the political economy of Soweto, 1977-1984,» paper delivered at the African Studies Institute, University of the Witwatersrand, May 2, 1988, 8-9; Idem, «Civic organisations in South African townships,» in G. Moss and I. Obery, eds., *South African Review*, 6 (Johannesburg, 1992), 226-231; J. Brewer, *After Soweto, an unfinished journey* (Oxford, 1986), 243.

¹⁵ Seekings, «Civic organisations,» 229.

¹⁶ See, for example, «'Freedom Charter', Adopted by the Congress of the People, June 26, 1955 in Karis and Carter, Volume 3, 206-207; N. Mandela, «In our lifetime,» in *ibid*, 247, 249; C. Charney, «Janus in blackface?» The African petite bourgeoisie in South Africa,» *Con-Text* 1 (1988), 19, 27.

¹⁷ «Freedom Charter, 206; Mandela, «In our lifetime, 247; P. Hudson, «The Freedom Charter and the theory of national democratic revolution,» *Transformation*, 1 (1986), 24, 32-33.

¹⁸ P. Hudson, «Images of the future and strategies in the present: the Freedom Charter and the South African Left,» in P. Frankel, N. Pines and M. Swilling, eds., *State, resistance and change in South Africa* (Johannesburg, 1988), 263-267, 270; Idem, «Freedom Charter,» 20, 29.

¹⁹ B. Bunting, *Moses Kotane; South African revolutionary* (London, 1975), 206-211, 221; C. Bundy, «Around which corner?: Revolutionary theory and contemporary South Africa,» *Transformation*, 8(1989), 8-12.

²⁰ Soviet policy towards such countries is discussed in P. Hudson, «Freedom Charter,» 6-7, 14-20, 24; Idem, «Images of the future,» 263-267.

²¹ South African Communist Party (SACP), *The Road to South African Freedom* (London, 1981), 9, 11, 13, 17, 26-27, 42-44; «Strategy and tactics of the South African revolution (A political report adopted by the consultative conference of the ANC at the Morogoro conference, Tanzania, May,

1969),» in A. La Guma, ed., *Apartheid: a collection of writings on South African racism by South Africans* (New York, 1971), 191.

²² «Strategy and tactics; 181, 184-188; SACP, *Road to South African Freedom*, 44-46; «The Freedom Charter (An analysis of the Freedom Charter, the revolutionary programme of the African National Congress, as presented at the Morogoro conference, Tanzania, May, 1969),» in A. La Guma, ed., *Apartheid*, 231-233; T. Lodge, «The African National Congress in South Africa, 1976-1983: guerrilla war and armed propaganda,» *Journal of Contemporary African Studies*, 3, 1&2 (October, 1983/April, 1984), 162-163.

²³ Hudson, «Images of the future,» 275; R. Fine and D. Davis, *Beyond Apartheid: labour and liberation in South Africa* (Johannesburg: Ravan Press, 1991), 141; «Statement during the Rivonia trial,» 772; H. Barrell, *MK: the ANC's armed struggle* (London, 1990), 5-7, 10.

²⁴ Karis and Carter, Volume 3, 60.

²⁵ N. Mandela, «In our lifetime,» in Karis and Carter, Vol. 3, 245-250.

²⁶ SACP, *Road to South African Freedom*, 44-45, 48; «Freedom Charter (An analysis), 235.

²⁷ «Green Book,» 730-731; Karis/Gerhart collection. Interview with Joe Slovo, 987-988; Barrell, *MK*, 40,, 50-51; Idem, «Turn to the masses,» 83,85-86, 91; Shubin, *ANC*, 185.

²⁸ «Green Book,» 728, 730-731; Karis/Gerhart collection. Interview with Joe Slovo, 974-975, 979; Barrell, «Turn to the masses,» 86; J. Seekings, «What was the United Democratic Front?», in D. O'Meara, ed., *The politics of change in Southern Africa*. Canadian Research Consortium on Southern Africa. Collected Seminar Papers, vol. 1 (Montreal, 1995), 52-53.

²⁹ Mac Maharaj, «UDF: an historical development» (interview), *Sechaba*, (March, 1984), 17; T. Lodge, «Introduction,» in S. Gastrow, *Whose who in South African politics*, Vol. 1 (Braamfontein, 1985), 16, 25; Idem, «The United Democratic Front: leadership and ideology,» in J. Brewer, ed., *Can South Africa survive? Five minutes to midnight* (Bergville, 1989), 210-213; J. Seekings, «Township resistance in the 1980s, in M. Swilling, R. Humphreys, K. Shubane, eds., *Apartheid city in transition* (Cape Town, 1991), 292; Idem, «Trailing behind the masses': the United Democratic Front and township politics in the Pretoria-Witwatersrand-Vaal region, 1983-1984,» *Journal of Southern African Studies*, 18, 1 (March, 1992), , 94, 112.

³⁰ A. Marx, *Lessons of struggle, South African internal opposition, 1960-1990* (New York, 1992), 135, 137-138, 146-147.

³¹ *Ibid*, 135.

³² Lodge, «United Democratic Front,» 207-210; Seekings, «Trailing behind the masses,» 111; Brewer, *After Soweto*, 290; Charney, «Janus in blackface?», 37-38.

³³ B. Nzimande, «Class, national oppression and the African petty bourgeoisie: the case of the African traders,» in R. Cohen Y. Muthien, A. Zegeye, eds., *Repression and resistance: insider accounts of apartheid*, (London, 1990), 173-174, 190-193, 208; M. Sarakinsky, «The ideology and politics of African capitalists,» *Africa Perspective*, New Series, 1, 3 & 4 (1987), 54.

³⁴ Lodge, «United Democratic Front,» 220; Idem, «Introduction,» in S. Gastrow, *Who's who in South African Politics*, Vol. 2 (Braamfontein, 1985), xxiii; Marx, *Lessons of struggle*, 224.

³⁵ Brewer, *After Soweto*, 285; Marx, *Lessons of struggle*, 138; T. Lodge and B. Nasson, *All here and now: black politics in South Africa in the 1980s* (Cape Town, 1991), 39.

³⁶ Marx, *Lessons of struggle*, 106-107.

³⁷ See on this, for example, Moll, *Output and productivity*, 124, 153-154.

³⁸ For further discussion, see PG Eidelberg, *Guerrilla warfare*, forthcoming.

³⁹ D.Kotz with F. Weir, *Revolution from above: the demise of the Soviet system* (New York, 1997), 44-45, 250.

⁴⁰ *Ibid.*, 48

⁴¹ R.Strayer, *Why did the Soviet Union collapse? Understanding historical change*. (New York, 1998), 58.

⁴² Strayer, 14.

⁴³ On the Soviet theory of national liberation, see for example, P. du Toit Botha, «The Soviet reassessment of socialist orientation and the African response,» in R. Kanet, D. Miner, T. Resler, *Soviet foreign policy in transition* (Cambridge, 1992), 182-183.

⁴⁴ E.Valkenier, «Revolutionary change in the Third World: recent Soviet assessments», *World Politics*, 38, 3 (April, 1986), 415, 426, 433.

⁴⁵ R.Kanet, «Reassessing Soviet doctrine: new priorities and perspectives,» in E. Kolodziej and R. Kanet, eds., *The limits of Soviet power in the developing world: Thermidor in the revolutionary struggle* (London, 1989), 399-401, 418; du Toit Botha, 184, 188.

⁴⁶ Valkenier, 422, 425.

⁴⁷ Makarov was, during the 1980s, a member of the Africa section of the CPSU's international department.

⁴⁸ A.Makarov, «Yuzhnaya Afrika i mir,» *Vestnik moskovskovo universiteta*, Ser. 13. Vostokovedenie. 1991. No 1, 29-31.

Ibid., 30

* * *

В докладе отмечается, что с 1955 до приблизительно 1980 года АНК проводил политику, основанную на Хартии свободы. В области международных отношений это означало неприсоединение, однако, на деле — симпатию к советскому блоку. С ослаблением в середине 1970-х годов административной системы апартхеида АНК решил наряду с вооруженной борьбой использовать и методы борьбы политической, в частности участвовать в деятельности Объединенного демократического фронта и органов местного самоуправления. Однако при этом АНК подвергся идеологическому влиянию ОДФ и органов местного самоуправления и был вынужден отказаться от некоторых положений Хартии свободы. Это означало отход от афроцентристских позиций и переход на евроцентристские.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Соображения редакции (на англ. яз.)	9
<i>И. И. Филатова</i> (Россия-ЮАР). Полвека в африканистике	14
<i>А. Б. Давидсон</i> (Москва). Вступительное слово на открытии конференции	32
<i>Н. Б. Кочакова</i> (Москва). Афроцентризм в исторических исследованиях: да или нет?	34
<i>И. И. Филатова</i> (Россия-ЮАР). Африканское государство против африканского ренессанса? Государство в Африке в исторической перспективе (на англ. яз.)	40
<i>С. Я. Берзина</i> (Москва). Африканское искусство в музеях США и Европы. Ситуация, тенденции, перспективы единого культурного пространства на рубеже XXI в.	71
<i>Г. В. Цыпкин</i> (Москва). Эфиопоцентризм и эфиопское общество	82
<i>Н. Г. Щербаков</i> (Москва). Идеологи современного отечественного расизма	94
<i>С. В. Мазов</i> (Москва). «Расизм по-русски»? Африканские студенты в СССР в 1960 г.	103
<i>А. Блейкли</i> (США). И трава не зеленее, и укрытия нет: сравнение восприятия черных в Европе в середине и в конце XX в. (на англ. яз.)	112
<i>А. С. Балезин</i> (Москва). «Афронемцы» в Германии: судьбы в условиях радикализирующегося европоцентризма (по архивным материалам)	121
<i>Ф. Боннер</i> (ЮАР). Афроцентризм и европоцентризм в политике черной элиты в межвоенный период (на англ. яз.)	133
<i>Й. Харнишфегер</i> (ФРГ). Государство и колдовство в Южной Африке (на англ. яз.)	146
<i>В. И. Евсеенко</i> (Киров). Современная политика тоталитаризма с позиций евро- и афроцентризма	172
<i>О. Хулец</i> (Чехия). Предположения, итоги и отзвуки Комиссии правды и примирения в ЮАР (на англ. яз.)	178
<i>В. Г. Шубин</i> (Москва). Новый президент ЮАР в зеркале недавних публикаций	189

<i>Н. Ределинхейс</i> (ЮАР). Африканский Ренессанс: взгляд из Южной Африки	194
<i>Ф. Эйдельберг</i> (ЮАР). Внешняя политика Африканского национального Конгресса (1979-1988): от афроцентризма к евроцентризму (на англ. яз.)	210